

Легенды евреев — Том 2

Луи Гинзберг

The Legends of the Jews — Volume 2

Louis Ginzberg

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Легенды евреев" — Том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Легенды евреев — Том 2

Автор: Луи Гинзберг

Переводчик: Генриетта Шольд

Дата выхода: 1 октября 1998 г. [Электронная книга № 1494]

Последнее обновление: 4 февраля 2022 г.

Язык: Английский

Титры: Чарльз Келлер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " ЛЕГЕНДЫ ЕВРЕЕВ " — ТОМ 2 ***

Легенды евреев

Луи Гинзберг

ПЕРЕВЕДЕН С НЕМЕЦКОЙ РУКОПИСИ ГЕНРИЕТТОЙ ШОЛЬД

ТОМ II

БИБЛЕЙСКИЕ ВРЕМЕНА И ПЕРСОНАЖИ ОТ ИОСИФА ДО ИСХОДА

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. ИОСИФ

Любимый сын

Иосифа Ненавидят Его братья

Иосиф Брошен в яму
Продажа
трех хозяев Иосифа
Пальто Иосифа, принесенное Его отцу
Иуде и Его сыновьям
Женам сыновей Иакова
Иосиф Раб Потифара
Иосиф и Зулейка
Иосиф сопротивляется искушению
Иосиф в тюрьме
Сны фараона
Иосиф перед фараоном
Правителем Египта
Братья Иосифа в Египте
Иосиф встречает Своих братьев
Второе путешествие в Египет
Иосиф и Вениамин
Пойманный вор
Иуда умоляет и угрожает
Иосиф дает о себе знать
Иаков получает Радостную весть
Иаков прибывает в Египет
Доброта и великодушие Иосифа
Последнее желание Иакова
Благословение Ефрема и Манассии
Благословение Двенадцати колен
Смерть Иакова
Сыновья Иакова воюют с сыновьями Исава
Царь Киттима Цефо
Воюющие народы
Великодушие Иосифа
Асенаф
Женитьба Иосифа
Добрые и Недобрые Братья
Предательство наказано
Смертью и погребением Иосифа.

II. СЫНОВЬЯ Иакова

Значимые имена
Завещание Рувима
Предостережение Симона от зависти
Вознесение Левия
Иуда предостерегает от жадности и нецеломудрия
Чистосердечие Иссахара
Завулон призывает к состраданию
Признание Дана
Мечты Неффалима о разделении колен
Ненависть Гада
Последние слова Ашера
Вениамин превозносит Иосифа.

III. ИОВ

Иов и Патриархи
Богатство и благодеяния Иова
Сатана и Иов
Страдания Иова
Четверо друзей
Восстановлены Иовом.

IV. МОИСЕЙ В ЕГИПТЕ

Начало египетского рабства
Хитрость фараона
Благочестивые повивальные бабки
Три советника
Убийство невинных
Родители Моисея
Рождение Моисея
Моисей, спасенный из воды
Младенчество Моисея
Моисей, спасенный Гавриилом
Юность Моисея
Бегство

Царя Иудейского Эфиопия
Иофор
Моисей женится на Сепфоре
Кровавое лекарство
Верный пастырь
Горящий Терновый куст
Вознесение Моисея
Моисей посещает рай и Ад
Моисей отказывается от Миссии
Моисей наказан за свое упрямство
Возвращение в Египет
Моисей и Аарон перед фараоном
Страдания увеличиваются
Мера за меру
Язвы, принесенные через Аарона
Язвы, принесенные через Моисея
Первая Пасха
Избиение первенцев
Искушение Израиля от египетской Рабство
Исход

ПРЕДИСЛОВИЕ

Расположение и подача материала в этом томе те же , что и в томе I. В обоих случаях мои усилия были направлены на то, чтобы собрать воедино как можно более полное собрание еврейских легенд, повествующих о библейских персонажах и событиях. Источники этих легенд и пояснения к некоторым из них будут даны в последнем томе всего труда, а номера на протяжении всей работы приведены в примечаниях к заключительному тому.

Моим первоначальным намерением было продолжить второй том до "смерти Моисея", но легендарный материал, связанный с жизнью и смертью Моисея, настолько обилен, что практические соображения потребовали разделить этот материал, чтобы не делать второй том слишком громоздким. Выбранное разделение является естественным. Этот том заканчивается Исходом и содержит деяния Моисея в Египте, в то время как следующий том будет посвящен Моисею в пустыне.

Тот факт, что Иов помещен между сыновьями Иакова и Моисеем, может показаться странным некоторым читателям, поскольку в Библии Иов - одна из последних книг; но "легенда превышает времени и пространства", и поэтому я отвел Иову место, которое легенда приписывает ему.

ЛУИ ГИНЗБЕРГ.

НЬЮ-ЙОРК, 28 марта 1910 года.

Я ДЖОЗЕФ ЛЮБИМЫЙ СЫН

Иаков не был исключением из жребия, выпадающего на долю всех благочестивых. Всякий раз, когда они ожидают наслаждаться жизнью в спокойствии, сатана препятствует им. Он предстает перед Богом и говорит: "Разве недостаточно того, что будущий мир предназначен для благочестивых? Какое право имеют они, кроме того, наслаждаться этим миром?" После многих трудностей и конфликтов, которые встали на пути Иакова, он думал, что наконец обретет покой, но затем произошла потеря Иосифа и причинила ему самые острые страдания. Воистину, немногочисленными и злыми были дни в годы паломничества Иакова, ибо время, проведенное за пределами Святой Земли, казалось ему безрадостным. Только та часть его жизни, которая прошла на земле его отцов, в течение которой он был занят обращением в свою веру, в соответствии с примером, поданным ему Авраамом и Исааком, была достойна того, чтобы прожить ее, [1] и это счастливое время длилось недолго. Когда Джозефа похитили, но с момента его возвращения в дом отца прошло восемь лет.[2]

И все же только ради Иосифа Иаков был готов претерпеть все беды и невзгоды, связанные с его пребыванием в доме Лавана. Действительно, благословение Иакова на то, что его колчан был полон детей, было получено благодаря заслугам Иосифа, и точно так же разделение Красного моря и Иордана для израильтян было наградой за благочестие его сына. Ибо среди сыновей Иакова Иосиф был тем, кто больше всего походил на своего отца внешне, а также он был тем, кому Иаков передал наставления и знания, которые он получил от своих учителей Сима и Эбера.[3] Весь жизненный путь сына - это всего лишь повторение жизни отца. Как мать Иакова долгое время оставалась бездетной после замужества, так и мать Иосифа. Как Ревекка претерпела жестокие страдания, родив Иакова, так и Рахиль, родив Иосифа. Как мать Иакова родила двух сыновей, так и мать Иосифа. Как и Иаков, Иосиф родился обрезанным. Как отец был пастухом, так и сын. Как отец служил ради женщины, так и сын служил под началом женщины. Как и отец, сын присвоил право первородства своего старшего брата. Отца ненавидел его брат, а сына ненавидели его братья. Отец был любимым сыном по сравнению со своим братом, таким же был и сын по сравнению со своими братьями. И отец, и сын жили в стране чужеземцев. Отец стал слугой хозяина, как и сын. Учитель, которому служил отец, был благословлен Богом, так же как и учитель, которому служил сын. Отца и сына сопровождали ангелы, и оба женились на своих женах за пределами Святой Земли. Отец и сын были благословлены богатством. Великие дела были возведены отцу во сне, то же самое было и сыну. Как отец отправился в Египет и положил конец голоду, так и сын. Как отец потребовал от своих сыновей обещания похоронить его в Святой Земле, так и сын. Отец умер в Египте, там умер и сын. Тело отца было забальзамировано, также как и тело сына. Как останки отца были перевезены в Святую Землю для погребения, так и останки сына. Отец Иакова обеспечивал пропитание своего сына Иосифа в течение семнадцати лет, поэтому сын Иосифа обеспечивал своего отца Иакова в течение семнадцати лет.[4]

До семнадцати лет Джозеф часто посещал Бет ха-Мидраш[5] и стал настолько образованным, что мог передавать своим братьям галакот, который слышал от своего отца, и таким образом его можно считать их учителем.[6] Он не ограничивался формальными инструкциями, он также пытался дать им хороший совет, и он стал любимцем сыновей служанок, которые целовали и обнимали его.[7]

Несмотря на его ученость, в Джозефе было что-то мальчишеское. Он подкрасил глаза, тщательно уложил волосы и ходил семенящей походкой. Эти юношеские слабости были не столь прискорбны, как его привычка сообщать отцу дурные слухи о своих братьях. Он обвинил их в жестоком обращении с животными, находящимися на их попечении, — он сказал, что они ели мясо, оторванное от живого животного, — и он обвинил их в том, что они бросали взгляды на дочерей хананеев и пренебрежительно обращались с сыновьями служанок Валлы и Зелфы, которых они называли рабами.

За эти беспочвенные обвинения Джозефу пришлось дорого заплатить. Он сам был продан в рабство, потому что обвинил своих братьев в том, что они называли рабами сыновей служанок, а жена Потифара положила глаз на Иосифа, потому что он бросил подозрение на своих братьев в том, что они положили глаз на хананеянок. И насколько мало правды было в том, что они были виновны в жестоком обращении с животными, видно из того факта, что в то самое время, когда они обдумывали свое преступление против Джозефа, они все же соблюдали все правила и предписания ритуала при забое козленка, кровью которого они облагрили его разноцветную шерсть.[8]

ИОСИФА НЕНАВИДЕЛИ ЕГО БРАТЬЯ

Сплетни Джозефа против его братьев заставили их возненавидеть его. Среди всех них Гад был особенно разгневан, и на то были веские причины. Гад был очень храбрым человеком, и когда хищный зверь нападал на стадо, которое он охранял ночью, он хватал его за одну из ног и кружил до тех пор, пока оно не было оглушено, а затем отбрасывал его на расстояние в два стадиона и убивал таким образом. Однажды Иаков послал Иосифа пасти стадо, но тот отсутствовал всего тридцать дней, потому что был хрупким мальчиком и заболел от жары, и он поспешил вернуться к своему отцу. Вернувшись, он рассказал Иакову, что сыновья служанок имели обыкновение забивать отборный скот из стада и есть его, не получив разрешения от Иуды и Рувима. Но его отчет не был точным. То, что он видел, было то, как Гад зарезал одного ягненка, которого он вырвал из самой пасти медведя, и он убил его, потому что его нельзя было сохранить живым после испуга. Рассказ Джозефа звучал так, как будто сыновья служанок были обычно невнимательны и беспечны в растрате имущества своего отца.[9]

К негодованию братьев добавилась их зависть к Иосифу, потому что их отец любил его больше всех них. Красотой Иосиф не уступал своей матери Рахили, и Иакову достаточно было взглянуть на него, чтобы утешиться в связи со смертью своей любимой жены. Достаточная причина, чтобы выделить его среди своих детей.[10] В знак своей великой любви к нему Иаков подарил Иосифу разноцветный плащ, такой легкий и нежный, что его можно было смять и спрятать в сомкнутой ладони одной руки. Еврейское название одежды, *Passim*, передает историю продажи Иосифа. Первая буква, *Pe*, обозначает Потифара, его египетского хозяина; *Samek* обозначает Сохарим, торговцев, которые купили Иосифа у компании измаильян, которым его

продали братья; Yod обозначает тех же измаильтян; и Met обозначает мадианитян, которые приобрели его у торговцев, а затем передали Потифару. Но Passim. имеет еще одно значение - "расщелины". Его братья знали, что в грядущие дни Красное море расколется надвое ради Иосифа, и они завидовали славе, которая будет дарована ему. Хотя они были полны ненависти к нему, в их пользу следует сказать, что они не отличались угрюмым, злобным характером. Они не скрывали своих чувств, они открыто заявляли о своей вражде.

Однажды Иосифу приснился сон, и он не смог удержаться, чтобы не рассказать его своим братьям. Он заговорил и сказал: "Выслушайте, прошу вас, этот сон, который приснился мне. Вот, ты собрал плод, и я тоже. Твой плод сгнил, но мой остался целым. Твое семя воздвигнет немые изображения идолов, но они исчезнут при появлении моего потомка, Мессии Иосифа. Вы скроете правду о моей судьбе от моего отца, но я буду стоять твердо в награду за самоотречение моей матери, и вы пять раз падете ниц передо мной".[11]

Братья сначала отказались слушать сон, но когда Джозеф убеждал их снова и снова, они прислушались к нему и сказали: "Ты действительно будешь царствовать над нами? или ты действительно будешь властвовать над нами?"[12] Бог вложил в их уста истолкование, которое должно было быть подтверждено в потомстве Иосифа. Иеровоам и Ииуй, два царя, и Иисус Навин и Гедеон, два судьи, были среди его потомков, что соответствует двусмысленным выражениям, использованным его братьями при толковании сна.[13]

Затем Иосифу приснился другой сон, в котором солнце, луна и одиннадцать звезд склонились перед ним, и Иаков, которому он рассказал его первым, обрадовался, потому что правильно понял его значение.[14] Он знал, что он сам был обозначен солнцем, именем, которым Бог назвал его, когда он остановился на ночь на святом месте Храма. Он слышал, как Бог сказал ангелам в то время: "Солнце взошло".[15] Луна символизировала мать Иосифа, а звезды - его братьев, ибо праведники подобны звездам.[16] Иаков был настолько убежден в правдивости сна, что ему пришло в голову, что он доживет до воскресения мертвых, потому что Рахиль была мертва, и ее возвращение на землю было ясно указано во сне. Там он сбился с пути, потому что речь шла не о родной матери Иосифа, а о его приемной матери Валле, которая вырастила его.

Иаков записал этот сон в книгу, записав все обстоятельства, день, час и место, ибо святой дух предостерег его: "Берегись, все это непременно сбудется".[17] Но когда Иосиф повторил свой сон своим братьям в присутствии своего отца, Иаков упрекнул его, сказав: "Я и твои братья, в этом есть некоторый смысл, но я и твоя мать, это непостижимо, ибо твоя мать умерла".[18] Эти слова Иакова вызвали порицание от Бога. Он сказал: "Таким образом, твои потомки в грядущее время будут стремиться помешать Иеремии в передаче его пророчеств".[19] Иакова можно простить, он говорил таким образом только для того, чтобы отвести зависть и ненависть своих братьев от Иосифа, но они завидовали и ненавидели его, потому что знали, что толкование, данное Иаковом сну, сбудется.[20]

ИОСИФ БРОШЕН В ЯМУ

Однажды братья Иосифа пригнали стада своего отца на пастбища Сихема и намеревались отдохнуть там.[21] Они долго отсутствовали, и никаких вестей о них не было слышно. Иаков начал беспокоиться о судьбе своих сыновей. Он опасался, что между ними и жителями Сихема

разразилась война, и решил послать к ним Иосифа и попросить его снова сообщить, все ли в порядке с его братьями.[22] Иаков пожелал узнать также о стадах, ибо это долг - заботиться о благополучии всего, из чего человек извлекает выгоду. Хотя Джозеф знал, что ненависть его братьев может привести к неприятным приключениям, все же из сыновнего почтения он заявил, что готов выполнить поручение своего отца. Позже, всякий раз, когда Джейкоб вспоминал о воле своего дорогого сына, это воспоминание пронзало его сердце. Он говорил себе: "Ты знал ненависть своих братьев, и все же ты сказал: "Вот я".[23]

Иаков отпустил Иосифа, наказав, чтобы тот путешествовал только при дневном свете, [24] сказав более того: "Пойди теперь, посмотри, хорошо ли с твоими братьями и со стадом; и пришли мне весточку" — бессознательное пророчество. Он не сказал, что ожидает снова увидеть Джозефа, а только получить от него весточку.[25] После заключения завета частей Бог решил, в ответ на сомневающийся вопрос Авраама, что Иаков и его семья должны отправиться в Египет и жить там. Предпочтение, оказанное Иосифу его отцом, и вызванная им зависть, приведшая в конечном итоге к продаже Иосифа и его поселению в Египте, были всего лишь замаскированными средствами, созданными Богом, вместо того чтобы непосредственно исполнить Его совет, уведя Иакова в Египет в качестве пленника.[26]

Иосиф добрался до Сихема, где ожидал найти своих братьев. Сихем всегда был местом дурного предзнаменования для Иакова и его потомства — там была обещана Дина, там Десять Колен Израилевых восстали против дома Давидова, в то время как Ровоам правил в Иерусалиме, и там Иеровоам был провозглашен царем.[27] Не найдя своих братьев и стада в Сихеме, Иосиф продолжил свой путь в направлении следующего пастбища, недалеко от Сихема, но он заблудился в пустыне.[28] Гавриил в человеческом облике предстал перед ним и спросил его, говоря: "Чего ты ищешь?"[29] И он ответил: "Я ищу моих братьев". На что ангел ответил: "Твои братья отказались от Божественных качеств любви и милосердия.[30] Из пророческого откровения они узнали, что евеи готовились начать с ними войну, и поэтому они ушли отсюда, чтобы отправиться в Дофан. И им пришлось покинуть это место также по другим причинам. Я услышал, когда еще стоял за завесой, скрывающей Божественный престол, что в этот день начнется египетское рабство, и ты будешь первым, кто подвергнется ему".[31] Затем Гавриил привел Иосифа в Дофан.[32]

Когда его братья увидели его издалека, они составили против него заговор, чтобы убить его. Их первым планом было натравить на него собак. Затем Симон обратился к Левию: "Вот, повелитель снов приходит с новым сном, тот, чей потомок Иеровоам введет поклонение Ваалу. Поэтому приходите сейчас и давайте убьем его, чтобы увидеть, что станет с его мечтами". Но Бог заговорил: "Вы говорите, мы увидим, что станет с его мечтами, и я говорю то же самое, мы увидим, и будущее покажет, чье слово останется в силе, ваше или Мое".[33]

Симон и Гад принялись убивать Иосифа, и он пал ниц и умолял их: "Сжальтесь надо мной, братья мои, сжальтесь над сердцем отца моего Иакова. Не поднимай на меня своихрук, чтобы не проливать невинную кровь, ибо я не причинил тебе никакого зла. Но если я причинил вам зло, то накажите меня наказанием, но не возлагайте на меня рук ваших ради нашего отца Иакова". Эти слова тронули Завулону, и он начал стенать и рыдать, и стенания Иосифа усилились вместе с воплями его брата, и когда Симон и Гад подняли на него руки, чтобы исполнить свой злой замысел, Иосиф укрылся за спиной Завулону и умолял других своих братьев сжалиться над ним. Тогда Рувим встал и сказал: "Братья, давайте не будем убивать его,

но бросим его в одну из сухих ям, которые вырыли наши отцы, не найдя воды". Это было благодаря провидению Божьему; Он предотвратил подъем воды в них, чтобы можно было совершить спасение Иосифа, и ямы оставались сухими до тех пор, пока Иосиф не оказался в безопасности в руках измаильтян.[34]

У Рувима было несколько причин заступиться за Иосифа. Он знал, что их отец возложит ответственность за это на него, как на старшего из братьев, если с ним случится какое-либо зло. Кроме того, Рувим был благодарен Иосифу за то, что тот причислил его к одиннадцати сыновьям Иакова, рассказав свой сон о солнце, луне и звездах. С тех пор как он проявил неуважение к Джейкобу, он не считал себя достойным того, чтобы считаться одним из его сыновей.[35] Сначала Рувим попытался удержать своих братьев от их намерения и обратился к ним со словами, полными любви и сострадания. Но когда он увидел, что ни слова, ни мольбы не изменят их намерения, он умолял их, говоря: "Братья мои, по крайней мере, послушайте меня в отношении этого, чтобы вы не были настолько злыми и жестокими, чтобы убить его. Не поднимай руки на своего брата, не проливай крови, брось его в эту яму, которая находится в пустыне, и пусть он погибнет таким образом.[36]

Тогда Рувим ушел от своих братьев и спрятался в горах, чтобы в благоприятный момент поспешить обратно, вытащить Иосифа из ямы и вернуть его отцу. Он надеялся, что его наградой будет прощение за проступок, который он совершил против Джейкоба.[37] Его благое намерение было расстроено, но Рувим был вознагражден Богом, ибо Бог воздаст не только за добрые дела, но и за благие намерения.[38] Как он был первым из братьев Иосифа, предпринявшим попытку спасти его, так и город Безер в колене Рувима был первым из городов-убежищ, предназначенных для защиты жизни невинных, обращающихся за помощью.[39] Более того, Бог обратился к Рувиму, сказав: "Как ты был первым, кто попытался вернуть ребенка его отцу, так и Осия, один из твоих потомков, будет первым, кто попытается привести Израиль обратно к его небесному Отцу".[40]

Братья приняли предложение Рувима, и Симон схватил Иосифа и бросил его в яму, кишашую змеями и скорпионами, рядом с которой была еще одна неиспользуемая яма, заполненная отбросами.[41] Как будто этого было недостаточно для пытки, Симон приказал своим братьям бросать в Иосифа большие камни. В своих более поздних отношениях с этим братом Симоном Иосиф проявил всю снисходительность, присущую его натуре. Когда Симона держали в заложниках в дюрансе в Египте, Джозеф, отнюдь не затаив на него зла, приказал подавать перед ним фаршированную птицу во время всех приемов пищи.[42]

Не удовлетворившись тем, что Иосиф подвергся нападению змей и скорпионов, его братья раздели его догола, прежде чем бросить в яму. Они сняли с него разноцветный плащ, верхнюю одежду, бриджи и рубашку.[43] Однако рептилии не могли причинить ему никакого вреда. Бог услышал его крик о помощи и заставил их прятаться в расщелинах и норах, и они не могли приблизиться к нему. Из глубины ямы Иосиф воззвал к своим братьям, говоря: "О братья мои, что я сделал вам и в чем мой проступок? Почему ты не боишься перед Богом из-за твоего обращения со мной? Разве я не плоть от твоей плоти и не кость от твоей кости? Иаков, твой отец, разве он не является также и моим отцом? Почему ты так поступаешь со мной? И как ты сможешь поднять свое лицо перед Иаковом? О Иуда, Рувим, Симон, Левий, братья мои, молю вас, избавьте меня из темного места, в которое вы меня бросили. Хотя я и согрешил против вас, все же вы дети Авраама, Исаака и Иакова, которые были сострадательны к сироте, давали пищу

голодным и одевали нагих. Как же тогда ты можешь скрывать свою жалость от своего собственного брата, от своей плоти и кости? И хотя я согрешил против тебя, все же ты прислушаешься к моей просьбе ради моего отца. О, если бы мой отец знал, что мои братья делают со мной и что они говорили мне!"

Чтобы не слышать плача и криков отчаяния Джозефа, его братья вышли из ямы и встали на расстоянии выстрела из лука.[44] Единственным среди них, кто проявил жалость, был Зебулон. В течение двух дней и двух ночей он ничего не ел из-за своего горя о судьбе Джозефа, которому пришлось провести три дня и три ночи в яме, прежде чем его продали. В течение этого периода братья поручили Зебулону нести вахту у ямы. Его выбрали стоять на страже, потому что он не принимал участия в трапезе. Часть времени Иуда также воздерживался от еды вместе с остальными и по очереди наблюдал за происходящим, потому что боялся, что Симон и Гад могут спрыгнуть в яму и положить конец жизни Джозефа.[45]

Пока Иосиф томился таким образом, его братья решили убить его. Они сказали, что сначала закончат трапезу, а потом вытащат его и убьют. Покончив с едой, они попытались произнести молитву, но Иуда возразил им: "Мы собираемся лишить жизни человека и все же благословляем Бога? Это не благословение, это презрение к Господу.[46] Какая польза, если мы убьем нашего брата? Скорее на нас снизойдет Божье наказание. У меня есть хороший совет, который я могу дать вам. Вон там проходит группа странствующих измаильтян, направляющихся в Египет. Пойдем, продадим его измаильтянам, и пусть наша рука не будет на нем. Измаильтяне возьмут его с собой в свои странствия, и он затеряется среди народов земли.[47] Давайте последуем обычаю прежних дней, ибо и Ханаан, сын Хама, был обращен в рабство за свои злые дела, и так же мы поступим с нашим братом Иосифом".[48]

РАСПРОДАЖА

Пока братья Иосифа размышляли о его судьбе, семь мадианитских купцов прошли мимо ямы, в которой он лежал. Они заметили, что над ним кружит множество птиц, откуда предположили, что там должна быть вода, и, испытывая жажду, сделали привал, чтобы освежиться. Когда они подошли ближе, то услышали крики и стенания Джозефа, и они посмотрели вниз, в яму, и увидели юношу с красивой фигурой и приятной внешностью. Они окликнули его, говоря: "Кто ты? Кто привел тебя сюда и кто бросил тебя в эту яму в пустыне? Они все вместе вытащили его и взяли с собой, когда продолжили свой путь. Им пришлось миновать его братьев, которые крикнули мадианитянам: "Зачем вы сделали такое - украли нашего раба и увели его с собой? Мы бросили юношу в яму, потому что он был непослушен. А теперь верни нам нашего раба". Мадианитяне ответили: "Что, этот юноша, по твоим словам, твой раб, твой слуга? Более вероятно, что вы все его рабы, ибо красотой форм, приятной внешностью и опрятным обликом он превосходит вас всех. Почему же тогда вы говорите нам ложь? Мы не станем прислушиваться к твоим словам и не поверим тебе, ибо мы нашли мальчика в пустыне, в яме, и мы вытащили его, и мы унесем его с собой в наше путешествие ". Но сыновья Иакова настаивали: "Верни нам нашего раба, чтобы ты не встретил смерть на острие меча".

Ничуть не смутившись, мадианитяне обнажили оружие и под боевые кличи приготовились вступить в схватку с сыновьями Иакова. Тогда Симон поднялся и с обнаженным мечом бросился на мадианитян, одновременно издав крик, от которого содрогнулась земля. Мадианитяне пали

ниц в великом ужасе, и он сказал: "Я Симон, сын иудея Иакова, который разрушил город Сихем один и без посторонней помощи, и вместе с моими братьями я разрушил города Амореяев. Боже, сделай это и даже больше, если это неправда, что все мадианитяне, твои братья, объединившиеся со всеми ханаанейскими царями, чтобы сражаться со мной, не могут выстоять против меня. Теперь верни мальчика, которого ты забрал у нас, иначе я отдам твою плоть птицам небесным и зверям полевым".

Мадианитяне очень боялись Симона и, охваченные ужасом и смущением, без особого мужества обратились к сыновьям Иакова: "Разве вы не говорили, что бросили этого юношу в яму, потому что он был мятежного духа? Что теперь вы будете делать с непокорным рабом? Скорее продайте его нам, мы готовы заплатить любую цену, которую вы пожелаете". Эта речь была частью Божьего замысла. Он вложил это в сердце мадианитян - настаивать на обладании Иосифом, чтобы он не остался со своими братьями и не был убит ими.[49] Братья согласились, и Иосиф был продан в рабство, пока они сидели за трапезой. Бог заговорил, сказав: "За трапезу вы продали своего брата, и так Артаксеркс продаст ваших потомков Аману за трапезу, и поскольку вы продали Иосифа в рабство, поэтому вы будете год за годом говорить: "Мы были рабами фараона в Египте".[50]

Цена, заплаченная мадианитянами за Иосифа, составила двадцать сребреников, которых хватило на пару обуви каждому из его братьев. Таким образом, "они продавали праведных за серебро, а нуждающихся - за пару обуви". Для такого красивого юноши, как Джозеф, выплаченная сумма была, безусловно, слишком мала, но его внешность сильно изменилась из-за ужасных мучений, которые он перенес в яме со змеями и скорпионами. Он утратил свой румянец, выглядел желтоватым и болезненным, и мадианитяне были правы, заплатив за него небольшую сумму.[51]

Торговцы наткнулись на Иосифа голым в яме, потому что его братья сняли с него всю одежду. Чтобы он не предстал перед людьми в неприличном виде, Бог послал к нему Гавриила, и ангел увеличил амулет, висевший на шее Иосифа, до тех пор, пока тот не превратился в одежду, полностью закрывавшую его. Братья Иосифа смотрели ему вслед, когда он уходил с мадианитянами, и когда они увидели его одетым, они закричали им вслед: "Отдайте нам его одежду! Мы продали его голым, без одежды". Его владельцы отказались уступить их требованию, но согласились возместить братьям расходы четырьмя парами обуви, и Иосиф сохранил свою одежду, ту самую, в которую он был одет, когда прибыл в Египет и был продан Потифару, ту самую, в которой он был заключен в тюрьму и предстал перед фараоном, и ту же самую, которую он носил, когда был правителем Египта.[52]

В качестве искупления за двадцать сребреников, взятых его братьями в обмен на Иосифа, Бог повелел, чтобы священник выкупил каждого первенца равной суммой, а также, чтобы каждый израильтянин ежегодно платил святилищу столько, сколько выпало каждому из братьев в качестве его доли в цене.[53]

Братья Иосифа купили обувь за эти деньги, ибо они сказали: "Мы не будем есть это, потому что это цена за кровь нашего брата, но мы будем наступать на него, ибо он говорил, что будет властвовать над нами, и мы увидим, что станет с его мечтами". И по этой причине было предписано постановление, согласно которому тот, кто откажется возвысить имя в Израиле в честь своего брата, который умер, не родив сына, должен быть снят с его ноги башмак и ему должно быть плюнуто в лицо. Братья Иосифа отказались что-либо сделать, чтобы сохранить ему

жизнь, и поэтому Господь снял обувь с их ног, ибо, когда они спустились в Египет, рабы Иосифа сняли обувь с их ног, когда они входили в ворота, и они пали ниц перед Иосифом, как перед фараоном, и, когда они лежали ниц, на них оплевали и опозорили перед египтянами.[54]

Мадиянитяне продолжили свой путь в Галаад, но вскоре пожалели о совершенной покупке. Они боялись, что Иосиф был похищен в земле евреев, хотя и продан им в рабство, и если его родственники найдут его с ними, их постигнет смерть за похищение свободного человека. Своевольное поведение сыновей Иакова подтвердило их подозрение, что они могли быть способны на кражу людей. Их злой поступок также объясняет, почему они приняли такую небольшую сумму в обмен на Иосифа. Обсуждая эти вопросы, они увидели идущую им навстречу странствующую группу измаильтян, которую ранее заметили сыновья Иакова, и они решили передать Иосифа им, чтобы они могли, по крайней мере, не потерять цену, которую заплатили, и в то же время избежать опасности попасть в плен за преступление похищения человека. И измаильтяне купили Иосифа у мадианитян, и они заплатили ту же цену, которую дали за него его прежние владельцы.[55]

ТРИ УЧИТЕЛЯ ДЖОЗЕФА

Как правило, единственным товаром, которым измаильтяне нагружали своих верблюдов, были смола и шкуры животных. По воле провидения на этот раз они несли мешки с парфюмерией вместо своего обычного дурно пахнущего груза, чтобы этот сладкий аромат мог донесся до Иосифа во время его путешествия в Египет.[56] Эти ароматические вещества хорошо подходили Иосифу, чье тело источало приятный запах, настолько приятный и всепроникающий, что дорога, по которой он путешествовал, благоухала им, и по его прибытии в Египет благоухание от его тела распространилось по всей стране, и царственные принцессы, следуя за сладким ароматом, чтобы проследить его источник, достигли места, где находился Иосиф.[57] Даже после его смерти тот же аромат распространялся от его костей, позволив Моисею отличить останки Иосифа от всех остальных и сдержать клятву сынов Израилевых похоронить их в Святой Земле.[58]

Когда Иосиф узнал, что измаильтяне везут его в Египет, он начал горько плакать при мысли о том, что его увезут так далеко от Ханаана и от его отца. Один из измаильтян заметил плач Иосифа и, подумав, что ему неудобно ехать верхом, снял его со спины верблюда и позволил идти пешком. Но Джозеф продолжал плакать и рыдать, непрерывно взывая: "О отец, отец!" Другой из каравана, устав от его причитаний, бил его, вызывая только новые слезы и вопли, пока юноша, измученный своим горем, не оказался неспособным двигаться дальше. Теперь все измаильтяне в компании наносили ему удары. Они обращались с ним с безжалостной жестокостью и пытались заставить его замолчать угрозами. Бог увидел горе Иосифа и наслал тьму и ужас на измаильтян, и их руки окоченели, когда они поднимали их, чтобы нанести удар. Пораженные, они спрашивали себя, почему Бог так поступил с ними на дороге. Они не знали, что это было ради Иосифа.

Путешествие продолжалось до тех пор, пока они не прибыли в Ефрафу, место захоронения Рахили. Иосиф поспешил к могиле своей матери и, бросившись поперек нее, застонал и заплакал, говоря: "О мать, мать, которая родила меня, встань, выйди и посмотри, как твой сын был продан в рабство, и никто не сжалился над ним. Встань, посмотри на своего сына и поплачь

вместе со мной о моем несчастье и посмотри на бессердечие моих братьев. Проснись, о мать, пробудись ото сна, встань и приготовься к битве с моими братьями, которые сняли с меня даже рубашку и продали меня в рабство купцам, которые, в свою очередь, продали меня другим, и безжалостно оторвали меня от моего отца. Встань, обвини моих братьев перед Богом и посмотри, кого Он оправдает на суде, а кого признает виновным. Восстань, о мать, пробудись ото сна, посмотри, как мой отец со мной в своей душе и в своем духе, и утешь его и облегчи его тяжелое сердце".

Джозеф плакал и оплакивал могилу своей матери, пока, измученный горем, не стал лежать неподвижно, как камень. Затем он услышал голос, полный слез, обращающийся к нему из глубины души, говорящий: "Сын мой Джозеф, сын мой, я слышал твои жалобы и твои стоны, я видел твои слезы, и я познал твоё страдание, сын мой. Я скорблю о тебе, и твоё скорбь добавляется к бремени моей скорби. Но, сын мой Джозеф, уповай на Бога и уповай на Него. Не бойся, ибо Господь с тобою, и Он избавит тебя от всякого зла. Отправляйся в Египет с твоими хозяевами, сын мой; ничего не бойся, ибо Господь с тобой, о сын мой". Это и многое другое подобное произнес голос, а затем смолк. Джозеф сначала слушал в великом изумлении, а затем снова разразился слезами. Разгневанный этим, один из измаилитов пинками и проклятиями выгнал его из могилы матери. Тогда Иосиф стал умолять своих хозяев отвести его обратно к отцу, который дал бы им в награду большие богатства. Но они сказали: "Да ведь ты раб! Откуда ты можешь знать, где твой отец? Если бы твоим отцом был свободный человек, тебя бы не продали дважды за ничтожную сумму". И тогда их ярость против него возросла, они избили его и жестоко обращались с ним, и он заплакал горькими слезами.

Теперь Бог взглянул на горе Иосифа и послал тьму, чтобы она снова окутала землю. Бушевала буря, сверкали молнии, и от ударов грома содрогалась вся земля, и измаильтяне в ужасе сбились с пути. Животные и верблюды стояли неподвижно, и, как ни били их погонщики, они отказывались сдвинуться с места, а припали к земле. Тогда измаильтяне поговорили друг с другом и сказали: "Почему Бог навел это на нас? В чем наши грехи, в чем наши прегрешения, что с нами такое случается?" Один из них сказал остальным: "Возможно, это постигло нас из-за греха, который мы совершили против этого раба. Давайте искренне умолять его даровать нам прощение, и если тогда Бог сжалятся и позволит этим бурям миновать нас, мы будем знать, что нам причинили вред из-за того, что мы причинили вред этому рабу".

Измаильтяне поступили в соответствии с этими словами и сказали Иосифу: "Мы согрешили против Бога и против тебя. Молись своему Богу и умоляй Его отвести от нас эту смертельную язву, ибо мы признаем, что согрешили против Него". Джозеф исполнил их желание, и Бог внял его мольбе, и буря утихла. Все вокруг успокоилось, звери поднялись из лежачего положения, и караван смог продолжить свой путь. Теперь измаильтяне ясно увидели, что все их беды обрушились на них из-за Иосифа, и они говорили друг другу, говоря: "Теперь мы знаем, что все это зло случилось с нами из-за этого бедняги, и почему мы должны навлекать на себя смерть своими собственными поступками? Давайте вместе посоветуемся, что делать с рабом". Один из них посоветовал исполнить желание Джозефа и вернуть его отцу. Тогда они были бы уверены, что получают деньги, которые заплатили за него. Этот план был отвергнут, потому что они проделали большую часть своего путешествия и не были склонны возвращаться по своим следам. Поэтому они решили отвезти Иосифа в Египет и продать его там. Таким образом они избавились бы от него, а также получили бы за него большую цену.

Они продолжили свой путь до границ Египта, и там они встретили четырех человек, потомков Медана, сына Авраама, и им они продали Иосифа за пять сиклей. Эти два отряда, измаильтяне и меданитяне, прибыли в Египет в один и тот же день. Последний, услышав, что Потифар, офицер фараона, начальник стражи, ищет хорошего раба, немедленно отправился к нему, чтобы попытаться передать Иосифа ему. Потифар был готов заплатить целых четыреста сребреников, потому что, какой бы высокой ни была цена, она не казалась слишком большой для раба, который нравился ему так же сильно, как Иосиф. Однако он поставил условие. Он сказал меданитянам: "Я заплачу вам требуемую цену, но вы должны привести ко мне человека, который продал вам раба, чтобы я мог узнать о нем все, потому что этот юноша, как мне кажется, не является ни рабом, ни сыном рабыни. Похоже, он благородных кровей. Я должен убедить себя, что его не украли. Меданиты привели измаильтян к Потифару, и они засвидетельствовали, что Иосиф был рабом, что они владели им и продали его меданитянам. Потифар остался доволен этим сообщением, заплатил цену, запрошенную за Иосифа, и меданиты и измаильтяне пошли своей дорогой.

ПАЛЬТО ДЖОЗЕФА, ПРИНЕСЕННОЕ ЕГО ОТЦУ

Как только продажа Иосифа свершилась, сыновья Иакова рассказали в своем поступке. Они даже поспешили вслед за мадианитянами, чтобы выкупить Иосифа, но их попытки догнать их были тщетны, и им пришлось смириться с неизбежным. Тем временем Рувим вернулся к своим братьям.[59] Он был так глубоко поглощен епитимьями, молитвами и изучением Торы, искуплением своего греха против отца, что не смог остаться со своими братьями и пасти стада, и так случилось, что его не было на месте, когда Иосифа продали.[60] Его первым поручением было отправиться в яму в надежде найти там Джозефа. В этом случае он бы похитил его и вернул отцу тайно, без ведома его братьев. Он стоял у входа и звал снова и снова: "Джозеф, Джозеф!" Поскольку он не получил ответа, он пришел к выводу, что Джозеф погиб либо от ужаса, либо в результате укуса змеи, и спустился в яму только для того, чтобы обнаружить, что его там нет, ни живого, ни мертвого. Он снова взобрался на вершину, разорвал на себе одежду и закричал: "Мальчика там нет, и что я отвечу своему отцу, если он мертв?" Тогда Рувим вернулся к своим братьям и рассказал им, что Иосиф исчез из ямы, о чем он был глубоко опечален, потому что он, будучи старшим из сыновей, нес ответственность перед их отцом Иаковом. Братья откровенно рассказали о том, что они сделали с Джозефом, и рассказали ему, как они пытались искупить свое злодеяние и как их усилия были напрасны.

Теперь ничего не оставалось, как придумать правдоподобное объяснение исчезновению их брата, чтобы дать его Джейкобу. Прежде всего, однако, они дали клятву не выдавать его отцу или кому-либо другому о том, что они на самом деле сделали с Джозефом. Тот, кто нарушит клятву, будет предан мечу остальными. Затем они вместе посоветовались о том, что сказать Джейкобу. Иссахар посоветовал разорвать разноцветную одежду Иосифа и обмакнуть ее в кровь козленка, чтобы заставить Иакова поверить, что его сын был растерзан диким зверем.[61] Причина, по которой он предложил ребенка, заключалась в том, что его кровь похожа на человеческую. Во искупление этого акта обмана было предписано использовать ребенка в качестве искупительной жертвы при освящении Скинии.[62]

Симон воспротивился этому предложению. Он не хотел отдавать одежду Джозефа и пригрозил зарубить любого, кто попытается вырвать ее у него силой. Причина его горячности заключалась в том, что он был очень разгневан на своих братьев за то, что они не убили Джозефа. Но они, в свою очередь, пригрозили ему, сказав: "Если ты не отдашь пальто, мы скажем, что ты сам совершил это злодеяние". На этом Симон отдал его, [63] и Неффалим принес его Иакову, передав ему со словами: "Когда мы гнали наши стада домой, мы нашли эту одежду, покрытую кровью и пылью, на дороге, немного за Сихемом. Узнай теперь, одежда ли это твоего сына или нет". Иаков узнал одежду Иосифа и, охваченный горем, пал ниц и долго лежал на земле неподвижно, как камень. Тогда он встал, и поднял громкий крик, и заплакал, говоря: "Это одежда моего сына".

В большой спешке Иаков послал раба к своим сыновьям, чтобы попросить их прийти к нему, чтобы он мог побольше узнать о случившемся. Вечером все они пришли в разодранных одеждах и с пылью на головах. Когда они подтвердили все, что рассказал ему Неффалим, Иаков разразился скорбью и причитаниями: "Это одежда моего сына; злой зверь пожрал его; Иосиф, без сомнения, разорван на куски. Я послал его к тебе, чтобы узнать, хорошо ли с тобой и с паствой. Он отправился выполнять мое поручение, и пока я думал, что он с тобой, случилось несчастье". На это сыновья Иакова ответили: "Он вообще не приходил к нам. С тех пор как мы оставили тебя, мы не видели его".

После этих слов Иаков больше не мог сомневаться в том, что Иосиф был растерзан дикими зверями, и он оплакивал своего сына, говоря: "О сын мой Иосиф, сын мой, я послал тебя узнать о благополучии твоих братьев, и теперь тебя растерзали дикие звери. Это моя вина, что тебе выпал этот злой случай. Я скорблю о тебе, сын мой, я очень скорблю. Как сладка была для меня твоя жизнь и как горька твоя смерть! О Боже, если бы я умер за тебя, о Джозеф, сын мой, ибо теперь я огорчен из-за тебя. О сын мой Джозеф, где ты и где твоя душа? Встань, встань со своего места и посмотри на мою скорбь о тебе. Приди и сосчитай слезы, которые катятся по моим щекам, и расскажи о них Богу, чтобы Его гнев отвратился от меня. О Джозеф, сын мой, какой болезненной и ужасной была твоя смерть! Никто не умирал такой смертью, как ты, с тех пор, как существует мир. Я хорошо знаю, что это произошло из-за моих грехов. О, если бы ты вернулся и увидел, какую горькую печаль навлекло на меня твое несчастье! Но это правда, не я сотворил тебя и сформировал тебя. Я не давал тебе ни духа, ни души, но Бог сотворил тебя. Он сформовал твои кости, покрыл их плотью, вдохнул дыхание жизни в твои ноздри, а затем отдал тебя мне. И Бог, который дал тебя мне, Он забрал тебя у меня, и от Него на меня снизошло это устройство. То, что делает Господь, хорошо сделано!" Этими словами и многими другими, подобными им, Иаков оплакивал своего сына, пока тот не пал ниц, неподвижный.

Когда сыновья Иакова увидели силу горя своего отца, они раскаялись в содеянном и горько заплакали. Особенно горевал Иуда. Он положил голову своего отца к себе на колени и вытер слезы, которые текли у него из глаз, в то время как сам он разразился бурными рыданиями. Все сыновья Иакова и их жены пытались утешить своего отца. Они устроили большую поминальную службу и плакали и оплакивали смерть Иосифа и горе своего отца.[64] Но Иаков отказался утешаться.

Известие о смерти его сына стало причиной потери двух членов семьи Джейкоба. Валла и Дина не смогли пережить своего горя. Валла скончалась в тот самый день, когда сообщение об этом

дошло до Иакова, а Дина умерла вскоре после этого, и так что ему пришлось оплакивать три потери за один месяц.

Он получил известие о смерти Иосифа в седьмом месяце Тишри и в десятый день месяца, и поэтому детям Израиля велено плакать и сокрушать свои души в этот день. Более того, в этот день жертвой за грех во искупление будет козленок, потому что сыновья Иакова согрешили козленком, в крови которого они обмакнули одежду Иосифа, и таким образом навлекли горе на Иакова.[65]

Когда он немного оправился от ошеломляющего удара, который нанесло ему известие о смерти его любимого сына, Джейкоб поднялся с земли и обратился к своим сыновьям, слезы все это время текли по его щекам. "Вставайте, - сказал он, - берите свои мечи и луки, отправляйтесь в поле и поищите, возможно, вы найдете тело моего сына и принесете его мне, чтобы я мог похоронить его. Остерегайся также хищных зверей и лови первого, кого встретишь. Схвати его и принеси мне. Может быть, Бог сжалится над моим горем и отдаст в твои руки зверя, который разорвал моего ребенка на куски, и я отомщу ему".

На следующий день сыновья Иакова отправились выполнять приказание своего отца, в то время как он оставался дома и плакал и оплакивал Иосифа. В пустыне они нашли волка, которого поймали и привели к Иакову живым, сказав: "Вот первый дикий зверь, которого мы встретили, и мы привели его к тебе. Но от трупы твоего сына мы не нашли и следа. Иаков схватил волка и среди громкого плача обратился к нему с такими словами: "Почему ты пожрал моего сына Иосифа, не испытывая никакого страха перед Богом земли и не думая о горе, которое ты хотел навлечь на меня? Ты пожрал моего сына без причины, он не был виновен ни в каком проступке, и ты возложил ответственность за его смерть на меня. Но Бог мстит за гонимого".

Чтобы утешить Иакова, Бог отверз пасть зверя, и он заговорил: "Жив Господь, сотворивший меня, и жива душа твоя, господин мой, я не видел сына твоего и не разрывал его на куски. Из далекой страны я пришел искать своего собственного сына, которого постигла та же участь, что и твоего. Он исчез, и я не знаю, жив он или мертв, и поэтому я пришел сюда десять дней назад, чтобы найти его. В этот день, когда я искал его, твои сыновья встретили меня, и они схватили меня, и, добавив еще больше горя к моей скорби о моем потерянном сыне, они привели меня сюда, к тебе. Это моя история, и теперь, о сын человеческий, я в твоих руках, ты можешь распорядиться мной сегодня так, как сочтешь нужным в твоих глазах, но я клянусь тебе Богом, который создал меня, я не видел твоего сына и не разрывал его на куски, никогда человеческая плоть не попадала в мой рот ". Пораженный речью волка, Иаков беспрепятственно отпустил его, куда тот пожелает, но он, как и прежде, оплакивал своего сына Иосифа.[66]

Таков закон природы, что, как бы сильно человек ни горевал о смерти дорогого человека, в конце года утешение находит путь в сердце скорбящего. Но исчезновение живого человека никогда не может быть стерто из памяти. Поэтому тот факт, что он был безутешен, заставил Иакова заподозрить, что Иосиф жив, и он не до конца поверил рассказу своих сыновей. Его смутные подозрения усилило то, что с ним произошло. Он поднялся в горы, вытесал из каменоломни двенадцать камней и написал на них имена своих сыновей, их созвездия и месяцы, соответствующие созвездиям, камень для сына, таким образом: "Рувим, Рам, Нисан", и так для каждого из своих двенадцати сыновей. Затем он обратился к камням и велел им поклониться тому, на котором было написано имя Рувима, созвездие и месяц, и они не сдвинулись с места. Он отдал тот же приказ относительно камня, отмеченного для Симона, и

снова камни замерли. И так он делал, уважая всех своих сыновей, пока не добрался до камня для Иосифа. Когда он сказал об этом: "Я повелеваю вам пасть ниц перед Иосифом", - все они пали ниц. Он проделал тот же тест с другими вещами, с деревьями и снопами, и результат всегда был один и тот же, и Иаков не мог не почувствовать, что его подозрение оправдалось, Иосиф был жив.[67]

Была причина, по которой Бог не открыл Иакову истинную судьбу Иосифа. Когда его братья продали Иосифа, их страх, что слух об их беззаконии может достичь ушей Иакова, побудил их наложить запрет на любого, кто предаст правду без согласия всех остальных. Иуда выдвинул возражение, что запрет недействителен, если он не вынесен в присутствии десяти человек, а их было всего девять, поскольку Рувима и Вениамина там не было, когда была заключена сделка по продаже Иосифа. Чтобы избежать этого затруднения, братья считали Бога десятой личностью, и поэтому Бог чувствовал себя обязанным воздержаться от раскрытия истинного положения вещей Иакову. Он как бы прислушивался к запрету, объявленному братьями Иосифа.[68] И поскольку Бог держал истину в секрете от Иакова, Исаак не чувствовал себя вправе знакомить его с судьбой своего внука, которая была ему хорошо известна, поскольку он был пророком. Всякий раз, когда он был в обществе Иакова, он скорбел вместе с ним, но как только он покидал его, он переставал проявлять скорбь, потому что знал, что Иосиф жив.[69]

Таким образом, Иаков был единственным из ближайших родственников Иосифа, кто оставался в неведении о реальной судьбе своего сына, и он был единственным из них, у кого была самая большая причина сожалеть о его смерти. Он сказал: "Завет, который Бог заключил со мной относительно двенадцати колен, теперь недействителен. Я тщетно старался утвердить двенадцать колен, видя, что теперь смерть Иосифа разрушила этот завет. Все дела Божьи были созданы в соответствии с числом колен — двенадцать — это знаки зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать часов в дне, двенадцать ночей, и двенадцать камней вставлены в нагрудник Аарона - и теперь, когда Иосиф ушел, завет колен аннулирован".

Он не мог заменить потерянного сына, вступив в новый брак, поскольку дал обещание своему тестю не брать в жены никого, кроме своих дочерей, и это обещание, как он его истолковал, оставалось в силе после смерти дочерей Лавана, а также пока они были живы.[70]

Помимо горя о своей потере и сожаления о нарушении завета между племенами, у Иакова была еще одна причина оплакивать смерть Иосифа. Бог сказал Иакову: "Если никто из твоих сыновей не умрет при твоей жизни, ты можешь рассматривать это как знак того, что ты не будешь брошен в Геенну после своей смерти". Думая, что Иосиф мертв, Иаков тоже должен был оплакивать свою собственную судьбу, поскольку теперь он верил, что обречен на Геенну.[71] Его траур длился все двадцать два года, что соответствовало количеству лет, которые он прожил отдельно от своих родителей и не выполнил сыновний долг по отношению к ним.[72]

В своем трауре Иаков возложил вретисце на свои чресла и в этом стал образцом для царей и князей Израиля, ибо Давид, Ахав, Иорам и Мардохей поступили точно так же, когда великое несчастье постигло нацию.[73]

ИУДА И ЕГО СЫНОВЬЯ

Когда сыновья Иакова увидели, как безутешен их отец, они пошли к Иуде и сказали ему: "Это великое несчастье - твоя вина". Иуда ответил: "Это я спросил тебя, какая польза, если мы убьем нашего брата и скроем его кровь? а теперь ты говоришь, что грех лежит у моей двери". Братья продолжали спорить: "Но это ты сказал: "Пойдем, продадим его измаильтянам", и мы последовали твоему совету. Если бы ты сказал: "Вернем его отцу", мы бы прислушались и к этим твоим словам".

После этого братья лишили Иуду его сана, ибо до сих пор он был их царем, и они также исключили его из своего сообщества, и ему пришлось искать счастья в одиночку.[74] При посредничестве своего главного пастуха Хиры он познакомился с ханаанским царем Адуллама по имени Барсан. Хотя он был хорошо осведомлен о развращенности поколений Ханаана, он позволил страсти взять верх над собой и взял в жены хананейку. Адулламитский царь устроил в его честь пир, на котором его дочь Батшуа разлила вино, и опьяненный вином и страстью Иуда взял ее в жены.[75] Поступок Иуды можно сравнить со поступком льва, который проходит мимо падали и ест ее, хотя дворняжка, шедшая впереди него по пути, отказалась к ней прикоснуться. Даже Исав пришел вовремя, чтобы признать, что дочери Ханаана были порочными, и лев Иуда должен был взять одну из них в жены.[76] Святой дух возопил против Иуды, когда он женился на хананейке из Адуллама, сказав: "Слава Израиля сошла в Адулламе".[77]

Первенец Иуды от этого брака был назван Эр, "бездетный", подходящее имя для того, кто умер, не произведя на свет потомства.[78] По желанию Иуды Ир женился на Фамарь, дочери Арама, сына Симова, но поскольку она не была хананейкой, его мать использовала против нее хитрости, и он не знал ее, и ангел Господень убил его на третий день после его свадьбы. Затем Иуда отдал Фамарь своему второму сыну Онану, и свадьба состоялась до того, как прошла неделя свадебных торжеств для Ира. Целый год Онан жил с Фамарь, не зная ее, и когда, наконец, Иуда начал угрожать ему по этому поводу, он действительно имел с ней связь, но, прислушиваясь к предписаниям своей матери, он позаботился о том, чтобы не заводить от нее детей.[79] Он тоже умер из-за своего беззакония, и его имя Онан, "скорбящий", было выбрано удачно, потому что очень скоро его отцу пришлось оплакивать его.[80] Теперь Иуда задумал выдать Фамарь замуж за своего младшего сына Шелу, но его жена не позволила этого. Она ненавидела Фамарь, потому что та не была из дочерей Ханаана, как она сама, и пока Иуды не было дома, Батшуа выбрала жену для своего сына Шелы из дочерей Ханаана. Иуда был очень разгневан на Батшуа за то, что она сделала, а также Бог излил Свой гнев на нее, ибо из-за ее нечестия ей пришлось умереть, [81] и ее смерть наступила через год после смерти двух ее сыновей.

Теперь, когда Батшуа был мертв, Иуда мог бы исполнить свое желание и выдать Фамарь замуж за своего младшего сына. Но он ждал, пока Шела вырастет, потому что боялся за его жизнь, видя, что Фамарь принесла смерть двум мужьям до него. Итак, она оставалась вдовой в доме своего отца в течение двух лет. Наделенная даром пророчества, Фамарь знала, что ей предназначено стать прародительницей Давида и Мессии, и она решила пойти на крайние меры, чтобы убедиться в исполнении своего предназначения.[82] Соответственно, когда святой дух открыл ей, что Иуда направляется в Тимну, [83] она сняла с себя одежды своего вдовства и села у ворот шатра Авраама, и там она встретила Иуду.[84] Все время, пока она жила в доме своего тестя, он никогда не видел ее лица, потому что в своей добродетели и целомудрии она

всегда скрывала его, и теперь, когда Иуда встретил ее, он не узнал ее. Именно в награду за ее скромность Бог сделал ее матерью царского рода Давида, прародительницей Исайи, а также его отца Амоса, оба из которых были пророками и происходили из царской крови.[85]

Иуда прошел мимо Фамари, не обратив на нее никакого внимания, и она подняла глаза к небу и сказала: "О Владыка мира, неужели я выйду пустой из дома этого благочестивого человека?" Тогда Бог послал ангела, назначенного над страстью любви, и он вынудил Иуду повернуть назад.[86] С пророческой осторожностью Фамарь потребовала, чтобы в качестве залога обещанной ей награды он оставил ей свою печатку, свою мантию и свой посох - символы царственности, судейства и мессианства, три отличия потомков Фамари от ее союза с Иудой. Когда Иуда послал ей обещанную награду, козленка, от руки своего друга, чтобы получить обещанное из ее рук, Фамарь не смогла найти, и он побоялся продолжать ее поиски, чтобы не быть опозоренным. Но Фамарь, которая вскоре поняла, что ждет ребенка, почувствовала себя очень счастливой и гордой, ибо знала, что станет матерью царей и искупителей.[87]

Когда стало известно о ее состоянии, ее насильно потащили в суд, где Исаак, Иаков и Иуда заседали в качестве судей. Иуда, будучи самым молодым из судей и наименее значительным по достоинству, первым вынес решение, ибо так предписано в уголовных делах, чтобы видные судьи не внушали благоговейный страх перед меньшими и не оказывали чрезмерного влияния на их решения. По мнению Иуды, эта женщина подлежала смертной казни через сожжение, поскольку она была дочерью первосвященника Сима, а смерть от огня - это наказание, установленное законом для дочери первосвященника, ведущей нецеломудренный образ жизни.[88]

Начались приготовления к ее казни. Напрасно Фамарь искала три обещания, которые она получила от Иуды, она не могла их найти и почти потеряла надежду, что ей удастся добиться признания от своего свекра. Она подняла глаза к Богу и помолилась: "Я молю Твою милость, о Боже, Ты, кто прислушивается к крику страждущего в час его нужды, ответь мне, чтобы я была спасена и произвела на свет трех святых детей, которые будут готовы принять смерть в огне ради славы Твоего Имени". И Бог удовлетворил ее прошение и послал ангела Михаила на помощь ей. Он положил клятвы в таком месте, чтобы Фамарь не могла их не увидеть, и она взяла их и бросила к ногам судей со словами: "От человека, которому они принадлежат, я беременна, но, хотя я погибну в огне, я не предаю его. Я надеюсь на Господа мира, что Он обратит сердце этого человека так, что он исповедуется в этом". Тогда Иуда поднялся и сказал: "С вашего позволения, братья мои, и вы, мужи из дома моего отца, я даю понять, что какой мерой меряет человек, той и будет ему отмерено, будь то к добру или ко злу, но счастлив человек, признающий свои грехи. Потому что я взял одежду Иосифа и покрасил ее кровью козленка, а затем положил ее к ногам моего отца, сказав: "Теперь узнай, одежда это твоего сына или нет, поэтому я должен сейчас признаться перед судом, кому принадлежат эта печатка, эта мантия и этот посох". Но лучше, чтобы я был опозорен в этом мире, чем в мире ином, перед лицом моего благочестивого отца. Лучше мне погибнуть в огне, который можно потушить, чем быть брошенным в адский огонь, который пожирает другие огни. Итак, я признаю, что Фамарь невиновна. От меня она ждет ребенка не потому, что предавалась недозволенной страсти, а потому, что я препятствовал ее браку с моим сыном Шелой ". Затем послышался небесный глас, сказавший: "Вы оба невиновны! Такова была воля Божья, чтобы это произошло!"[89]

Открытое признание Иуды побудило его старшего брата Рувима публично признать грех, который он совершил против своего отца, поскольку до тех пор он держал это в секрете.[90]

Фамарь родила сыновей-близнецов, Переса и Зераха, оба похожие на своего отца храбростью и благочестием.[91] Она назвала первого Переса "могущественным", потому что сказала: "Ты показал себя обладателем великой силы, и это достойно, что ты должен быть сильным, ибо тебе суждено владеть королевством".[92] Второго сына называли Зерах, потому что он появился из утробы матери раньше своего брата, но его снова заставили отступить, чтобы уступить место Пересу.[93] Эти двое, Перес и Зера. были подсланы Иисусом Навином в качестве шпионов, и веревку, которую Раав привязала к окну своего дома в качестве знака для армии израильтян, она получила от Зары. Это была алая нить, которую акушерка повязала ему на руку, чтобы отметить его как ребенка, который появился первым и удалился.[94]

ЖЕНЫ СЫНОВЕЙ ИАКОВА

Иуда был первым из сыновей Иакова, вступившим в законный брак. После продажи Иосифа мадианитянам его братья сказали Иуде: "Если бы условия были такими, как раньше, наш отец обеспечил бы нас женами прямо сейчас. Как бы то ни было, он всецело поглощен своим горем по Джозефу, и мы должны сами искать жен. Ты наш вождь, и ты должен жениться первым".

Брак Иуды с Алит, дочерью знатного купца Шуа, который был заключен в Адулламе, резиденции его друга Хиры, или, как его стали называть позже, Хирама, царя Тира, не был счастливым. Двое его старших сыновей умерли, а вскоре после этого умерла и его жена. Это было наказание Иуды за то, что он начал доброе дело и оставил его незаконченным, ибо "тот, кто начинает доброе дело и не доводит его до конца, навлекает несчастье на свою собственную голову". Иуда спас Иосифа от смерти, но это было его предложение продать его в рабство. Если бы он убедил их вернуть мальчика его отцу, его братья подчинились бы его словам. Ему не хватало постоянства, чтобы упорствовать до тех пор, пока он не завершит работу по освобождению Джозефа, которую он начал.[95]

В тот же год, когда с Джозефом случилось несчастье, все остальные его братья тоже поженились. Жену Рувима звали Элиорам, она была дочерью хананея Уззи из Тимны. Симон женился сначала на своей сестре Дине, а затем на второй жене. Когда Симон и Левий вырезали жителей Сихема, Дина отказалась покинуть город и последовать за своими братьями, говоря: "Куда мне нести свой позор?" Но Саймон поклялся, что женится на ней, как он сделал позже, и когда она умерла в Египте, он отвез ее тело в Святую Землю и похоронил его там. Дина родила своему брату сына,[96] и от ее союза с Сихемом, сыном Еммора, родилась дочь по имени Асенаф, впоследствии ставшая женой Иосифа. Когда у Дины родилась эта дочь, ее братья, сыновья Иакова, хотели убить ее, чтобы человеческий палец не указывал на плод греха в доме их отца. Но Иаков взял кусок жести, начертал на нем Святое Имя и обвязал его вокруг шеи девушки, и он положил ее под терновый куст, и оставил ее там. Ангел унес младенца в Египет, где Потифар усыновил ее как своего ребенка, потому что его жена была бесплодна. Много лет спустя, когда Джозеф путешествовал по стране в качестве наместника, девушки забрасывали его подарками, чтобы заставить обратить свой взор в их сторону и дать им возможность полюбоваться его красотой. У Асенат не было ничего, что можно было бы подарить, поэтому она сняла амулет, висевший у нее на шее, и отдала его ему. Таким образом, Иосиф познакомился с

ее происхождением и женился на ней, увидев, что она не египтянка, а связана с домом Иакова через свою мать.[97]

Помимо сына Дины, у Симона был еще один сын, которого звали Саул, от Буны, девушки, которую он взял в плен во время похода на Сихем.

Левий и Иссахар женились на двух дочерях Иовава, внука Евера; жену первого звали Адина, жену второго - Арида. Женой Дана была Эльфалет, дочь моавитянина Хамудана. Долгое время их брак оставался бездетным, наконец у них родился сын, которого они называли Хушимом. Гад и Неффалим женились на женщинах из Харрана, двух сестрах, дочерях Аморама, внука Нахора. Жена Неффалима, Меримит, была старшей из них двоих, а младшую, жену Гада, звали Узит.

Первой женой Ашера была Адон, дочь Эфлала, внука Измаила. Она умерла бездетной, и он женился на второй жене, Хадоре, дочери Авимаила, внука Сима. Она уже была замужем раньше, ее первым мужем был Малхиил, также внук Сима, и от этого первого брака родилась дочь по имени Сера. Когда Ашер привез свою жену в Ханаан, трехлетняя сирота Сера приехала с ними. Она выросла в доме Иакова, и она шла путем благочестивых детей, и Бог дал ей красоту, мудрость и прозорливость.

Женой Завулону была Мароша, дочь Молада, внука Мадияна, сына Авраама от Кетуры.

Что касается Вениамина, то, когда ему было всего десять лет, Иаков взял в жены Малю, дочь Арама, внука Фарры, и она родила ему пятерых сыновей. В возрасте восемнадцати лет он женился на второй жене, Арбат, дочери Зимрана, сына Авраама от Кетуры, и от нее у него также было пятеро сыновей.[98]

ИОСИФ , РАБ ПОТИФАРА

Когда Иосиф был продан в рабство измаильтянам, он хранил молчание из уважения к своим братьям и не сказал своим хозяевам, что он сын Иакова, великого и могущественного человека. Даже когда он пришел к мадианитянам вместе с измаильтянами, и первые спросили о его происхождении, он все равно сказал, что он раб, только для того, чтобы не позорить своих братьев. Но самый знатный из мадианитян упрекнул Иосифа, сказав: "Ты не раб, твой вид выдает тебя", и пригрозил ему смертью, если он не признает правду. Джозеф, однако, был непоколебим, он не стал бы поступать предательски по отношению к своим братьям.

Прибыв в Египет, владельцы Джозефа не смогли прийти к соглашению относительно него. Каждый желал обладать им единолично. Поэтому они решили оставить его у лавочника до тех пор, пока они снова не вернутся в Египет со своими товарами. И Бог позволил Иосифу обрести благодать в глазах лавочника. Все, что у него было, весь свой дом, он отдал в руки Иосифа, и поэтому Господь благословил его большим количеством серебра и золота, и Иосиф оставался с ним три месяца и пять дней.

В это время приехала из Мемфиса жена Потифара и обратила свой взор на Иосифа, о красоте личности которого она слышала от евнухов. Она рассказала своему мужу, как некий лавочник разбогател благодаря молодому еврею, и добавила: "Но говорят, что юноша был похищен из

земли Ханаанской. Итак, иди и предстань на суд над его владельцем, и возьми юношу в свой дом, чтобы Бог евреев благословил тебя, ибо благодать небес почивает на юноше".

Потифар позвал лавочника, и когда тот предстал перед ним, он резко заговорил с ним, сказав: "Что это я слышу? что ты крадешь души из земли Ханаанской и ведешь с ними торговлю?" Владелец магазина настаивал на своей невинности, и его нельзя было заставить отступить от своего утверждения, что группа измаильтян временно оставила Джозефа на его попечении, пока они не вернутся. Потифар раздел его догола и избил, но он продолжал повторять то же самое заявление.

Тогда Потифар позвал Иосифа. Юноша пал ниц перед этим начальником евнухов, ибо он был третьим по рангу среди военачальников фараона. И он обратился к Иосифу и спросил: "Ты раб или свободнорожденный человек?" и Иосиф ответил: "Раб". Потифар продолжал спрашивать его: "Чей ты раб?" Иосиф: "Я принадлежу к измаильтянам". Потифар: "Как тебя сделали рабом?" Джозеф: "Они купили меня в земле Ханаанской".

Но Потифар отказался поверить тому, что он сказал, и также приказал раздеть и избить его. Жена Потифара, стоявшая у двери, увидела, как надругались над Иосифом, и она послала сказать своему мужу: "Твой приговор несправедлив, ибо ты наказываешь свободнорожденного юношу, которого украли из его дома, как если бы это он совершил преступление". Поскольку Иосиф твердо придерживался того, что сказал, Потифар приказал заключить его в тюрьму до возвращения его хозяев. В своем греховном стремлении к нему его жена хотела иметь Иосифа в своем собственном доме, и она возразила своему мужу такими словами: "Зачем ты держишь плененного, благороднорожденного раба в заточении? Тебе следовало бы скорее отпустить его на свободу и заставить служить тебе". Он ответил: "Закон египтян не позволяет нам брать то, что принадлежит другому, прежде чем не будут выяснены все права собственности", и Иосиф оставался в тюрьме двадцать четыре дня, до возвращения измаильтян в Египет.

Между тем они где-то слышали, что Иосиф был сыном Иакова, и поэтому сказали ему: "Почему ты притворялся, что ты раб? Смотри, у нас есть информация, что ты сын могущественного человека в Ханаане, и твой отец оплакивает тебя во вместище". Джозеф был готов раскрыть свою тайну, но сдержался ради своих братьев и повторил, что он раб.

Тем не менее измаильтяне решили продать его, чтобы он не попал к ним в руки, ибо они боялись мести Иакова, который, как они знали, пользовался большим расположением у Господа и людей. Лавочник умолял измаильтян спасти его от судебного преследования Потифара и снять с него подозрение в краже людей. Измаильтяне, в свою очередь, посоветовались с Иосифом и попросили его засвидетельствовать перед Потифаром, что они купили его за деньги. Он так и сделал, и тогда начальник евнухов освободил его из тюрьмы и распустил все заинтересованные стороны.

С разрешения своего мужа жена Потифара послала евнуха к измаильтянам, приказав ему купить Иосифа, но он вернулся и сообщил, что они потребовали за раба непомерную цену. Она послала второго евнуха, поручив ему заключить сделку, и хотя они попросили одну мину золота или даже две, он не должен был жалеть денег, он должен был обязательно купить раба и привести его к ней. Евнух дал измаильтянам восемьдесят золотых для Иосифа, сказав, однако, своей госпоже, что он заплатил сто золотых. Иосиф заметил обман, но промолчал, чтобы евнух не был посрамлен.[99]

Таким образом, Иосиф стал рабом священника-идолопоклонника Потифара, или Потиферы, как его иногда называли.[100] Он овладел красивой юношей с похотливой целью, но ангел Гавриил изуродовал его таким образом, что он не смог этого сделать.[101] Вскоре его учитель имел возможность заметить, что Джозеф был столь же набожен, сколь и красив, ибо всякий раз, когда он был занят своим служением, он шептал молитву: "О Господь мира, Ты - мое доверие, Ты - моя защита. Позволь мне обрести благодать и благоволение в Твоих глазах и в глазах всех, кто видит меня, и в глазах моего учителя Потифара". Когда Потифар заметил движение его губ, он сказал Джозефу: "Ты намереваешься наложить на меня заклятие?" "Нет, - ответил юноша, - я молю Бога позволить мне обрести благосклонность в твоих глазах".

Его молитва была услышана. Потифар убедил себя, что Бог с Иосифом. Иногда он проверял чудодейственные способности Иосифа. Если он приносил ему бокал "гиппократа", тот говорил: "Я бы предпочел вино, смешанное с абсентом", - и тут же пряное вино превращалось в горькое. Все, чего бы он ни пожелал, он мог быть уверен, что получит от Иосифа, и он ясно видел, что Бог исполнил желания своего раба. Поэтому он вложил ему в руку все ключи от своего дома, и он не знал ничего из того, что было с ним, [102] ничего не скрывая от Иосифа, кроме своей жены.[103] Видя, что Шекина лежит на нем, Потифар обращался с Иосифом не как с рабом, а как с членом своей семьи, ибо он сказал: "Этот юноша не создан для рабской работы, он достоин места принца".[104] Соответственно, он обучал его искусствам и приказал ему питаться лучше, чем другим рабам.[105]

Джозеф поблагодарил Бога за свое новое и счастливое состояние. Он помолился: "Благословен Ты, Господи, за то, что Ты заставил меня забыть дом моего отца". Что делало его нынешнее состояние таким приятным, так это то, что он был избавлен от зависти и ревности своих братьев. Он сказал: "Когда я был в доме моего отца и он подарил мне что-то красивое, мои братья завидовали моему подарку, и теперь, о Господь, я благодарю Тебя за то, что я живу в достатке". Свободный от тревог, он обратил внимание на свою внешность. Он подкрасил глаза, уложил волосы и стремился быть элегантным в походке. Но Бог обратился к нему, сказав: "Твой отец скорбит во вретище и пепле, в то время как ты ешь, пьешь и причесываешься. Поэтому я настрою против тебя твою любовницу, и ты будешь посрамлен"[106]. Таким образом, исполнилось тайное желание Иосифа - ему было позволено доказать свое благочестие под искушением, как было испытано благочестие его отцов.[107]

ДЖОЗЕФ И ЗУЛЕЙКА

"Подбрось палку в воздух, она всегда вернется на свое прежнее место". Как и Рахиль, его мать, Иосиф был восхитительно красив, и жена его господина была полна непобедимой страсти к нему".[108] Ее чувства усилились из-за астрологического прогноза о том, что ей суждено иметь потомков через Иосифа. Это было правдой, но не в том смысле, в каком она понимала пророчество. Позже Джозеф женился на ее дочери Асенат, и она родила ему детей, таким образом исполнив то, что было прочитано по звездам".[109]

Вначале она не признавалась Джозефу в любви. Сначала она пыталась соблазнить его хитростью. Под предлогом посещения его она приходила к нему ночью, и, поскольку у нее не было сыновей, она притворялась, что хочет усыновить его. Затем Джозеф помолился Богу за нее, и она родила сына. Однако она продолжала обнимать его, как будто он был ее собственным

ребенком, хотя он и не замечал ее злых замыслов. Наконец, когда он распознал ее бессмысленный обман, он много дней скорбел и пытался словом Божиим отвратить ее от греховной страсти. Она, со своей стороны, часто угрожала ему смертью и подвергала бичеванию, чтобы заставить его подчиниться ее воле, а когда эти средства не подействовали на Джозефа, она попыталась соблазнить его соблазнами. Она говорила: "Я обещаю тебе, что ты будешь править мной и всем, что у меня есть, если только отдашься мне. и ты будешь для меня тем же, что и мой законный муж". Но Иосиф помнил слова своих отцов, и он пошел в свою комнату, и постился, и молился Богу, чтобы Он избавил его от уз египтянки.

Несмотря на то, что он практиковал умерщвление плоти и хотя он раздавал бедным и больным положенную ему пищу, его учитель думал, что ведет роскошную жизнь, ибо те, кто постятся во славу Божию, становятся прекрасными лицом.

Жена Потифара часто хвалила своего мужа за целомудрие Иосифа, чтобы у него не возникло подозрений о состоянии ее чувств. И снова она тайно подбадривала Иосифа, говоря ему, чтобы он не боялся ее мужа, что он убежден в чистоте своей жизни, и хотя ему следовало рассказывать истории об Иосифе и о ней самой, Потифар не придавал им значения. И когда она увидела, что все это безрезультатно, она обратилась к нему с просьбой научить ее слову Божьему, сказав: "Если ты хочешь, чтобы я оставила идолопоклонство, тогда исполни мое желание, и я убегу моего мужа-египтянина отречься от идолов, и мы будем ходить по закону твоего Бога". Иосиф ответил: "Господь не желает, чтобы боящиеся Его ходили в нечистоте, и Ему не нравится прелюбодей".

В другой раз она пришла к нему и сказала: "Если ты не исполнишь моего желания, я убью египтянина и женюсь на тебе по закону". После чего Иосиф разодрал свою одежду и сказал: "О женщина, бойся Господа и не совершай этого злого дела, чтобы ты не навлекла на себя гибель, ибо я публично объявлю о твоих нечестивых намерениях всем".

Она снова послала ему блюдо, приготовленное с помощью магических заклинаний, с помощью которых надеялась заполучить его в свою власть. Но когда евнух поставил его перед ним, он увидел изображение человека, протягивающего ему меч вместе с блюдом, и, предупрежденный видением, он тщательно позаботился о том, чтобы не пробовать пищу. Через несколько дней к нему пришла его любовница и спросила, почему он не поел из того, что она ему прислала. Он упрекнул ее, сказав: "Как ты могла говорить мне, что я приближаюсь не к идолам, а только к Господу? Бог моих отцов открыл мне твое беззаконие через ангела, но чтобы ты знал, что злоба нечестивых не имеет власти над теми, кто боится Бога в чистоте, я буду есть твою пищу перед твоими глазами, и Бог моих отцов и ангел Авраама будут со мной". Жена Потифара пала ниц к ногам Иосифа и, заливаясь слезами, пообещала больше не совершать этого греха.

Но ее нечестивая страсть к Джозефу не покинула ее, и из-за огорчения из-за неисполненного желания она выглядела такой больной, что ее муж спросил ее: "Почему у тебя поникшее лицо?" И она ответила: "У меня болит сердце, и стоны моего духа угнетают меня".

Однажды, оставшись наедине с Иосифом, она бросилась к нему с криком: "Я задушу себя или прыгну в колодец или яму, если ты мне не уступишь". Заметив ее крайнее волнение, Иосиф попытался успокоить ее такими словами: "Помни, если ты покончишь с собой, наложница твоего мужа, Астехо, твоя соперница, жестоко обойдется с твоими детьми и сотрет память о тебе с лица земли". Эти слова, произнесенные мягко, произвели эффект, противоположный

ожидаемому. Они только еще больше разожгли ее страсть, питая надежды. Она сказала: "Вот видишь, теперь ты любишь меня! Для меня достаточно того, что ты заботишься обо мне и о безопасности моих детей. Теперь я ожидаю, что мое желание будет исполнено". Она не знала, что Джозеф говорил так ради Бога, а не ради нее.[110]

Его любовница, или, как ее называли, Зулейка, день за днем преследовала его своими любовными разговорами и лестью, говоря: "Как прекрасна твоя внешность, как милостивы твои формы! Никогда я не видел такого благодетельствованного раба, как ты". Джозеф отвечал: "Бог, который создал меня в утробе моей матери, сотворил всех людей".

Зулейка: "Как прекрасны твои глаза, которыми ты очаровала всех египтян, как мужчин, так и женщин!"

Джозеф: "Какими бы прекрасными они ни были, пока я жив, такими же ужасными они будут выглядеть в могиле".

Зулейка: "Как прекрасны и приятны твои слова! Молю тебя, возьми свою арфу, играй, а также пой, чтобы я мог услышать твои слова".

Джозеф: "Прекрасны и приятны мои слова, когда я возношу хвалу моему Богу".

Зулейка: "Как прекрасны твои волосы! Возьми мой золотой гребень и расчеши их".

Джозеф: "Как долго ты будешь продолжать так говорить со мной? Прекрати! Для тебя было бы лучше позаботиться о своем доме".

Зулейка: "В моем доме нет ничего, о чем я забочусь, кроме тебя одного".

Но добродетель Джозефа была непоколебима. Пока она говорила это, он даже не поднял глаз, чтобы посмотреть на свою госпожу.[111] Он оставался столь же непоколебимым, когда она осыпала его подарками, ибо она снабдила его одеждой одного вида на утро, другого - на полдень и третьего вида - на вечер. Угрозы также не могли тронуть его. Она говорила: "Я выдвину против тебя ложные обвинения перед твоим господином", и Джозеф отвечал: "Господь вершит суд над угнетенными". Или: "Я лишу тебя пищи", на что Джозеф отвечает: "Господь дает пищу голодным". Или: "Я прикажу бросить тебя в темницу", после чего Джозеф скажет: "Господь освобождает узников". Или: "Я возложу на тебя тяжелую работу, которая согнет тебя вдвое", после чего, Джозеф, "Господь поднимет склоненных". Или: "Я ослеплю глаза твои", на что Джозеф отвечает: "Господь отвергает глаза слепым".[112]

Когда она начала применять к нему свои уговоры, он отверг их со словами: "Я боюсь своего господина". Но Зулейка говорила: "Я убью его". Джозеф отвечал с негодованием: "Мало того, что ты хочешь сделать из меня прелюбодея, ты еще хочешь, чтобы я стал убийцей?" И он говорил далее, говоря: "Я боюсь Господа, Бога моего!"

Зулейка: "Ерунда! Он здесь не для того, чтобы увидеть тебя!"

Джозеф: "Велик Господь, и Его следует превозносить, и величие Его непостижимо".

После этого она отвела Иосифа в свою комнату, где над кроватью висел идол. Его она прикрыла, чтобы он не был свидетелем того, что она собиралась сделать. Иосиф сказал: "Хотя ты и закрываешь глаза идола, помни, глаза Господа обегают всю землю взад и вперед. Да, -

продолжал Джозеф, - у меня есть много причин не делать этого ради Бога. Адам был изгнан из Рая за нарушения светлого повеления; насколько больше я должен был бы бояться Божьего наказания, если бы совершил такой тяжкий грех, как прелюбодеяние! У Господа есть привычка выбирать любимого члена нашей семьи в качестве жертвы Самому Себе. Возможно, Он хочет сделать выбор во мне, но если я исполню твою волю, то сделаю себя непригодным для принесения в жертву Богу. Также Господь имеет обыкновение внезапно являться в ночных видениях тем, кто любит Его. Таким Он явился Аврааму, Исааку и Иакову, и я боюсь, что Он может явиться мне в тот самый момент, когда я оскверняю себя тобою. И как я боюсь Бога, так и я боюсь своего отца, который отнял право первородства у своего первенца Рувима из-за аморального поступка и отдал его мне. Если бы я исполнил твое желание, я бы разделил судьбу моего брата Рувима".[113]

Такими словами Иосиф попытался излечить жену своего господина от распутной страсти, которую она зародила к нему, в то время как сам он старался держаться подальше от отвратительного греха, не из страха перед грядущим наказанием и не из уважения к мнению людей, но потому, что желал освятить Имя Бога, да будет Он благословен, перед всем миром.[114] Именно это его чувство Зулейка не могла понять, и когда, наконец, увлеченная страстью, она безошибочно объяснила ему, чего она желает, [115] и он отшатнулся от нее, она сказала Джозефу: "Почему ты отказываешься исполнить мое желание? Разве я не замужняя женщина? Никто не узнает, что ты сделала". Иосиф ответил: "Если нам запрещены незамужние женщины язычников, то насколько больше их замужние женщины?"[116] Жив Господь, я не совершу преступления, которое ты велишь мне совершить". В этом Джозеф последовал примерумногих благочестивых людей, которые произносят клятву в тот момент, когда им угрожает опасность поддаться искушению, и стремятся таким образом набраться морального мужества, чтобы обуздать свои злые инстинкты".

Когда Зулейка не смогла убедить его, ее желание повергло ее в тяжелую болезнь, и все женщины Египта пришли навестить ее, и они сказали ей: "Почему ты такая вялая и опустошенная, ты, которая ни в чем не испытывает недостатка? Разве твой муж не принц, великий и уважаемый в глазах короля? Возможно ли, что ты можешь хотеть чего-то из того, чего желает твое сердце?" Зулейка ответила им, сказав: "Сегодня вам станет известно, откуда взялось то состояние, в котором вы видите меня".

Она приказала своим служанкам приготовить еду для всех женщин и устроила перед ними пир в своем доме. Она положила на стол ножи, чтобы почистить апельсины, а затем приказала Джозефу явиться в дорогих одеждах и прислуживать ее гостям. Когда Джозеф вошел, женщины не могли отвести от него глаз, и все они порезали себе руки ножами, и апельсины в их руках были покрыты кровью, но они, не сознавая, что делают, продолжали смотреть на красоту Джозефа, не отводя от него глаз.

Тогда Зулейка сказала им: "Что вы наделали? Вот, я поставила перед вами апельсины, чтобы вы ели, а вы порезали себе руки". Все женщины посмотрели на свои руки, и, о чудо, они были полны крови, и она стекала вниз и пачкала их одежду. Они сказали Зулейке: "Этот раб в твоём доме действительно очаровал нас, и мы не могли отвести от него глаз из-за его красоты". Затем она сказала: "Это случилось с вами, которые взглянули на него всего на мгновение, и вы не смогли сдержаться! Как же тогда я могу контролировать себя, в доме которого он постоянно пребывает, кто видит, как он входит и выходит изо дня в день? Как же тогда мне не зачахнуть или

не изнывать из-за него?" И женщины заговорили, говоря: "Это правда, кто может смотреть на эту красоту в доме и сдерживать свои чувства? Но он твой раб! Почему ты не открываешь ему то, что у тебя на сердце, вместо того, чтобы позволить своей жизни погибнуть из-за этого?" Зулейка ответила им: "Я каждый день пытаюсь убедить его, но он не соглашается с моими желаниями. Я обещал ему все, что справедливо, но не получил от него ничего взамен, и поэтому, как вы можете видеть, я болен".

Ее болезнь усилилась. Ее муж и домочадцы не подозревали о причине ее упадка, но все женщины, которые были ее подругами, знали, что это произошло из-за любви, которую она питала к Джозефу, и они все время советовали ей попытаться соблазнить юношу. В определенный день, когда Джозеф выполнял работу своего хозяина по дому, пришла Зулейка и внезапно набросилась на него, но Джозеф был сильнее ее, и он прижал ее к земле. Зулейка заплакала и с мольбой в голосе и горечью в душе сказала Джозефу: "Знал ли ты когда-нибудь, видел ли ты или слышал о женщине, равной мне по красоте, не говоря уже о женщине, красота которой превосходит мою? И все же я ежедневно пытаюсь убедить тебя, я впадаю в упадок из-за любви к тебе, я возлагаю на тебя всю эту честь, а ты не прислушиваешься к моему голосу! Это из-за страха перед твоим господином он наказывает тебя? Пока жив царь, от твоего господина не будет тебе вреда из-за этого. Поэтому теперь, я молю тебя, выслушай меня и согласишься с моим желанием ради чести, которую я оказал тебе, и избавь меня от этой смерти. Ибо почему я должен умирать из-за тебя?" Джозеф оставался таким же непоколебимым в этих домогательствах, как и прежде. Зулейка, однако, не была обескуражена; она продолжала свои домогательства неустанно, день за днем, [118] месяц за месяцем, в течение целого года, но всегда без малейшего успеха, ибо Джозеф в своем целомудрии не позволял себе даже смотреть на нее, поэтому она прибегла к принуждению. Она надела ему на подбородок железные кандалы, и он был вынужден держать голову высоко и смотреть ей в лицо".[119]

ДЖОЗЕФ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ ИСКУШЕНИЮ

Видя, что она не может достичь своей цели мольбами или слезами, Зулейка в конце концов применила силу, когда решила, что представился благоприятный случай. Ей не пришлось долго ждать. Когда Нил вышел из берегов и, согласно ежегодному обычаю египтян, все отправились к реке, мужчины и женщины, народ и принцы, в сопровождении музыки, Зулейка осталась дома под предлогом болезни. Это была ее долгожданная возможность, подумала она. Она встала, поднялась в государственный зал и облачилась в королевские одежды. Она возложила себе на голову драгоценные камни, оникс, оправленный в серебро и золото, она украсила свое лицо и тело всевозможными вещами для очищения женщин, она надушила прихожую и весь дом ладаном и миррой, намазала все миррой и алоэ, а потом уселась у входа в зал, в вестибюле, ведущем к дому, через который Джозеф должен был пройти на свою работу.

И вот, Джозеф пришел с поля, и он собирался войти в дом, чтобы выполнить работу своего господина, но когда он дошел до места, где сидела Зулейка, и увидел все, что она сделала, он повернул назад. Его любовница, заметив это, окликнула его: "Что с тобой, Джозеф? Иди к своей работе, я освобожу для тебя место, чтобы ты мог пройти к своему месту". Джозеф сделал, как она ему велела, он вошел в дом, сел на свое место и, как обычно, принялся за работу своего хозяина. Затем Зулейка внезапно предстала перед ним во всей своей красоте и великолепии

одеяния и повторила желание своего сердца.[120] Это был первый и последний раз, когда непоколебимость Джозефа покинула его, но лишь на мгновение. Когда он был готов исполнить желание своей госпожи, перед ним предстал образ его матери Рахили, и его тети Лии, и образ его отца Иакова. Последний обратился к нему так: "Придет время, и имена твоих братьев будут выгравированы на нагруднике первосвященника. Желает ли ты, чтобы твое имя появилось вместе с их именами? Или ты лишишься этой чести из-за греховного поведения? Ибо знай, тот, кто водит компанию с блудницами, растрчивает свое состояние ". Это видение умершего, и особенно образ его отца, привели Джозефа в чувство, и его недозволенная страсть оставила его.[121]

Пораженная быстрой переменой в его выражении лица, Зулейка сказала: "Мой друг и возлюбленная, почему ты так напуган, что близок к обмороку?

Джозеф: "Я вижу своего отца!"

Зулейка: "Где он? Да ведь в доме его нет".

Джозеф: "Ты принадлежишь к народу, который подобен ослу, он ничего не воспринимает. Но я принадлежу к тем, кто может видеть вещи".

Джозеф бежал прочь из дома своей любовницы,[122] того самого дома, в котором некогда творились чудеса для Сарры, которую фараон держал там в плену.[123] Но едва он вышел на улицу, как греховная страсть снова овладела им, и он вернулся в комнату Зулейки. Тогда Господь явился ему, держа Эбен Шетию[124] в Своей руке, и сказал ему: "Если ты прикоснешься к ней, я отброшу этот камень, на котором основана земля, и мир обратится в руины". Снова протрезвев, Джозеф начал убегать от своей любовницы, [125] но Зулейка схватила его за одежду и сказала: "Жив король, если ты не удовлетворишь мое желание, ты должен умереть", и, говоря это, она свободной рукой вытащила меч из-под платья и, прижав его к горлу Джозефа, сказала: "Делай, как я тебе говорю, или ты умрешь". Джозеф выбежал, оставив кусок своей одежды в руках Зулейки, когда он вырвался из рук женщины со страшной силой. быстрое, энергичное движение.[126]

Страсть Зулейки к Джозефу была настолько сильной, что вместо его владельца, которого ей не удалось подчинить своей воле, она целовала и ласкала лоскуток ткани, оставшийся у нее в руке.[127] В то же время она не замедлила осознать опасность, которой подвергла себя, поскольку опасалась, что Джозеф может выдать ее поведение, и она обдумывала пути и средства предотвращения последствий своей глупости.[128]

Тем временем ее друзья вернулись с праздника на Ниле и пришли навестить ее и справиться о ее здоровье. Они нашли ее ужасно больной из-за пережитого волнения и тревоги, в которой она пребывала. Она призналась женщинам в том, что произошло с Джозефом, и они посоветовали ей обвинить его в безнравственности перед своим мужем, и тогда его бросят в тюрьму. Зулейка приняла их совет и умоляла своих посетителей поддержать ее обвинения, также подав жалобы на Джозефа, что он досаждал им неподобающими предложениями.[129]

Но Зулейка не полагалась полностью на помощь своих друзей. Кроме того, она придумала хитрость, чтобы наверняка убедить своего мужа в виновности Джозефа. Она сбросила свои богатые парадные одежды, надела свою обычную одежду и подошла к постели больного, в которой лежала, когда люди уходили на праздник. Также она взяла разорванную одежду

Джозефа и положила ее рядом с собой. Затем она послала маленького мальчика позвать кого-нибудь из мужчин своего дома и рассказала им историю о предполагаемом гневе Иосифа, сказав: "Посмотрите на раба-еврея, которого ваш господин привел в мой дом и который сегодня пытался причинить мне насилие! Едва вы ушли на праздник, как он вошел в дом и, убедившись, что здесь никого нет, попытался заставить меня уступить его похотливому желанию. Но я схватил его за одежду, разорвал ее и закричал громким голосом. Когда он услышал, что я возвысил свой голос и закричал, его охватил страх, и он убежал, и я вывел его, но он оставил свою одежду у меня". Мужчины из ее дома не произнесли ни слова, но, разгневанные на Джозефа, они пошли к своему господину и рассказали ему о том, что произошло.[130] Тем временем мужа друзей Зулейки также поговорили с Потифаром по наущению своих жен и пожаловались на его раба, что он приставал к ним.[131]

Потифар поспешил домой и застал свою жену в подавленном настроении, и хотя причиной ее уныния было огорчение из-за того, что ей не удалось завоевать любовь Иосифа, она притворилась, что это гнев из-за аморального поведения рабыни. Она обвинила его в следующих словах: "О муж, возможно, ты не проживешь ни дня дольше, если не накажешь нечестивого раба, который желал осквернить твоё ложе, который не помнил, кем он был, когда пришел в наш дом, чтобы вести себя скромно, и не помнил о милостях, которые он получил от твоей щедрости. У него действительно был тайный умысел надругаться над твоей женой, и это во время празднования праздника, когда ты отсутствовал"[132]. Эти слова она произнесла в момент супружеской близости с Потифаром, когда была уверена, что окажет влияние на своего мужа.[133]

Потифар поверил ее словам и приказал безжалостно выпороть Джозефа. В то время как на него обрушивались жестокие удары, он взывал к Богу: "О Господь, Ты знаешь, что я невиновен в этих вещах, и почему я должен умирать сегодня из-за ложного обвинения, выдвинутого руками этих необрезанных, нечестивых людей?" Бог отверз уста ребенка Зулейки, младенцу было всего одиннадцать месяцев, и он обратился к мужчинам, которые избивали Джозефа, говоря: "Из-за чего вы поссорились с этим человеком? Почему ты причиняешь ему такое зло? Ложе говорит моя мать, и обман - это то, что произносят ее уста. Это правдивая история о том, что действительно произошло", — и ребенок продолжил рассказывать обо всем, что произошло, - о том, как Зулейка сначала пыталась убедить Джозефа поступать нечестиво, а затем попыталась заставить его выполнить ее волю. Люди слушали в великом изумлении. Но когда доклад закончился, ребенок, как и прежде, не произнес ни слова.

Смущенный речью собственного малолетнего сына, Потифар приказал своим судебным приставам прекратить наказывать Иосифа, и дело было передано в суд, где священники заседали в качестве судей. Иосиф заявил о своей невинности и рассказал все, что произошло, в соответствии с правдой, но Потифар повторил рассказ, который рассказала ему его жена. Судьи приказали принести одежду Джозефа, которая была у Зулейки, и осмотрели прореху на ней. Оказалось, что он был на передней части мантии, и они пришли к выводу, что Зулейка пыталась крепко удержать его, но Джозеф сорвал ее попытку, против которого она теперь выдвигала сфабрикованное обвинение. Они решили, что Джозеф не понес смертной казни, но приговорили его к тюремному заключению, потому что он был причиной запятнания честного имени Зулейки".[134]

Сам Потифар был убежден в невинности Иосифа, и когда он бросил его в тюрьму, он сказал ему: "Я знаю, что ты невиновен в столь гнусном преступлении, но я должен заключить тебя в тюрьму, чтобы скверна не коснулась моих детей".[135]

ИОСИФ В ТЮРЬМЕ

В качестве наказания за то, что он опорочил своих десяти братьев перед своим отцом, Иосифу пришлось десять лет томиться в тюрьме, к которой, в свою очередь, приговорили его козни клеветников.[136] Но, с другой стороны, поскольку он освятил Имя Божье перед миром своим целомудрием и стойкостью, он был вознагражден. Буква "Он", которая дважды встречается в Имени Бога, была добавлена к его имени. Раньше его звали Иосифом, но теперь его называли также Иосифом.[137]

Несмотря на то, что Джозеф был заключен в тюрьму, он все еще не был в безопасности от происков своей любовницы, страсть которой к нему нисколько не уменьшилась. По правде говоря, именно она убедила своего мужа изменить свое намерение относительно Джозефа; она убеждала его заключить раба в тюрьму, а не убивать, поскольку надеялась, что в качестве пленника ему будет легче подчиниться ее желаниям. Она обратилась к своему мужу со словами: "Не уничтожай свою собственность. Брось раба в тюрьму и держи его там до тех пор, пока ты не сможешь продать его и получить обратно деньги, которые ты за него заплатил".[138] Таким образом, у нее появилась возможность навестить Джозефа в его камере и попытаться убедить его исполнить ее волю. Она говорила: "То-то и то-то беззаконие я совершила против тебя, но, пока ты жив, я совершу над тобой еще одно беззаконие, если ты не будешь повиноваться мне". Но Джозеф ответил: "Господь вершит суд над угнетенными".

Зулейка: "Я зайду так далеко, что все люди возненавидят тебя".

Джозеф: "Господь любит праведных".

Зулейка: "Я продам тебя в чужую страну".

Джозеф: "Господь хранит пришельцев".[139]

Тогда она прибегала к обольщению, чтобы добиться своего. Она обещала освободить его из тюрьмы, если он только исполнит ее желание. Но он говорил: "Лучше остаться здесь, чем быть с тобой и грешить против Бога". Эти визиты к Джозефу в тюрьме Зулейки продолжались долго, но когда, наконец, она увидела, что все ее надежды напрасны, она оставила его в покое.[140]

Как госпожа упорствовала в своей любви к Иосифу, так и его господин, ее муж, не мог отделиться от своего любимого раба. Несмотря на то, что Иосиф был заключенным, он продолжал заботиться о нуждах Потифара, и тот получил разрешение от начальника тюрьмы проводить часть своего времени в доме своего хозяина.[141] Во многих других отношениях тюремщик проявлял доброе расположение к Иосифу. Видя усердие и добросовестность юноши в выполнении возложенных на него задач, а также находясь под влиянием его чарующей красоты, он максимально облегчил тюремную жизнь своему подопечному. Он даже заказал для него блюда получше, чем обычная тюремная еда, и счел излишней предосторожность присматривать за Джозефом, потому что не видел в нем ничего плохого и замечал, что Бог был с

ним, как в хорошие, так и в плохие дни. Он даже назначил его надзирателем над тюрьмой, и как приказал Джозеф, так и другие заключенные были обязаны делать.[142]

Долгое время люди не говорили ни о чем, кроме обвинения, выдвинутого против Джозефа его любовницей. Чтобы отвлечь от него внимание публики, Бог повелел, чтобы два высших офицера, главный дворецкий и главный пекарь, оскорбили своего господина, царя Египта, и их поместили под стражу в доме капитана стражи. Теперь люди перестали говорить об Иосифе и говорили только о скандале при дворе. Благородным пленникам предъявили обвинения в том, что они пытались совершить насилие над дочерью фараона и составили заговор с целью отравления самого царя. Кроме того, они показали себя заброшенными на своей службе. В вине, которое главный дворецкий дал выпить царю, была обнаружена муха, а в хлебе, который главный пекарь положил на царский стол, был маленький камешек".[143] За все эти проступки фараон приговорил их к смерти, но ради Иосифа Божественным провидением было предопределено, что царь сначала заключит их в тюрьму, прежде чем отдать приказ об их казни. Господь разжег гнев царя против его слуг только для того, чтобы исполнилось желание Иосифа обрести свободу, ибо они были орудиями его освобождения из тюрьмы, и хотя они были обречены на смерть, все же, принимая во внимание высокий пост, который они занимали при дворе, смотритель тюрьмы предоставил им привилегии, поскольку, например, одному человеку было поручено прислуживать им, и назначенным на это был Иосиф.[144] 1]

Главный дворецкий и главный пекарь были заключены в тюрьму на десять лет,[145] когда им обоим приснился сон, но что касается толкования, то каждому приснилось только то, что было во сне друг друга.[146] Утром, когда Джозеф принес им воду для умывания, он нашел их печальными, подавленными духом, и, в манере мудрецов, он спросил их, почему в тот день они выглядели иначе, чем в другие дни. Они сказали ему: "Этой ночью нам приснился сон, и наши два сна похожи друг на друга в определенных деталях, и нет никого, кто мог бы истолковать их". И Джозеф сказал им: "Бог дарует человеку разум для толкования снов. Скажи им мне, я прошу тебя".[147] Именно в награду за приписывание величия и заслуг Тому, кому оно принадлежит, Джозеф позже достиг своего высокого положения.[148]

Главный дворецкий продолжил рассказывать свой сон: "В моем сне, вот, виноградная лоза была передо мной; и на виноградной лозе было три ветви; и это было так, как если бы она распустила почки, и ее цветы распустились, и на гроздьях ее появились спелые гроздья винограда; и чаша фараона была в моей руке; и я взял виноград и выдавил его в чашу фараона, и я отдал чашу в руку фараона". Главный дворецкий не знал, что его сон содержал пророчество о будущем Израиля, но Джозеф распознал неясный смысл [149] и истолковал сон таким образом: три ветви - это три Отца, Авраам, Исаак и Иаков, потомки которых в Египте будут искуплены тремя лидерами, Моисеем, Аароном и Мириам; а чаша, врученная в руки фараона, - это чаша гнева, которую ему в конце концов придется осушить. Это толкование сна Джозеф сохранил для себя, и он ничего не рассказал о нем главному дворецкому, но из благодарности за радостную весть об освобождении Израиля из египетского рабства он дал ему благоприятное толкование своего сна и попросил его помнить о нем, когда ему будет хорошо, и освободить его из темницы, в которой он был заключен.

Когда главный пекарь услышал толкование сна дворецкого, он понял, что Джозеф правильно разгадал его значение, поскольку в своем собственном сне он видел толкование сна своего друга, и он перешел к рассказу Джозефа о том, что ему приснилось ночью: "Я также был во сне,

и вот, на моей голове были три корзины с белым хлебом; и в самой верхней корзине были всевозможные запеканки для фараона; и птицы ели их из корзины на моей голове". Также этот сон содержал пророчество о будущем Израиля: три корзины - это три царства, которым подчинится Израиль, Вавилон, Мидия и Греция; а самая верхняя корзина указывает на нечестивое правление Рима, которое распространится на все народы мира, пока не прилетит птица, которая является Мессией, и не уничтожит Рим. И снова Джозеф сохранил пророчество в секрете. Главному пекарю он дал только то толкование, которое относилось к его личности, но оно было неблагоприятным для него, потому что через свой сон Иосиф узнал о страданиях, которые придется претерпеть Израилю.

И все сбылось, как сказал Иосиф, на третий день.[150] В тот день, когда он объяснил значение их снов двум знатным пленникам, у фараона родился сын, и, чтобы отпраздновать радостное событие, царь устроил пир для своих принцев и слуг, который должен был продлиться восемь дней. Он пригласил их и всех остальных к своему столу и угостил их с королевским великолепием. Праздник начался на третий день после рождения ребенка, и по этому случаю главный дворецкий был с честью восстановлен в должности дворецкого, а главный пекарь был повешен, [151] поскольку советники фараона обнаружили, что не дворецкий был виноват в том, что муха упала в вино царя, но пекарь был виновен в небрежности, позволив камешку попасть в хлеб.[152] Точно так же оказалось, что дворецкий не принимал участия в заговоре с целью отравления короля, в то время как пекарь был раскрыт как один из заговорщиков, и ему пришлось искупить свое преступление ценой своей жизни.[153]

СНЫ ФАРАОНА

Собственно говоря, Джозеф должен был выйти на свободу из своей темницы в тот же день, что и дворецкий. К тому времени он пробыл там десять лет и загладил вину за клевету, которую он произнес против своих десяти братьев. Однако он оставался в тюрьме еще два года. "Блажен человек, который уповает на Господа и чья надежда - Господь", но Джозеф возлагал свою надежду на плоть и кровь. Он молился главному дворецкому, чтобы тот помнил о нем, когда ему будет хорошо, и упомянул о нем фараону, но дворецкий забыл о своем обещании, и поэтому Джозефу пришлось пробыть в тюрьме на два года больше, чем первоначально отведено ему там.[154] Дворецкий забыл о нем не намеренно, но так было предопределено Богом, чтобы память подвела его. Когда он говорил себе: "Если случится то-то и то-то, я вспомню случай с Джозефом, условия, которые он себе представлял, наверняка будут обратными", или если он завязывал узел в качестве напоминания, приходил ангел и развязывал узел, и Джозеф не приходил ему в голову.[155]

Но "Господь положил конец тьме", и освобождение Джозефа не было отложено ни на мгновение сверх установленного для этого срока. Бог сказал: "Ты, о дворецкий, ты забыл Иосифа, но я - нет", - и Он заставил фараона увидеть сон, который стал поводом для освобождения Иосифа.[156]

Во сне фараон увидел семь коров, ухоженных и тучных, вышедших из Нила, и они все вместе мирно паслись на берегу реки, в годы, когда урожай обильный, между людьми царит дружба, любовь и братское согласие, и эти семь тучных коров простояли семь таких благополучных лет. Вслед за жирным быком из реки вышли еще семеро, некрасивых и тощих, и каждый стоял

спиной к остальным, потому что, когда одолевает беда, один мужчина отворачивается от другого. На короткое время фараон проснулся, и когда он снова заснул, ему приснился второй сон, о семи сочных колосьях кукурузы и семи тощих колосьях, которые раздувал восточный ветер, [157] о засохших колосьях, проглатывающих полные колосья. Он сразу же проснулся, и было утро, а сны, приснившиеся утром, - это те, которые сбываются.[158]

Фараону не в первый раз снились подобные сны. Они посещали его каждую ночь в течение двух лет, и утром он неизменно забывал о них. Это был первый раз, когда он вспомнил о них, ибо настал день, когда Иосиф должен был выйти из своей тюрьмы.[159] Сердце фараона сильно забилося, когда он, проснувшись, вспомнил свои сны.[160] Особенно его встревожил второй вопрос, о початках кукурузы. Он размышлял о том, что все, у кого есть рот, может есть, и поэтому сон о семи тощих коровах, которые съели семь тучных коров, не показался ему странным. Но колосья, поглотившие другие колосья, смутили его дух.[161] Поэтому он призвал всех мудрецов своей страны, и они тщетно пытались найти удовлетворительное истолкование. Они объяснили, что семь тучных коров означали, что у фараона родятся семь дочерей, а семь тощих коров - что он похоронит семь дочерей; вялые колосья означали, что фараон завоюет семь стран, а опаленные колосья - что семь провинций восстанут против него.[162] По поводу колосьев кукурузы они не все согласились. Некоторые думали, что добрые колосья означают семь городов, которые будут построены фараоном, а семь засохших колосьев указывали на то, что эти же самые города будут разрушены в конце его правления.

Каким бы проницательным фараон ни был, он понимал, что ни одно из этих объяснений не попадает в точку. Он издал указ, призывающий всех толкователей снов предстать перед ним под страхом смерти, и назначил большие награды и отличия тому, кто преуспее в разгадке истинного значения его снов. Повинуясь его призыву, явились все мудрецы, маги и священники книжники, которые были в Мицраиме, городе Египетском, а также из Гесема, Рамсеса, Зоана и всей страны Египет, и с ними пришли князья, военачальники и слуги царя из всех городов страны.

Всем им король рассказал свои сны, но никто не смог истолковать их так, чтобы они его удовлетворили. Некоторые говорили, что семь тучных коров были семью законными царями, которые будут править Египтом, а семь тощих коров предвещали семь принцев, которые восстанут против этих семи царей и уничтожат их. Семь хороших колосьев были семью высшими принцами Египта, которые вступят в войну за своего повелителя и потерпят поражение от такого же количества незначительных принцев, о которых говорили семь взорванных колосьев.

Другая интерпретация заключалась в том, что семь тучных коров были семью укрепленными городами Египта, которые в будущем должны были попасть в руки семи ханаанских народов, которые были предвосхищены в семи тощих коровах. Согласно этому толкованию, второй сон дополнял первый. Это означало, что потомки фараона восстановят суверенную власть над Египтом в последующий период, а также подчинят себе семь ханаанских народов.

Было и третье толкование, данное некоторыми: семь тучных коров - это семь женщин, которых фараон взял бы в жены, но они умерли бы при его жизни, на их потерю указывают семь тощих коров. Более того, у фараона будет четырнадцать сыновей, и семеро сильных будут побеждены семью слабачками, как взорванные колосья кукурузы в его сне поглотили вялые колосья кукурузы.

И четвертый: "У тебя будет семь сыновей, о фараон, это семь тучных коров. Эти твои сыновья будут убиты семью могущественными мятежными князьями. Но затем придут семь младших принцев, и они убьют семерых мятежников, отомстят за твоих потомков и вернут власть твоей семье".

Царю эти толкования понравились так же мало, как и другие, которые он слышал раньше, и в гневе он приказал убить египетских мудрецов, магов и книжников, а палачи приготовились исполнить царский указ.

Однако Мирод, главный дворецкий фараона, [163] испугался, увидев, что царь был так раздосадован тем, что ему не удалось добиться толкования своих снов, что был готов испустить дух. Он был встревожен смертью царя, поскольку было сомнительно, что наследник престола сохранит его на своем посту. Он решил сделать все, что в его силах, чтобы сохранить фараону жизнь. Поэтому он выступил перед ним и заговорил, сказав: "Я действительно помню две свои ошибки в этот день, я показал себя неблагодарным Джозефу, поскольку не довел до тебя его просьбу, а также я видел тебя в бедственном положении из-за твоего сна, не дав тебе знать, что Джозеф может толковать сны.[164] Когда Господу Богу было угодно разгневаться фараона на его слуг, царь поместил меня под стражу в доме начальника стражи, меня и главного пекаря.[165] И с нами был простой юноша, один из презираемой расы евреев, раб начальника стражи, и он истолковал нам наши сны, и это сбылось, как он истолковал нам, так оно и было. Поэтому, о царь, останови руку палачей, пусть они не казнят египтян. Раб, о котором я говорю, все еще в темнице, и если король согласится вызвать его сюда, он, несомненно, истолкует твои сны".[166]

ИОСИФ ПЕРЕД ФАРАОНОМ

"Прокляты те нечестивцы, которые никогда не совершают полностью добрых дел". Главный дворецкий презрительно назвал Джозефа "рабом", чтобы он не мог занимать видное место при дворе, поскольку в сводах законов Египта был закон, согласно которому раб никогда не мог ни сидеть на троне как царь, ни даже ставить ногу в стремя лошади.[167]

Фараон отменил смертный указ, который он издал против мудрецов Египта, и послал позвать Иосифа. Он убедил своих посланников позаботиться о том, чтобы они не взволновали и не смутили Джозефа и не сделали его неспособным правильно истолковать сон царя.[168] Они поспешно вывели его из темницы, но сначала Иосиф, из уважения к царю, побрился и надел свежую одежду, которую ангел принес ему из Рая, а затем он вошел к фараону.[169]

Царь сидел на царском троне, облаченный в царские одежды, с золотым ефодом на груди, и чистое золото ефода сверкало, и карбункул, рубин и изумруд пылали, как факел, и все драгоценные камни, украшавшие голову царя, сверкали, как пылающий огонь, и Иосиф был сильно поражен появлением царя. Трон, на котором он восседал, был покрыт золотом, серебром и камнями-ониксами, и у него было семьдесят ступеней. Если принц или другая выдающаяся личность приходил на аудиенцию к королю, то по обычаю он подходил и поднимался на тридцать первую ступеньку трона, а король спускался на тридцать шесть ступенек и разговаривал с ним. Но если кто-то из народа приходил поговорить с королем, он поднимался только на третью ступеньку, а король спускался на четыре ступеньки со своего места и обращался к нему оттуда. Существовал также обычай, что тот, кто знал все семьдесят

языков, поднимался по семидесяти ступеням трона на вершину, но если человек знал только некоторые из семидесяти языков, ему разрешалось подняться на столько ступеней, сколько он знал языков, независимо от того, много их было или мало. И еще один обычай египтян состоял в том, что никто не мог царствовать над ними, если он не владел всеми семьдесятю языками.

Когда Иосиф предстал перед царем, он поклонился до земли и взошел на третью ступеньку, в то время как царь сел на четвертую сверху и заговорил с Иосифом, сказав:[170] "О юноша, мой слуга свидетельствует о тебе, что ты лучший и проницательнейший человек, с которым я могу посоветоваться. Я молю тебя, окажи мне те же милости, которыми ты одарил этого моего слугу, и расскажи мне, какие события предвещают видения моих снов. Я желаю, чтобы ты ничего не скрывал из страха, и ты не должен льстить мне лживыми словами или словами, которые мне нравятся. Скажи мне правду, хотя это и печально и тревожно".[171]

Сначала Иосиф спросил царя, откуда он знает, что толкование, данное мудрецами его страны, не соответствует действительности, и фараон ответил: "Я видел сон и его толкование вместе, и поэтому они не могут сделать из меня дурака".[172] Из своей скромности Иосиф отрицал, что он был специалистом по толкованию снов. Он сказал: "Это не от меня, это в руке Божьей, и если такова будет воля Божья, Он позволит мне возвестить фараону весть о мире". И за такую скромность он был вознагражден владычеством над Египтом, ибо Господь чтит тех, кто чтит Его. Таким же образом был вознагражден и Даниил за свою речь к Навуходоносору:

"На небесах есть Бог, который открывает тайны, но что касается меня, то эта тайна открыта мне не ради какой-либо мудрости, которой у меня больше, чем у кого-либо из живущих, но с намерением, чтобы толкование стало известно царю, и чтобы ты мог узнать мысли своего сердца".[173]

Затем фараон начал рассказывать свой сон, только некоторые моменты он опустил, а другие пересказал неточно, чтобы испытать хваленые способности Иосифа. Но юноша поправил его и собрал сны по кусочкам в точности так, как они посещали фараона ночью, и царь был сильно поражен.[174] Иосиф смог совершить этот подвиг, потому что ему приснился тот же сон, что и фараону, в то же время, что и он.[175] После этого фараон пересказал свои сны со всеми подробностями и обстоятельствами и в точности так, как он видел их во сне, за исключением того, что он опустил слово "Нил" в описании семи тощих коров, потому что египтяне поклонялись этой реке, и он не решался сказать, что нечто злое пришло от его бога.[176]

Теперь Иосиф перешел к истинному толкованию двух снов. Оба они были откровением о грядущих семи хороших годах и о семи годах голода, которые последуют за ними. На самом деле, Божьей целью было наслать на Египет голод продолжительностью в сорок два года, но только два года из этого мучительного периода были обрушены на землю ради благословения Иакова, когда он пришел в Египет на второй год голода. Остальные сорок лет пришлось на эту землю во времена пророка Иезекииля.[177]

Иосиф сделал больше, чем просто истолковал сны. Когда царь высказал сомнения относительно толкования, он рассказал ему о знаках. Он сказал: "Пусть это будет для тебя знаком того, что мои слова верны, а мой совет превосходен: твоя жена, которая в этот момент сидит на скамеечке для родов, родит сына, и ты будешь радоваться ему, но посреди твоей радости тебе будет сообщена печальная весть о смерти твоего старшего сына, который родился

у тебя всего два года назад, и тебе необходимо найти утешение в потере одного в рождении другого".

Едва Иосиф удалился от царя, как фараону было сообщено о рождении сына, а вскоре после этого также о смерти его первенца, который внезапно упал на пол и скончался. После этого он послал за всеми вельможами своего королевства и всеми своими слугами и обратился к ним, сказав: "Вы слышали слова еврея, и вы видели, что знамения, которые он предсказал, сбылись, и я также знаю, что он верно истолковал сон. Посоветуйте мне теперь, как можно спасти землю от опустошительного голода. Посмотрите туда и сюда, сможете ли вы найти мудрого и понимающего человека, которого я мог бы поставить над этой землей, ибо я убежден, что земля может быть спасена только в том случае, если мы прислушаемся к совету еврея". Вельможи и принцы признали, что безопасность может быть обеспечена только путем следования совету, данному Иосифом, и они предложили королю в его проницательности выбрать человека, которого он считал способным выполнить великую задачу.[178] На это фараон сказал: "Если бы мы обошли и обыскали землю из конца в конец, мы не смогли бы найти никого, подобного Иосифу, человека, в котором пребывает дух Божий".[179] Если вы хорошо подумаете об этом, я поставлю его над землей, которую он спас своей мудростью".[180]

Астрологи, которые были его советниками, возразили: "Раба, которого его нынешний владелец приобрел за двадцать сребреников, ты предлагаешь поставить над нами господином?" Но фараон утверждал, что Иосиф был не только свободнорожденным человеком, вне всякого сомнения, но и отпрыском знатной семьи.[181] Однако князья фараона не замолчали, они продолжали высказывать свое несогласие с Иосифом, говоря: "Разве ты не помнишь непреложный закон египтян, что никто не может служить царем или наместником, если он не говорит на всех языках людей? И этот еврей не знает ничего, кроме своего собственного языка, и как было возможно, чтобы нами правил человек, который даже не может говорить на языке нашей страны? Пошли и прикажи привести его сюда, и изучи его относительно всего, что должен знать и иметь правитель, а затем реши так, как покажется мудрым в твоих глазах".

Фараон уступил, он пообещал сделать так, как они пожелают, и назначил следующий день для допроса Иосифа, который тем временем вернулся в свою тюрьму, поскольку из-за жены его господин боялся оставлять его в своем доме. Ночью Гавриил явился Джозефу и научил его всем семидесяти языкам, и он быстро овладел ими после того, как ангел изменил его имя с Джозефа на Иосиф. На следующее утро, когда он предстал перед фараоном и знатью царства, поскольку он знал каждый из семидесяти языков, он поднялся по всем ступеням царского трона, пока не достиг семидесятой, самой высокой, на которой восседал царь, и фараон и его вельможи возрадовались, что Иосиф выполнил все требования, необходимые для того, кто должен был править Египтом.

Царь сказал Иосифу: "Ты дал мне совет найти человека благоразумного и мудрого и поставить его над землей Египетской, чтобы он мог в своей мудрости спасти землю от голода. Поскольку Бог показал тебе все это, и поскольку ты владеешь всеми языками мира, нет никого более благоразумного и мудрого, чем ты. Поэтому ты будешь вторым в стране после фараона, и по слову твоему весь мой народ войдет и выйдет; мои князья и мои слуги получают от тебя свое ежемесячное уделение; перед тобой народ падет ниц, только на троне я буду больше тебя".

ПРАВИТЕЛЬ ЕГИПТА

Теперь Иосиф пожал жатву своих добродетелей, и по мере его заслуг Бог даровал ему награду. Уста, отказавшиеся от поцелуя беззаконной страсти и греха, получили поцелуй почтения от народа; шея, которая не склонилась перед грехом, была украшена золотой цепью, которую надел на нее фараон; руки, которые не прикасались к греху, носили перстень с печаткой, который фараон снял со своей руки и надел на руку Иосифа; тело, которое не соприкасалось с грехом, было облачено в одежды из бисса; ноги, которые не делали шагов в направлении греха, покоились в царской колеснице, а мысли, которые оставались незапятнанными грехом, провозглашались мудростью.[183]

Джозеф был торжественно возведен на свое высокое положение и наделен знаками отличия своей должности. Царь снял со своей руки перстень-печатку и надел его на руку Иосифа, и одел его в царские одежды, и возложил золотую корону на его голову, и надел золотую цепь ему на шею. Затем он приказал своим слугам посадить Иосифа во вторую колесницу, которая ехала рядом с колесницей, в которой сидел царь, и он также посадил его верхом на большого и сильного коня из царских коней, и его слуги провели его по улицам города Египет. Музыканты, не менее тысячи бьющих в тарелки и тысячи дудящих флейт, и пять тысяч человек с обнаженными мечами, поблескивающими в воздухе, составляли авангард. Двадцать тысяч царских вельмож, подпоясанных кожаными поясами, расшитыми золотом, маршировали справа от Иосифа и столько же слева от него.[184] Женщины и знатные девы выглядывали из окон, чтобы полюбоваться красотой Иосифа, и они осыпали его цепями, кольцами и драгоценными камнями, чтобы он только мог обратить на них свой взор. Тем не менее, он не поднял глаз, и в награду Бог сделал его защищенным от дурного глаза, и он никогда не имел силы причинить вред кому-либо из его потомков.[185] Слуги царя, предшествовавшие ему и следовавшие за ним, воскуривали на его пути ладан, кассию и всевозможные сладкие специи и посыпали миррой и алоэ, куда бы он ни пошел. Двадцать герольдов прошли перед ним и провозгласили: "Это человек, которого король бат избрал вторым после себя. Всеми государственными делами будет управлять он, и тот, кто воспротивится его приказам или откажется склониться перед ним до земли, умрет смертью мятежника против короля и королевского наместника".

Без промедления народ пал ниц и закричал: "Да здравствует король и да здравствует наместник короля!" И Джозеф, глядя вниз со своего коня на людей и их ликование, воскликнул, устремив глаза к небу: "Господь поднимает бедных из праха и поднимает нуждающихся из навозной кучи. О Господь саваоф, благословен человек, уповающий на Тебя".

После того, как Иосиф в сопровождении приближенных фараона и принцев объехал весь город Египет и осмотрел все, что там было, он вернулся к царю в тот же день, и царь подарил ему поля и виноградники, а также три тысячи талантов серебра и тысячу талантов золота, и камни оникс, и бделлий, и много других дорогих вещей. Более того, царь приказал, чтобы каждый египтянин сделал Иосифу подарок, иначе он был бы предан смерти. На открытой улице был воздвигнут помост, и там все складывали свои подарки, и среди вещей было много золота и серебра, а также драгоценных камней, которые приносили туда люди, а также вельможи, ибо они видели, что Иосиф пользовался благосклонностью царя. Более того, Иосиф получил от фараона сотню рабов, и они должны были выполнять все его приказания, а сам он приобрел еще много рабов, поскольку жил в просторном дворце. На его постройку ушло три года. Особое великолепие было

придано государственному залу, который был его аудиенц-залом, и трону, сделанному из золота и серебра и инкрустированному драгоценными камнями, на котором была изображена вся земля Египет и река Нил. И по мере того, как Иосиф умножал богатство, он умножался и в мудрости, ибо Бог прибавил к его мудрости, чтобы все могли любить и почитать его.[186] Фараон назвал его Цафенат-панеах, тот, кто может с легкостью раскрывать тайные вещи и этим радуется сердце человека. Каждая буква в имени Цафенат-панеах тоже имеет свое значение. Первое, Задде, означает Зофе, провидица; Пе - Подех, искупитель; Нун - Наби, пророк; Тау - Томек, сторонник; Пе - Потер, толкователь снов; Айн - Арум, умный; Нун - Набон, сдержанный; и Хет - Хакам, мудрый.[187]

Имя жены Джозефа точно так же указывало на ее историю. Асенат была дочерью Дины и Хамора, но ее бросили на границах Египта, и только для того, чтобы люди могли узнать, кто она такая, Иаков выгравировал историю ее происхождения на золотой пластинке, висевшей у нее на шее. В тот день, когда Асенат была разоблачена, Потифар прогуливался со своими слугами возле городской стены, и они слышали детский голос. По приказу капитана они принесли малышку к нему, и когда он прочитал ее историю с золотой таблички, то решил удочерить ее. Он забрал ее к себе домой и воспитал как свою дочь. Алеф в Асенате означает "Он", где Потифар был священником; Самек означает Сетиру, "Скрытая", потому что ее держали скрытой из-за ее необычайной красоты; монахиня означает Нохемет, потому что она плакала и умоляла избавить ее из дома язычника Потифара; и Тау означает Тамму, совершенную, из-за ее благочестивых, совершенных поступков.[188]

Асенат спасла Джозефу жизнь, когда была еще младенцем на руках. Когда жена Потифара и другие женщины обвинили Джозефа в аморальном поведении, а его хозяин был готов приказать его повесить, Асенат обратилась к своему приемному отцу и заверила его под присягой, что обвинение против Джозефа было ложным. Тогда Бог изрек: "Пока ты жива, за то, что ты пыталась защитить Иосифа, ты будешь женщиной, которая родит племена, которые ему назначено породить.[189]

Асенаф родила ему двух сыновей, Манассию и Ефрема, в течение семи лет изобилия, ибо во время голода Иосиф воздерживался от всяких удовольствий жизни.[190] Их отец воспитал их в целомудрии и страхе Божьем, и они были мудры и хорошо обучены всем знаниям и государственным делам, так что они стали любимцами двора и получали образование у принцев королевской крови.

Прежде чем по стране разразился голод, Иосиф нашел возможность оказать царю большую услугу. Он снарядил армию в четыре тысячи шестьсот человек, снабдив всех солдат щитами, копьями, щитами, шлемами и пращами. С этой армией, при поддержке слуг и военачальников царя и народа Египта, он вел войну с Фарсисом в первый год после своего назначения вице-королем. Народ Фарсиса вторгся на территорию измаильтян, и последние, немногочисленные в то время, оказались в тяжелом положении и обратились к царю Египта за помощью против своих врагов. Во главе своего воинства героев Иосиф двинулся в землю Хавила, где к нему присоединились измаильтяне, и объединенными силами они сражались против народа Фарсиса, наголову разбили их, заселили их землю измаильтянами, в то время как побежденные люди нашли убежище у своих братьев в Яване. Иосиф и его армия вернулись в Египет, и они не потеряли ни одного человека.

Вскоре пророчество Джозефа подтвердилось: этот год и шесть последующих были годами изобилия, как он и предсказывал.[191] Урожай был настолько обильным, что из одного колоса получилось две кучи зерна, [192] и Джозеф тщательно позаботился о том, чтобы в изобилии прокормиться в голодные годы. Он собрал все зерно, и в городе, расположенном в центре каждого района, он собрал продукты со всех сторон, а собранные продукты насыпал золой и землей с той самой почвы, на которой они были выращены; [193] также он сохранил зерно в колосе; все эти меры предосторожности были приняты для защиты от гнили и плесени. Жители Египта также пытались, по своим собственным соображениям, отложить часть обильного урожая семи урожайных лет на будущее, но когда наступило тяжелое время неурожая, и они пошли в свои хранилища, чтобы принести драгоценное зерно, вот, оно сгнило и стало непригодным для пищи.[194] Голод обрушился на людей с такой внезапностью, что хлеб неожиданно закончился, когда они сели за свои столы, у них не было даже кусочка хлеба с отрубями.

Таким образом, они были вынуждены обратиться к Иосифу и умолять его о помощи, и он увещевал их, говоря: "Откажитесь от своей верности вашим лживым идолам и скажите: "Благословен Тот, Кто дает хлеб всякой плоти". Но они отказались отречься от своих лживых богов и отправились к фараону, только для того, чтобы он сказал им: "Иди к Иосифу; делай то, что он говорит тебе!" За это фараон был вознагражден. Бог даровал ему долгую жизнь и долгое царствование, пока он не стал высокомерным, и его постигло заслуженное наказание.[195]

Когда египтяне обратились к Иосифу с просьбой о хлебе, он заговорил, сказав: "Я не даю пищи необрезанным. Идите отсюда и сделайте себе обрезание, а затем возвращайтесь сюда". Они вошли в присутствие фараона и пожаловались ему на Иосифа, но он сказал, как и прежде: "Идите к Иосифу!" И они ответили: "Мы пришли от Иосифа, и он грубо обошелся с нами, сказав: идите отсюда и обрежьтесь! Мы с самого начала предупреждали тебя, что он еврей и будет обращаться с нами подобным образом". Фараон сказал им: "О вы, глупцы, разве он не пророчествовал через святого духа и не возвестил всему миру, что наступят семь лет изобилия, за которыми последуют семь лет голода? Почему вы не сохранили урожай за один или два года до того дня, когда вам понадобится?"

Плача, они ответили: "Зерно, которое мы откладывали в хорошие годы, сгнило".

Фараон: "У вас ничего не осталось от вчерашней муки?"

Египтяне: "Сам хлеб в корзине сгнил!"

Фараон: "Почему?"

Египтяне: "Потому что так пожелал Иосиф!"

Фараон: "О вы, глупцы, если его слово имеет власть над зерном, заставляя его гнить, когда он желает, чтобы оно гнило, тогда и мы должны умереть, если такова его воля относительно нас. Поэтому иди к нему и делай, как он тебе велит".[196]

БРАТЬЯ ИОСИФА В ЕГИПТЕ

Голод, который сначала причинил страдания богатым египтянам, постепенно распространил свои опустошительные действия на Финикию, Аравию и Палестину.[197] Хотя сыновья Иакова, будучи молодыми людьми, часто ходили по улицам и большим дорогам, все же они не знали того, что знал их старый домохозяин, отец Иакова, о том, что кукурузу можно добыть в Египте. Иаков даже подозревал, что Иосиф был в Египте. Его пророческий дух, который покинул его во время скорби о сыне, все же время от времени проявлялся в смутных видениях, и он был полон решимости отправить своих сыновей в Египет.[198] Была и другая причина. Хотя он еще не испытывал нужды, Он, тем не менее, отправил их туда за едой, потому что не хотел возбуждать зависть сыновей Исава и Измаила своим комфортным состоянием.[199] По той же причине, чтобы избежать трений с окружающими народами, он запретил своим сыновьям появляться на людях с хлебом в руках или в военном снаряжении.[200] И поскольку он знал, что они, вероятно, привлекут внимание из-за своего героического роста и красивой внешности, он предостерег их от того, чтобы идти в город всем вместе через город, у одних и тех же ворот или, более того, показываться всем вместе где-либо на публике, чтобы на них не пал дурной глаз.[201]

Голод в Ханаане вселил в Иосифа надежду увидеть своих братьев. Чтобы быть уверенным в их прибытии, он издал указ о закупке зерна в Египте следующего содержания: "По приказу царя, его заместителя и принцев королевства да будет установлено, что тот, кто желает купить зерно в Египте, не может посылать сюда своего раба для выполнения его приказов, но он должен поручить это своим собственным сыновьям. Египтянин или хананеянин, который купил зерно, а затем продал его снова, должен быть предан смерти, ибо никто не может покупать больше, чем ему требуется для нужд своей семьи. Также тот, кто придет с двумя или тремя вьючными животными и нагрузит их зерном, должен быть предан смерти".

У ворот города Египет Иосиф выставил стражу, в обязанности которой входило расспрашивать и записывать имена всех, кто должен был прийти купить зерно, а также имена их отца и деда, и каждый вечер составленный таким образом список имен вручался Иосифу. Эти меры предосторожности должны были привести братьев Иосифа в Египет, а также познакомить его с их приездом, как только они вступят на землю.

Во время своего путешествия его братья больше думали об Иосифе, чем о своем поручении. Они сказали друг другу: "Мы знаем, что Иосифа унесли в Египет, и мы будем искать его там, и если мы найдем его, мы выкупим его у его хозяина, а если его хозяин откажется продать его, мы применим силу, хотя и погибнем сами".[202]

У ворот города Египет братьев Иосифа спросили, как их зовут, а также как звали их отца и деда. Дежурным охранником оказался Манассия, сын Иосифа. Братья подчинились расспросам, сказав: "Давайте пойдем в город, и мы посмотрим, связано ли это удаление наших имен с налогами. Если это так, мы не будем возражать; но если это что-то другое, завтра мы посмотрим, что можно сделать в этом случае".[203]

Вечером того дня, когда они въехали в Египет, Джозеф обнаружил их имена в списке, который он имел привычку просматривать ежедневно, и приказал закрыть все пункты продажи зерна, кроме одного. Более того, даже на этой станции переговоры о продаже не велись до тех пор, пока не было предварительно выяснено имя потенциального покупателя. Его братья, имена

которых Джозеф сообщил смотрителю этого места, должны были быть схвачены и доставлены к нему, как только они появятся.

Но первая мысль братьев была об Иосифе, и их первая забота - найти его. В течение трех дней они искали его повсюду, даже в самых неблагополучных кварталах города. Тем временем Джозеф поддерживал связь с надзирателем станции, открытой для продажи зерна, и, услышав, что его братья там не появлялись, он послал нескольких своих слуг на их поиски, но они не нашли их ни в Мицраиме, городе Египетском, ни в Гошене, ни в Рамсесе. После этого он послал шестнадцать слуг обыскать их по домам в городе, и они обнаружили братьев Иосифа в месте, пользующемся дурной славой, и привели их к их господину.

ДЖОЗЕФ ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ БРАТЬЕВ

С большой золотой короной на голове, облаченный в биссус и пурпур, окруженный своими доблестными людьми, Иосиф восседал на троне в своем дворце. Его братья пали ниц перед ним в великом восхищении его красотой, его величественной внешностью и его величием.[204] Они не знали его, потому что, когда Иосифа продали в рабство, он был безбородым юношей. Но он знал своих братьев, их внешность нисколько не изменилась, потому что они были бородатыми мужчинами, когда он был разлучен с ними.[205]

Он был склонен представиться им как их брат, но ему явился ангел, тот самый, который привел его из Сихема к его братьям в Дофане, и заговорил, сказав: "Они пришли сюда с намерением убить тебя". Позже, когда братья вернулись домой и рассказали Иакову о своих приключениях, они рассказали ему, что какой-то человек ложно обвинил их перед правителем Египта, не зная, что тот, кто натравил Иосифа на них, был ангелом. Именно в связи с этим вопросом, имея в виду их обвинителя, Иаков, отправляя своих сыновей во вторую экспедицию в Египет, молился Богу: "Бог Всемогущий дарует тебе милость перед этим человеком".[206]

Джозеф показался своим братьям странным, и он взял свою чашу в руку, постучал по ней и сказал: "По этой волшебной чаше я узнаю, что вы шпионы". Они ответили: "Рабы твои пришли из Ханаана в Египет купить хлеба".

Джозеф: "Если это правда, что вы пришли сюда купить кукурузы, почему каждый из вас вошел в город через отдельные ворота?"[207]

Братья: "Мы ВСЕ сыновья одного человека в земле Ханаанской, и он запретил нам входить в город вместе через одни и те же ворота, чтобы мы не привлекали внимания местных жителей". Бессознательно они говорили как провидцы, ибо слово "ВСЕ" включало Джозефа в их число.[208]

Джозеф: "Воистину, вы шпионы! Все люди, которые приходят за зерном, без промедления возвращаются домой, но вы пробыли здесь три дня, не сделав никаких покупок, и все это время вы слонялись по зловещим районам города, а так обычно поступают только шпионы".

Братья: "Нас, слуг твоих, двенадцать братьев, сыновей Иакова, сына Исаака, сына еврейского Авраама. Самый младший в этот день с нашим отцом в Ханаане, и один исчез. Его мы искали в этой стране, и мы искали его даже в домах с дурной репутацией".

Джозеф: "Искали ли вы во всех других местах на земле, и был ли Египет единственной оставшейся землей? И если это правда, что он в Египте, то что должен делать ваш брат в доме с дурной славой, если вы действительно потомки Авраама, Исаака и Иакова?"

Братья: "Мы слышали, что какие-то измаильтяне украли нашего брата и продали его в рабство в Египет, и поскольку наш брат был чрезвычайно красив фигурой и лицом, мы подумали, что его могли продать для незаконных целей, и поэтому мы обыскали даже дома с дурной репутацией, чтобы найти его".

Джозеф: "Вы говорите лживые слова, когда называете себя сынами Авраама. Клянусь жизнью фараона, вы шпионы, и вы ходили из одного дома с дурной репутацией в другой, чтобы никто не мог обнаружить вас".[209]

Выражение "клянусь жизнью фараона" могло бы выдать истинное отношение Иосифа к своим братьям, если бы они только знали его привычку давать эту клятву только тогда, когда он намеревался впоследствии не сдерживать своего слова.[210]

Джозеф продолжал обращаться к своим братьям: "Предположим, вы обнаружите, что ваш брат служит рабом, а его хозяин потребует за него большую сумму выкупа, заплатите ли вы ее?"

Братья: "Да!"

Джозеф: "Но предположим, что его хозяин отказался бы выдать его за любую цену в мире, что бы ты сделал?"

Братья: "Если он не отдаст нам нашего брата, мы убьем учителя и уведем нашего брата".

Джозеф: "Теперь посмотрите, насколько правдивы были мои слова о том, что вы шпионы. По вашему собственному признанию, вы пришли убивать жителей этой земли. Нам сообщили, что двое из вас устроили резню жителей Сихема из-за зла, причиненного вашей сестре, и теперь вы спустились в Египет, чтобы убивать египтян ради вашего брата. Я буду убежден в твоей невинности только в том случае, если ты согласишься отправить кого-нибудь из своих людей домой и привести сюда своего младшего брата.

Его братья отказались подчиниться, и Джозеф приказал семидесяти своим доблестным людям заключить их в тюрьму, и там они оставались три дня.[211] Бог никогда не позволяет благочестивым томиться в беде дольше трех дней, и поэтому Божественным промыслом было то, что братья Джозефа были освобождены на третий день, [212] и Джозеф разрешил им вернуться домой, при условии, однако, что один из них останется здесь в качестве заложника.

Здесь можно увидеть разницу между Джозефом и его братьями. Хотя он оставил одного из них связанным в темнице, он все же сказал: "Я боюсь Бога", - и отпустил остальных, но когда он был в их власти, они не думали о Боге.[213] В то время, конечно, их поведение было таким, какое подобает благочестивым, которые принимают свою судьбу со спокойной покорностью и признают праведность Бога, ибо Он отмеряет награду и наказание мера за меру. Они понимали, что их нынешнее наказание было возмездием за бессердечное обращение, которому они подвергли Джозефа, не обращая внимания на его страдания, хотя он упал к ногам каждого из них, плача и умоляя их не продавать его в рабство. Рувим напомнил остальным, что им нужно искупить два проступка: проступок по отношению к своему брату и проступок по отношению к

своему отцу, который был так опечален, что воскликнул: "Я сойду в могилу к моему сыну в трауре".

Братья Иосифа не знали, что наместник Египта понимает иврит и может следить за их словами, потому что Манассия стоял и был переводчиком между ними и ним.[214]

Иосиф решил оставить Симона в качестве заложника в Египте, поскольку он был одним из двух — Леви был другим — советовавших предать Иосифа смерти, и только заступничество Рувима и Иуды спасло его. Он также не задержал Левия, поскольку опасался, что, если они останутся вместе, Египет может постигнуть от их рук та же участь, что и город Сихем.[215] Кроме того, он предпочел Симона Левию, потому что Симон не был любимцем среди сыновей Иакова, и они не стали бы слишком яростно сопротивляться его задержанию в Египте, в то время как они могли бы уничтожить Египет, как некогда Сихем, если бы лишились Левия, их мудреца и первосвященника.[216] Кроме того, именно Симон опустил Иосифа в яму, поэтому он был убит. особая неприязнь к нему.[217]

Когда братья уступили требованию Иосифа и согласились оставить своего брата в качестве заложника, Симон сказал им: "Вы хотите поступить со мной так же, как поступили с Иосифом!" Но они в отчаянии ответили: "Что мы можем сделать? Наши семьи погибли от голода". Симон ответил: "Делай, что хочешь, но что касается меня, позволь мне увидеть человека, который осмелится бросить меня в тюрьму". Иосиф послал весточку фараону, чтобы тот выделил ему семьдесят своих доблестных людей для помощи в поимке разбойников. Но когда семьдесят человек появились на сцене и собирались наложить руки на Симона, он издал громкий крик, и нападавшие на него упали на пол и выбили себе зубы.[218] Доблестные люди фараона, а также все люди, стоявшие вокруг Иосифа, в ужасе разбежались, только Иосиф и его сын Манассия оставались спокойными и непоколебимыми. Манассия встал, нанес Симону удар сзади по шее, надел кандалы на его руки и оковы на ноги и бросил его в темницу. Братья Иосифа были сильно поражены героической силой юноши, и Симон сказал: "Этот удар был нанесен не египтянином, а человеком, принадлежащим к нашему дому".[219]

Его связали и отвели в тюрьму на глазах у других братьев Иосифа, но как только они скрылись из виду, Иосиф приказал подать ему хорошую еду и отнесся к нему с большой добротой.[220]

Джозеф позволил девяти другим своим братьям уйти, взяв с собой в изобилии кукурузу, но он внушил им, что они обязательно должны вернуться и привести с собой своего младшего брата. По дороге Леви, которому было одиноко без своего постоянного спутника Саймона, открыл свой мешок и увидел деньги, которые он заплатил за кукурузу. Все они затрепетали, и сердца их дрогнули, и они сказали: "Где же тогда милость Божья к нашим отцам Аврааму, Исааку и Иакову, видя, что Он предал нас в руки египетского царя, чтобы он мог выдвинуть против нас ложные обвинения?" И Иуда сказал: "Воистину, мы виновны в отношении нашего брата, мы согрешили против Бога тем, что продали нашего брата, нашу собственную плоть, и почему вы спрашиваете, где же тогда любящая доброта Бога к нашим отцам?"

Рувим говорил таким же образом: "Разве я не говорил вам, говоря: не грешите против ребенка, и вы не захотели слушать? И теперь Господь требует его от нас. Как вы можете говорить, где же тогда любящая доброта Бога к нашим отцам, хотя вы согрешили против Него?"

Они продолжили свой путь домой, и по дороге их встретил отец. Иаков был удивлен, не увидев Симона с ними, и в ответ на его вопросы они рассказали ему все, что случилось с ними в Египте.

Тогда Иаков воскликнул: "Что ты наделал? Я послал Иосифа к вам посмотреть, хорошо ли с вами, и вы сказали: злой зверь пожрал его. Симон вышел с вами купить зерна, а вы говорите: "царь Египта бросил его в темницу". А теперь вы уведете Вениамина и убьете и его тоже. Вы сведете мои седые волосы с печалью в могилу".[221]

Слова Иакова, которые он произнес: "Вы лишили меня детей моих", должны были дать понять его сыновьям, что он подозревает их в смерти Иосифа, а также в исчезновении Симона, и их сообщения об обоих он расценил как выдумки.[222] Что делало его безутешным, так это то, что теперь, потеряв двух своих сыновей, он не мог надеяться увидеть исполнение Божественного обетования о том, что он станет родоначальником двенадцати колен.[223] Поэтому он был твердо убежден, что ни под каким видом не отпустит Вениамина со своими братьями. какое бы то ни было условие, и он не удостоил Рувима ответа, когда тот сказал: "Убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе". Он считал ниже своего достоинства отвечать на подобную чушь.[224] "Мой первенец, - сказал он себе, - дурак. Какая мне польза, если я убью двух его сыновей? Разве он не знает, что его сыновья в равной степени мои?"[225] Иуда посоветовал своим братьям тогда воздержаться от уговоров своего отца; он думал, что согласится на любые меры, которые сочтет необходимыми, как только у них закончится хлеб и станет необходимым второе путешествие в Египет.[226]

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕГИПЕТ

Когда припасы, купленные в Египте, были съедены, и семья Иакова начала страдать от голода, маленькие дети пришли к нему и сказали: "Дай нам хлеба, чтобы мы не умерли с голоду пред тобою". Слова малышей вызвали жгучие слезы на глазах Иакова, и он призвал своих сыновей и велел им снова отправиться в Египет и купить еды.[227] Но Иуда обратился к нему: "Этот человек торжественно возразил нам, сказав, что мы не увидим его лица, если с нами не будет нашего брата Вениамина, и мы не можем предстать перед ним под пустыми предложениями". И сказал Иаков: "Почему ты так плохо обошелся со мной, что сказал этому человеку, есть ли у тебя еще брат?" Это был первый и единственный раз, когда Иаков позволил себе пустую болтовню, и Бог сказал: "Я поставил Своей задачей возвысить его сына до положения правителя Египта, а он жалуется и говорит: "Почему вы так плохо обошлись со мной?" Иуда возразил против упрека в том, что он посвятил египетского наместника в их семейные отношения, словами: "Да ведь он знал, из какого дерева сделаны наши детские коляски!"[228] Отец, - продолжал он, - если Вениамин пойдет с нами, его действительно могут забрать у нас, но могут и не забрать. Это сомнительно, но несомненно, что если он не пойдет с нами, мы все умрем с голоду. Лучше не беспокоиться о том, что сомнительно, и руководствоваться в своих действиях тем, что несомненно.[229] Царь Египта - сильный и могущественный царь, и если мы отправимся к нему без нашего брата, мы все будем преданы смерти. Разве ты не знаешь и не слышал, что этот царь очень могуществен и мудр, и нет подобного ему на всей земле? Мы видели всех царей земли, но никто не был подобен царю Египта. Можно было бы с уверенностью сказать, что среди всех царей земли нет никого более великого, чем Авимелех, царь Филистимлян, но царь Египта больше и могущественнее его, и Авимелех вряд ли может сравниться с кем-либо из его военачальников. Отец, ты не видел его дворца и его трона, и всех его слуг, стоящих перед ним. Ты не видел этого короля на его троне, во всем его великолепии и с его королевскими знаками отличия, облаченного в его королевские одежды, с большой золотой короной на голове. Ты не

видел чести и славы, которые Бог даровал ему, ибо нет подобного ему на всей земле. Отец, ты не видел мудрости, понимания и познания, которые Бог дал в своем сердце. Мы слышали его приятный голос, когда он говорил с нами. Мы не знаем, отец, кто сообщил ему наши имена и все, что с нами случилось. Он спросил также о тебе, говоря: жив ли еще твой отец и хорошо ли ему? Ты не видел, как он управляет делами правительства Египта, ибо никто не спрашивает о них своего господина фараона. Ты не видел благоговения и страха, которые он внушает всем египтянам. Даже мы ушли от Него, угрожая поступить с Египтом, как с городами Аморея, и были чрезвычайно разгневаны из-за всех его слов, которые он говорил о нас как о шпионах, но когда мы снова предстали перед ним, его ужас охватил всех нас, и никто из нас не смог вымолвить с ним ни слова, большого или малого. Итак, теперь, отец, пошли отрока с нами, и мы встанем и пойдем в Египет, и купим еды, чтобы не умереть с голоду".[230]

Иуда предложил свою долю в грядущем мире в качестве поручительства за Вениамина, и таким образом торжественно пообещал вернуть его целым и невредимым, и Иаков удовлетворил его просьбу и разрешил Вениамину отправиться в Египет с другими его сыновьями. Они также привезли с собой отборные подарки от своего отца для правителя Египта, вещи, которые вызывают удивление за пределами Палестины, такие как мурекс, улитка, вырабатывающая тирский пурпур, и различные виды бальзама, и миндальное масло, и фисташковое масло, и твердый, как камень, мед. Более того, Джейкоб вложил в их руки двойные деньги, чтобы тем временем обезопасить себя от роста цен. И после того, как все эти дела были улажены, он обратился к своим сыновьям, сказав: "Вот деньги, и вот подарок, а также твой брат. Тебе еще что-нибудь нужно?" И они ответили: да, мы нуждаемся в этом, кроме того, чтобы ты ходатайствовал за нас перед Богом". Тогда их отец взмолился:[231] "О Господь, Ты, который во время сотворения призвал Достаточно! небу и земле, когда они простираются все дальше и дальше к бесконечности, положи предел и моим страданиям, скажи им: "Довольно!"[232] Бог Всемогущий дарует вам милость перед правителем Египта, чтобы он мог отпустить вам Иосифа, Симона и Вениамина".

Эта молитва была ходатайством не только за сыновей Иакова, но и за их потомков — о том, что Бог избавит Десять колен в грядущее время, как Он избавил два Колена, Иуду и Вениамина, и после того, как Он позволил разрушить два Храма, Он даровал бесконечное существование третьему.[233]

Иаков также передал в руки своего сына письмо, адресованное вице-королю Египта. Письмо гласило следующее: "От слуги твоего Иакова, сына Исаака, внука Авраама, князя Божьего, могущественному и мудрому царю Цафенафану, правителю Египта, мир! Я извещаю моего господина царя, что у нас в земле Ханаанской свирепствует голод, и поэтому я послал моих сыновей к тебе, чтобы купить нам немного еды, чтобы мы могли жить и не умереть. Мои дети окружили меня и просили чего-нибудь поесть, но, увы, я очень стар и не могу видеть своими глазами, потому что они отяжелели от груза прожитых лет, а также из-за моих нескончаемых слез по моему сыну Джозефу, которого забрали у меня. Я приказал своим сыновьям не проходить через ворота всем вместе в одно и то же время, когда они прибудут в город Египет, из уважения к жителям этой земли, чтобы они не обратили на них излишнего внимания. Также я велел им ходить взад и вперед по земле Египетской и искать моего сына Иосифа, может быть, они найдут его там.

"Они сделали это, но ты поэтому счел их шпионами. Мы слышали о твоей мудрости и проницательности. Как же тогда ты можешь смотреть на их лица и все же объявлять их шпионами? Особенно после того, как мы услышали, что ты истолковал сон фараона и предсказал приход голода, мы поражены, что ты, при твоей проницательности, не смог отличить, шпионы они или нет.

"И ныне, о господин мой царь, я посылаю к тебе моего сына Вениамина, как ты требовал от других моих сыновей. Я молю тебя, хорошенько позаботься о нем, пока ты не отправишь его обратно ко мне с миром вместе с его братьями. Разве ты не слышал и не знаешь, что наш Бог сделал с фараоном, когда он забрал к себе нашу мать Сарру? Или что случилось с Авимелехом из-за нее? И что наш отец Авраам сделал с девятью царями Элама, как он убил их и истребил их армии, хотя с ним было всего несколько человек? Или ты не слышал, что два моих сына Симон и Левий сделали с восемью городами Amorреев, которые они разрушили из-за своей сестры Дины? Вениамин утешал их в потере Иосифа. Что же тогда они сделают с тем, кто прострет руку власти, чтобы вырвать его у них?

"Разве ты не знаешь, о царь Египта, что могущество нашего Бога с нами, и что Он всегда внимает нашим молитвам и никогда не покидает нас? Если бы я призвал Бога восстать против тебя, когда мои сыновья рассказали мне, как ты поступил с ними, ты и твой народ, вы все были бы уничтожены прежде, чем Вениамин смог спуститься к тебе. Но я подумал, что Симон, мой сын, жил в твоём доме, и, возможно, ты был добр к нему, и поэтому я не призывал на тебя Божье наказание. Ныне мой сын Вениамин спускается к тебе с другими моими сыновьями. Будь внимателен к себе, устрями свой взор на него, и Бог направит Свой взор на все твое королевство.

"Теперь я сказал все, что было у меня на сердце. Мои сыновья берут с собой в Египет своего младшего брата, и ты возвращаешь их всех ко мне с миром".

Это письмо Иаков передал на хранение Иуде, поручив ему доставить его правителю Египта. Его последними словами, обращенными к своим сыновьям, было предостережение хорошо заботиться о Вениамине и не упускать его из виду ни во время путешествия, ни после их прибытия в Египет. Он попрощался с ними, а затем обратился в молитве к Богу, говоря: "О Господь неба и земли! Помни о Твоем завете с нашим отцом Авраамом. Вспомни также моего отца Исаака, и даруй милость моим сыновьям, и не предавай их в руки царя Египетского. О мой Бог, сделай это ради Твоей милости, выкупи моих сыновей и спаси их от рук египтян, и верни им двух их братьев".

Также женщины и дети в доме Иакова со слезами молились Богу и умоляли Его выкупить их мужей и отцов из рук царя Египта.[234]

ИОСИФ И ВЕНИАМИН

Велика была радость Иосифа, когда его братья предстали перед ним и Вениамин был с ними. В своем младшем брате он видел истинную копию своего отца.[235] Он приказал своему сыну Манассии, [236] управляющему его домом, привести этих людей во дворец и приготовить для них трапезу. Но он должен был позаботиться о приготовлении мясных блюд в присутствии гостей, чтобы они могли своими глазами увидеть, что скот был забит в соответствии с

ритуальными предписаниями, и сухожилие бедра, которое находится во впадине бедра, было удалено.[237]

Обед, на который Джозеф пригласил своих братьев, был субботним, поскольку он соблюдал седьмой день еще до откровения закона. Сыновья Иакова отказались от приглашения управляющего, и завязалась потасовка. В то время как он пытался втолкнуть их в банкетный зал, они пытались силой выставить его вон, [238] поскольку боялись, что это была всего лишь уловка, чтобы завладеть ими и их ослами из-за денег, которые они нашли в своих мешках по возвращении из своего первого путешествия в Египет. В своей скромности они ставят потерю своих животных на тот же уровень, что и потерю своей личной свободы. Для обычного человека собственность так же ценна, как сама жизнь.[239]

Стоя у дверей дома Джозефа, они обратились к управляющему и сказали: "Мы находимся в крайне стесненных обстоятельствах. В нашей стране мы поддерживали других, и теперь мы зависим от того, что ты поддержишь нас". После этих вступительных слов они предложили ему деньги, которые нашли в своих мешках. Управляющий успокоил их относительно денег, сказав: "Как бы то ни было, будь то ради ваших собственных заслуг или ради заслуг ваших отцов, Бог побудил вас найти сокровище, ибо деньги, которые вы заплатили за зерно, попали в мои руки". Затем он вывел к ним Саймона. Их брат был похож на кожаную бутылку, таким толстым и округлым он вырос за время своего пребывания в Египте.[240] Он рассказал своим братьям, какое доброе обращение было оказано ему. В тот самый момент, когда они покинули город, он был освобожден из тюрьмы, и после этого его с блеском принимали в доме правителя Египта.

Когда появился Иосиф, Иуда взял Вениамина за руку и представил его вице-королю, и все они поклонились ему до земли.[241] Иосиф спросил их о благополучии их отца и деда, и они ответили: "Твой слуга, наш отец, здоров; он все еще жив", и Иосиф понял из их слов, что его деда Исаака больше нет.[242] Он умер в то время, когда Иосиф был выпущен из тюрьмы, и радость Бога по поводу освобождения Иосифа была омрачена Его скорбью по Исааку.[243] Затем Иуда передал письмо своего отца Иосифу, который был так тронут, увидев хорошо знакомый почерк, что ему пришлось удалиться в свою комнату и заплакать. Вернувшись, он подозвал Вениамина, чтобы тот подошел поближе к нему, и возложил руку на голову своего младшего брата и благословил его словами: "Да будет милостив к тебе Бог, сын мой".[244] Его отец однажды упомянул "детей, которых Бог милостиво дал рабу Твоему", и поскольку Вениамина не было среди детей, о которых говорилось таким образом, поскольку он родился позже, Джозеф вознаградил его теперь, благословив благодатью Божьей.[245]

Стол был накрыт на три части: для Иосифа, для его братьев и для египтян. Сыновья Иакова не осмеливались есть блюда, поставленные перед ними, они боялись, что они могли быть приготовлены не в соответствии с ритуальными предписаниями — наказание Иосифу за то, что он оклеветал своих братьев, которых он однажды обвинил в несоблюдении диетических законов.[246] Египтяне, опять же, не могли сидеть за одним столом с сыновьями Иакова, потому что последние ели мясо животных, которым первые поклонялись богу.[247]

Когда все было готово и гости должны были рассесться, Иосиф поднял свою чашу и, притворившись, что черпает из нее знания, сказал: "Иуда - царь, поэтому пусть он сядет во главе стола, а Рувим, первенец, пусть займет второе место", и таким образом распределил места всем своим братьям, соответствующие их достоинству и возрасту.[248] Более того, он усадил братьев вместе, которые были сыновьями одной матери, и когда он подошел к

Вениамину, он сказал: "Я знаю, что у младшего из вас нет брата, рожденного от его матери". собственной матери, рядом с которой он мог бы сидеть, у меня тоже нет, поэтому он может занять свое место рядом со мной".

Братья друг другу дивились всему этому. Во время трапезы Иосиф взял свою порцию и отдал ее Вениамину, и его жена Асенаф последовала его примеру, а также Ефрем и Манассия, так что Вениамину досталось четыре порции в дополнение к той, которую он получил, как и другие сыновья Иакова.[249]

За трапезой было подано вино, и это был первый раз за двадцать два года, когда Джозеф и его братья попробовали его, потому что они вели жизнь назореев, его братья потому, что сожалели о зле, которое они причинили Джозефу, а Джозеф потому, что он скорбел о судьбе своего отца.[250]

Иосиф вступил в разговор со своим братом Вениамином. Он спросил его, есть ли у него брат, рожденный его собственной матерью, и Вениамин ответил: "У меня был брат, но я не знаю, что с ним стало". Джозеф продолжил свои вопросы: "Есть ли у тебя жена?"

Бенджамин: "Да, у меня есть жена и десять сыновей".

Джозеф: "И как их зовут?"

Бенджамин: "Бела, и Бехер, и Ашбел, Гера, и Нааман, Эхи и Рош, Маппим, и Хупим, и Ард".

Джозеф: "Почему ты дал им такие странные имена?"

Бенджамин: "В память о моем брате и его страданиях: Бела, потому что мой брат исчез среди народов; Бехер, он был первенцем моей матери; Ашбел, его забрали у моего отца; Гера, он живет чужаком в чужой стране; Нааман, он был чрезвычайно красив; Эхи, он был моим единственным братом по отцу и по матери вместе; Рош, он был во главе своих братьев; Муппим, он был красив во всех отношениях; Хуппим, на него оклеветали; и Ард, потому что он был прекрасен, как роза".[251]

Иосиф приказал принести ему свою волшебную астролябию, с помощью которой он знал все, что происходит, и сказал Вениамину: "Я слышал, что евреи знакомы со всякой мудростью, но знаешь ли ты что-нибудь об этом?" Вениамин ответил: "Раб Твой также искусен во всякой мудрости, которой научил меня мой отец". Затем он взглянул на астролябию и, к своему великому удивлению, обнаружил с ее помощью, что тот, кто сидел на троне перед ним, был его братом Джозефом. Заметив изумление Вениамина, Иосиф спросил его: "Что ты видел и почему ты удивлен?" Вениамин сказал: "Я вижу по этому, что Иосиф, мой брат, сидит здесь передо мной на троне". И Иосиф сказал: "Я Иосиф, твой брат! Не открывай этого нашим братьям. Я пошлю тебя с ними, когда они уйдут, и я прикажу вернуть их обратно в город, и я заберу тебя у них. Если они будут рисковать своими жизнями и сражаться за тебя, тогда я буду знать, что они раскаялись в том, что сделали со мной, и я откроюсь им. Но если они оставят тебя, я сохраню тебя, чтобы ты остался со мной. Они уйдут, и я не дам о себе знать".[252]

Затем Иосиф спросил Вениамина, что его братья сказали своему отцу после того, как продали его в рабство, и он услышал историю о плаще, смоченном кровью козленка. "Да, брат, - сказал Джозеф, - когда они сняли с меня одежду, они передали меня измаильтянам, которые повязали

мне на талию фартук, выпороли меня и велели убегать. Нолев напал на того, кто бил меня, и убил его, и его товарищи встревожились, и они продали меня другим людям".[253]

Отпущенные Джозефом с добрыми словами, его братья отправились в обратный путь, как только рассвело, ибо хорошим правилом является "покидать город после восхода солнца и входить в город до захода солнца".[254] Кроме того, у Джозефа была особая причина не позволять своим братьям покидать город ночью. Он боялся столкновения между ними и его слугами и того, что его людям может достаться самое худшее, ибо сыновья Иакова были подобны диким зверям, которые берут верх ночью.

ПОЙМАННЫЙ ВОР

Они еще не были далеко за городскими воротами, когда Иосиф послал Манассию, управляющего своим домом, последовать за ними и поискать серебряную чашу, которую он спрятал в мешке Вениамина. Он хорошо знал своих братьев, поэтому не рискнул позволить им уйти слишком далеко от города, прежде чем попытаться принудить их вернуться. Он надеялся, что близость города устроит их и заставит прислушаться к его приказам. Поэтому Манассия получил приказ остановить их мягкой речью, если сможет, или грубой речью, если потребуется, и отвести их обратно в город.[255] Он действовал в соответствии с его инструкциями. Когда братья услышали обвинение в воровстве, они сказали: "У кого из рабов твоих отыщется чаша, пусть он умрет, и мы также будем рабами моего господина". И Манассия сказал: "Как ты говоришь, так и следовало бы поступить, ибо если десять человек обвиняются в краже, и украденный предмет обнаруживается у одного из них, ответственность несут все. Но я не буду так суров. Тот, у кого будет найдена чаша, станет рабом, а остальные будут непорочны".

Он обыскал все мешки и, чтобы не вызывать подозрений, что он знает, где находится чаша, начал с Рувима, старшего, а закончил на Вениамине, младшем, и чаша была найдена в мешке Вениамина. В ярости его братья закричали на Вениамина: "О ты, вор и сын вора! Твоя мать опозорила нашего отца своим воровством, а теперь ты опозорил нас". Но он ответил: "Неужели это дело такое же злое, как дело козленка — как поступок братьев, которые продали своего собственного брата в рабство?"[256]

В ярости и досаде братья разорвали на себе одежду. Бог заплатил им их же монетой. Они заставили Иакова разорвать на себе одежды в знак скорби по Иосифу, а теперь их заставили сделать то же самое из-за их собственных бед. И как они разодрали свою одежду ради своего брата Вениамина, так и Мардохею, потомку Вениамина, было суждено разодрать свою из-за своих братьев, народа Израиля. Но из-за того, что братьям было причинено унижение через Манассию, наместника Иосифа, участок территории, выделенный колену Манассии, был "разделен" надвое, одна половина колена должна была жить по одну сторону Иордана, другая половина - по другую. И Иосиф, который не побоялся досадить своим братьям так сильно, что они разорвали на себе одежду в знак своего унижения, был наказан тем, что его потомок Иисус Навин был доведен до такого отчаяния после поражения при Гае, что он тоже разорвал свою одежду.[257]

Вне всякого сомнения, братьям Иосифа, уличенным в краже, ничего не оставалось, как подчиниться приказу управляющего и вернуться в город. Они последовали за ним без

промедления. Каждый из них сам навьючил своего осла, поднимая ношу одной рукой с земли на спину животного, а затем они вернулись своими шагами в город, [258] и по пути они грубо похлопали Вениамина по плечу, говоря: "О ты, вор и сын вора, ты навлек на нас такой же позор, какой твоя мать навлекла на нашего отца". Бенджамин терпеливо сносил удары и оскорбительные слова в молчании, и он был вознагражден за свое смирение. За то, что он подчинился ударам по своему плечу, Бог назначил, чтобы Его Шекина "пребывала между его плечами", и Он также назвал его "возлюбленным Господа".[259]

Братья Иосифа вернулись в город без страха. Хотя это был огромный мегаполис, в их глазах он выглядел всего лишь деревушкой из десяти человек, которую они могли стереть с лица земли одним движением руки.[260] Их привели в присутствие Джозефа, который, вопреки своему обычаю, в тот день не проводил заседание суда на форуме. Он остался дома, чтобы его братья не подвергались позору на людях. Они пали перед ним на землю, и так сбылась его мечта об одиннадцати звездах, которые поклонились ему.[261] Но даже отдавая дань уважения Иосифу, Иуда внутренне кипел от сдерживаемого гнева и сказал своим братьям: "Воистину, этот человек заставил меня вернуться сюда только для того, чтобы я разрушил город в этот день".

Охраняемый своими доблестными людьми справа и слева, Джозеф обратился к своим братьям, рыча: "Что это вы сделали, что украли мою чашу? Я хорошо знаю, что вы взяли его для того, чтобы с его помощью выяснить местонахождение вашего брата, который исчез".[262] Иуда был представителем, и он ответил: "Что нам сказать моему господину о первых деньгах, которые он нашел в горловине наших мешков? Что мы будем говорить о вторых деньгах, которые также были в наших мешках? И как нам оправдаться в отношении кубка? Мы не можем признать себя виновными, поскольку знаем, что невиновны во всех этих делах. И все же мы не можем признать себя невиновными, потому что Бог обнаружил беззаконие рабов твоих, подобно кредитору, который ходит и пытается взыскать причитающийся ему долг.[263] Два брата стараются не входить вместе в дом веселья и празднества, чтобы не подвергнуться сглазу, но мы все были пойманы вместе в одном месте из-за греха, который мы совершили сообща".

Джозеф: "Но если ты наказан за продажу Джозефа, почему должен пострадать твой брат, самый младший, тот, кто не имел отношения к твоему преступлению.

Иуда: "Вор и его товарищи взяты вместе".

Джозеф: "Если бы вы могли заставить себя сообщить своему отцу о брате, который не крал и не навлек на вас никакого позора, что его растерзал дикий зверь, вы легко убедили бы себя сказать это о брате, который украл и навлек на вас позор. Иди отсюда и скажи своему отцу: "Веревка следует за ведром с водой".[264] Но, - продолжал Джозеф, встряхивая своей пурпурной мантией, - Боже упаси меня обвинить вас всех в воровстве. Только юноша, который украл чашу, чтобы узнать, где находится его брат, останется со мной как мой раб; что же касается тебя, поднимайся с миром к своему отцу".

Святой дух воззвал: "Великий мир имеют любящие закон Твой!"

Все братья согласились уступить Вениамина правителю Египта, только Иуда воспротивился и воскликнул: "Теперь все кончено миром!" - и приготовился, если понадобится, применить силу, чтобы выволить Вениамина из рабства.[265]

ИУДА УМОЛЯЕТ И УГРОЖАЕТ.

Иосиф отпустил своих братьев, силой увел Вениамина и запер его в комнате. Но Иуда распахнул дверь и предстал перед Иосифом со своими братьями.[266] Он решил по очереди использовать три имевшихся в его распоряжении средства освобождения Вениамина. Он был готов убедить Джозефа аргументами, или тронуть его мольбами, или прибегнуть к силе, чтобы достичь своей цели.[267]

Он сказал: "Ты поступаешь с нами несправедливо. Ты, который сказал: "Я боюсь Бога", - ты показываешь себя подобным фараону, у которого нет страха Божьего. Приговоры, которые ты выносишь, не соответствуют ни нашим законам, ни законам народов. Согласно нашему закону, вор должен заплатить двойную стоимость того, что он украл. Только если у него нет денег, его продают в рабство, но если у него есть деньги, он возмещает ущерб вдвойне. И согласно законам народов, вор лишается всего, что у него есть. Сделайте это, но отпустите его на свободу. Если человек покупает раба, а затем обнаруживает, что он вор, сделка недействительна. И все же ты хочешь сделать рабом того, кого обвиняешь в воровстве. Я подозреваю, что ты хочешь удержать его в своей власти для незаконных целей, [268] и в этой похотливости ты напоминаешь фараона. Также ты подобен фараону в том, что даешь обещание и не выполняешь его. Ты сказал своим слугам: приведите ко мне вашего младшего брата, чтобы я мог взглянуть на него. Ты называешь это обращением к нему своих глаз?[269] Если бы ты не желал ничего, кроме раба, то, несомненно, принял бы наше предложение служить тебе в качестве рабов вместо Вениамина. Рубен старше его, и я превосхожу его силой. Не может быть, чтобы не было так, как я говорю, у тебя на уме похотливая цель в отношении нашего брата.[270]

Поэтому пусть эти мои слова, которые я собираюсь произнести, найдут отклик в твоём сердце: Ради бабушки этого мальчика фараон и его дом были поражены жестокими язвами, потому что он удерживал ее в своём дворце одну ночь против ее воли. Его мать умерла преждевременной смертью из-за проклятия, которое его отец произнес в необдуманной спешке. Тогда берегись, чтобы проклятие этого человека не поразило тебя и не убило. Двое из нас разрушили целый город из-за одной женщины, насколько же больше мы сделали бы этого ради мужчины, и этот человек - возлюбленный Господа, в уделе которого суждено обитать Богу!

"Если я только издам звук, смертоносная зараза распространится по земле так далеко, что ее не будет. В этой земле фараон - первый, а ты - второй после него, но в нашей земле мой отец - первый, а я - второй. Если ты не подчинишься нашему требованию, я обнажу свой меч и убью сначала тебя, а потом фараона".

Когда Иуда произнес эту угрозу, Иосиф подал знак, и Манассия топнул ногой по земле так, что весь дворец содрогнулся. Иуда сказал: "Только один член нашей семьи может так топтать!" и, напуганный этим проявлением огромной силы, он смягчил свой тон и манеры. "С самого начала, - продолжал он говорить, - ты прибегал ко всевозможным предложениям, чтобы поставить нас в неловкое положение. Жители многих стран приезжали в Египет за зерном, но никто из них не задавал вопросов об их семейных отношениях. По правде говоря, мы пришли сюда не для того, чтобы выдавать твою дочь замуж, или, может быть, ты желаешь союза с нашей сестрой? Тем не менее мы дали тебе ответ на все твои вопросы".

Джозеф ответил: "Воистину, ты умеешь говорить бойко! Есть ли среди твоих братьев другой такой же болтун, как ты?"[271] Почему ты так много говоришь, в то время как твои братья, которые старше тебя, Рувим, Симон и Левий, стоят рядом и молчат?"

Иуда: "Ни у кого из моих братьев на карту не поставлено так много, как у меня, если Вениамин не вернется к своему отцу. Я был поручителем за него перед моим отцом, говоря: "Если я не приведу его к тебе и не поставлю его перед тобою, тогда позволь мне нести вину вечно, в этом мире и в мире грядущем".[272]

Другие братья намеренно воздержались от участия в споре между Иудой и Иосифом, сказав: "Цари ведут спор, и нам не подобает вмешиваться между ними".[273] Даже ангелы спустились с небес на землю, чтобы быть зрителями битвы между быком Иосифом и львом Иудой, и они сказали: "Естественный ход вещей заключается в том, что бык должен бояться льва, но здесь двое вступили в равную, яростную схватку".

В ответ Иуде, когда он объяснил, что его большая заинтересованность в безопасности Вениамина была вызвана обещанием, которое он дал своему отцу, Иосиф сказал: "Почему ты не поручился за другого своего брата, когда продал его за двадцать сребреников? Тогда ты не обратил внимания на горе, которое причинил своему отцу, но ты сказал: "Дикий зверь пожрал Иосифа". И все же Иосиф не сделал ничего плохого, в то время как этот Вениамин совершил кражу. Поэтому поднимись и скажи своему отцу, что веревка последовала за ведром с водой".

Эти слова произвели такое впечатление на Иуду, что он разразился рыданиями и громко воскликнул: "Как мне подняться к моему отцу, если отрока не будет со мной?"[274] Его крик разнесся на расстояние четырехсот парасангов, и когда Хушим, сын Дана, услышал это в Ханаане, он одним прыжком прыгнул в Египет и присоединил свой голос к голосу Иуды, и вся земля была на грани разрушения от сильного шума, который они производили. Доблестные люди Иосифа лишились зубов, а города Питом и Рамсес были разрушены, и они оставались в руинах до тех пор, пока израильтяне не отстроили их снова под руководством надсмотрщиков. Также братья Иуды, которые до этого момента хранили молчание, пришли в ярость и топтали землю ногами до тех пор, пока не стало казаться, что в ней прорезаны глубокие борозды лемехом плуга.[275] И Иуда обратился к своим братьям: "Будьте храбры, ведите себя как мужчины, и пусть каждый из вас проявит свой героизм, ибо обстоятельства требуют, чтобы мы сделали все, что в наших силах".

Тогда они решили разрушить Мицраим, город Египетский, и Иуда сказал: "Я подниму свой голос и им разрушу Египет".

Рувим: "Я подниму руку и уничтожу его".

Саймон: "Я подниму руку и опустошу его дворцы".

Левии: "Я обнажу свой меч и убью жителей Египта".

Иссахар: "Я сделаю землю подобной Содому".

Зебулон: "Я воздам ему, как Гоморре".

Дэн: "Я превращу это в пустыню".[276]

Тогда нарастающий гнев Иуды начал проявлять признаки выхода наружу: из его правого глаза потекли кровавые слезы; волосы над его сердцем стали такими жесткими, что проткнули и разорвали пять одежд, в которые он был одет; и он взял медные прутья, прикусил их зубами и выплюнул в виде мелкого порошка. Когда Джозеф заметил эти признаки, его охватил страх, и, чтобы показать, что он тоже был человеком необычайной силы, он оттолкнулся ногой от мраморного пьедестала, на котором сидел, и тот разлетелся в щепки. Иуда воскликнул: "Этот человек - герой, равный мне!" Затем он попытался выхватить свой меч из ножен, чтобы убить Иосифа, но оружие нельзя было сдвинуть с места, и таким образом Иуда убедился, что его противник - богобоязненный человек, и он взялся умолять его отпустить Вениамина на свободу, но тот оставался неумолим.[277]

Тогда Иуда сказал: "Что нам сказать нашему отцу, когда он увидит, что нашего брата нет с нами, и он будет скорбеть о нем?"

Джозеф: "Скажи, что веревка последовала за ведром с водой".

Иуда: "Ты царь, почему ты говоришь так мудро, проповедуя ложь? Горе королю, подобному тебе!"

Иосиф: "Есть ли большая ложь, чем то, что ты говорил о твоём брате Иосифе, которого ты продал мадианитянам за двадцать сребреников, сказав своему отцу, что его пожрал злой зверь бат?"

Иуда: "Огонь Сихема горит в моем сердце, теперь я сожгу всю землю твою огнем".

Иосиф: "Несомненно, огонь, зажженный, чтобы сжечь Фамарь, твою невестку, которая убила твоих сыновей, погасит пожар Сихема".

Иуда: "Если я вырву хоть один волос со своего тела, я залью его кровью весь Египет".

Джозеф: "Таков ваш обычай поступать; так вы поступили со своим братом, которого продали, а затем обмакнули его одежду в кровь, принесли ее вашему отцу и сказали: злой зверь пожрал его, и вот его кровь".

Когда Иуда услышал это, он чрезвычайно разгневался, и он взял камень весом в четыреста сиклей, который был перед ним, бросил его к небу одной рукой, поймал его левой рукой, затем сел на него, и камень превратился в пыль. По приказу Иосифа Манассия проделал то же самое с другим камнем, и Иосиф сказал Иуде: "Сила дана не тебе одному, мы тоже могущественные люди. Почему же тогда вы все будете хвастаться перед нами?" Тогда Иуда послал Неффалима вперед, сказав: "Пойди и сосчитай все улицы города Египетского и приди и скажи мне число", но вмешался Симон, сказав: "Пусть это тебя не беспокоит, я пойду на гору и возьму один огромный камень с горы, брошу его по всему Мицраиму, городу Египетскому, и убью всех там".

Услышав все эти слова, которые они произнесли вслух, потому что не знали, что он понимает иврит, Иосиф велел своему сыну Манассии поспешить и собрать всех жителей Египта и всех храбрых мужей, и пусть они придут к нему верхом и пешком. Тем временем Неффалим быстро отправился выполнять приказание Иуды, потому что он был быстр, как ловкий олень, и мог пробежать по кукурузному полю, не сломав ни одного початка. И он вернулся и сообщил, что город Египет был разделен на двенадцать кварталов. Иуда приказал своим братьям разрушить город; сам он взялся стереть с лица земли три квартала, а девять оставшихся кварталов распределил между другими, по одному кварталу каждому.

Тем временем Манассия собрал огромную армию: пятьсот всадников и десять тысяч пеших, среди них четыреста доблестных героев, которые могли сражаться без копья или меча, используя только свои сильные, безоружные руки. Чтобы внушить своим братьям еще больший ужас, Джозеф приказал им издавать громкий шум всевозможными инструментами, и их вид и производимый ими гвалт действительно внушили страх некоторым братьям Джозефа. Однако Иуда воззвал к ним: "Почему вы в ужасе, видя, что Бог дарует нам Свою милость?" Он обнажил свой меч и издал дикий крик, который поверг весь народ в ужас, и в их беспорядочном бегстве многие падали друг на друга и погибли, а Иуда и его братья последовали за убегающим народом до самого дома фараона. Вернувшись к Иосифу, Иуда снова разразился громким ревом, и эхо, вызванное его криками, было таким сильным, что все городские стены в Египте и в Гесеме превратились в руины, беременные женщины произвели на свет преждевременные роды, и фараон был сброшен со своего трона. Крики Иуды были слышны на большом расстоянии, вплоть до Сокхофа.

Когда фараон узнал причину сильного волнения, он послал сообщение Иосифу, что ему придется уступить требованиям евреев, иначе земля будет разрушена. "Ты можешь сделать свой выбор, - были слова фараона, - между мной и евреями, между Египтом и землей евреев. Если ты не слушаешь моего приказа, тогда оставь меня и иди с ними в их землю".

ДЖОЗЕФ ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ

Видя, что его братья действительно готовы уничтожить Египет, Джозеф решил заявить о себе им и стал искать подходящую возможность, которая, естественно, привела бы к его объявлению. По его приказу Манассия положил руку на плечо Иуды, и его прикосновение успокоило ярость Иуды, ибо он заметил, что находится в контакте со своим родственником, потому что такой силы не было ни в одной другой семье. Затем Иосиф мягко обратился к Иуде, сказав:[278] "Я хотел бы знать, кто посоветовал ему украсть чашу. Мог ли это быть кто-то из вас?" Вениамин ответил: "Они не замыслили кражу, и я не прикасался к чаше". "Поклянись на этом", - потребовал Джозеф, и Вениамин выполнил просьбу своего брата: "Я клянусь, что не прикасался к чаше! Так же верно, как то, что мой брат Джозеф разлучен со мной; так же верно, как то, что я не имел никакого отношения к дротикам, которые мои братья метали в него; так же верно, как то, что я не был одним из тех, кто снимал с него плащ; так же верно, как то, что я не участвовал в сделке, в результате которой он был передан измаильтянам; так же верно, как то, что я не помогал другим обмакивать его плащ в кровь; так же верно и то, что моя клятва, что они не замыслили кражу, и что я не совершал кражи".

Джозеф: "Откуда мне знать, что эта твоя клятва, данная над судьбой твоего брата, верна?"

Бенджамин: "Из имен моих десяти сыновей, которые я дал им в память о жизни и испытаниях моего брата, ты можешь видеть, как нежно я любил его. Поэтому я молю тебя, не сведи моего отца с гора в могилу".

Услышав эти слова неизменной любви, Джозеф больше не мог сдерживаться. Он не мог не сообщить о себе своим братьям.[279] Он обратился к ним с такими словами: "Вы сказали, что брат этого парня умер. Вы сами видели его мертвым перед собой? Они ответили: "Да!"

Джозеф: "Ты стоял у его могилы?"

Братья: "Да!"

Джозеф: "Вы бросали комья земли на его труп?"

Братья: "Нет".

Тогда Джозеф задумался, сказав себе: "Мои братья так же благочестивы, как и прежде, и они не говорят лжи. Они сказали, что я умер, потому что, когда они бросили меня, я был беден, а "бедный человек подобен мертвецу"; они стояли рядом с моей могилой, то есть ямой, в которую они бросили меня; но они не сказали, что засыпали меня землей, потому что это было бы ложью".

Повернувшись к своим братьям, он сказал: "Вы лжете, когда говорите, что ваш брат мертв. Он не мертв. Вы продали его, [280] а я купил его. Я позову его и представлю его твоим глазам", и он начал звать: "Иосиф, сын Иакова, подойди сюда! Иосиф, сын Иакова, подойди сюда! Поговори со своими братьями, которые продали тебя". Остальные смотрели туда-сюда, по четырем углам дома, пока Джозеф не окликнул их: "Зачем вы смотрите туда-сюда? Вот, я Иосиф, брат твой!" Их души убежали от них, и они не могли ничего ответить, но Бог допустил, чтобы произошло чудо, и их души вернулись к ним.

Джозеф продолжил: "Вы видите это своими собственными глазами, и также мой брат Вениамин видит это своими глазами, что я говорю с вами на иврите, и я действительно ваш брат". Но они не поверили ему. С тех пор, как они бросили его, он не только превратился из юноши с гладким лицом в бородатого мужчину, но и покинутый юноша теперь стоял перед ними правителем Египта. Поэтому Иосиф обнажил свое тело и показал им, что он принадлежит к потомкам Авраама.

Смущенные, они стояли там и в ярости желали убить Джозефа как виновника их позора и страданий. Но явился ангел и разбросал их по четырем углам дома. Иуда поднял такой громкий крик, что стены египетского города рухнули, женщины преждевременно родили, Иосиф и фараон оба скатились со своих тронов, а триста героев Иосифа лишились зубов, и их головы навсегда остались неподвижными, обращенными назад, поскольку они повернули их, чтобы выяснить причину беспорядков. И все же братья не осмеливались приблизиться к Иосифу, им было слишком стыдно за свое поведение по отношению к брату.[281] Он попытался успокоить их, сказав: "Теперь не печальтесь и не сердитесь на себя за то, что вы продали меня сюда, ибо Бог послал меня перед вами, чтобы сохранить жизнь".

Даже такие добрые слова увещевания не прогнали их страх, и Джозеф продолжал говорить: "Насколько мало я таю в своем сердце мстительных мыслей против Вениамина, настолько же мало я таю их против тебя. И все же его братья были обеспокоены случившимся, и Джозеф продолжал: "Думаешь, ты, что я могу причинить тебе вред? Если дым десяти свечей не может погасить одну, как можно погасить десять?"

Наконец братья успокоились и подошли к Иосифу, [282] который знал каждого по имени, и, плача, он обнял и поцеловал их всех по очереди. Причина, по которой он плакал, заключалась в том, что его пророческий дух показал ему потомков его братьев, поработанных народами.[283] Особенно он плакал на шее Вениамина, потому что он предвидел разрушение, назначенное для двух Храмов, которые должны были находиться на участке Вениамина. И Вениамин также

плакал на шее Иосифа о святилище в Силоме, на территории Иосифа, которое также было обречено на разрушение.[284]

Фараон был очень доволен сообщением о примирении между Иосифом и евреями, ибо он опасался, что их раздоры могут привести к гибели Египта, и он послал своих слуг к Иосифу, чтобы они приняли участие в его радости. Также он послал известие Иосифу, что тот был бы рад, если бы его братья поселились в Египте, и он пообещал выделить им лучшие части земли для проживания.[285]

Не все слуги фараона были согласны со своим господином относительно этого приглашения евреям. Многие из них были встревожены, говоря: "Если один из сыновей Иакова пришел сюда и его возвысили до высокого положения над нашими головами, то какое зло случится с нами, когда сюда придут еще десять?"[286]

Иосиф дал всем своим братьям по две смены одежды, одну для использования в обычные дни недели и одну для использования в субботу, ибо, когда чаша была найдена у Вениамина, они разорвали свою одежду, а Иосиф не хотел, чтобы его братья ходили в разорванных одеждах.[287] Но Вениамину он дал пять смен одежды, хотя и не для того, чтобы выделять его среди своих братьев. Джозеф слишком хорошо помнил, какое зло причинил его отец, подарив ему разноцветную одежду, вызвав тем самым зависть его братьев. Он хотел только намекнуть, что Мардохей, потомок Вениамина, однажды будет облачен в пять царских одежд.[288]

Иосиф представил своих братьев, одетых в их расшитые золотом и серебром одежды, фараону, который был очень рад познакомиться с ними, когда увидел, что это люди героического роста и красивой внешности.[289] Он дал им повозки, чтобы перевезти их семьи в Египет, но поскольку они были украшены изображениями идолов, Иуда сжег их, [290] и Иосиф заменил их одиннадцатью другими повозками, среди которых была та, на которой он ездил при вступлении в должность, чтобы осмотреть землю Египта. Этим должен был воспользоваться его отец во время своего путешествия в Египет. Для каждого из детей своих братьев он послал одежду, а также по сто сребреников на каждого, но для каждого из детей Вениамина он послал по десять смен одежды. А женам своих братьев он дал богатые государственные одежды, такие, какие носили жены фараонов, а также мази и ароматические пряности. Своей сестре Дине он послал расшитые серебром и золотом одежды, а также мирру, алоэ и другие благовония, и такие подарки он преподнес также жене и невесткам Вениамина. Для себя и своих жен братья получили всевозможные драгоценные камни и украшения, подобные тем, которые носят египетские аристократы.

Иосиф проводил свои одиннадцать братьев до границы и там попрощался с ними, пожелав, чтобы они и все их семьи отправились в Египет,[291] и, кроме того, он заповедал им соблюдать три правила, которых должны придерживаться путешественники: не делайте слишком больших шагов; не обсуждайте галахические темы, чтобы не сбиться с пути; и входите в город самое позднее с заходом солнца.[292]

ИАКОВ ПОЛУЧАЕТ РАДОСТНУЮ ВЕСТЬ

В веселом расположении духа сыновья Иакова отправились в землю Ханаанскую, но когда они достигли границы, то сказали друг другу: "Что нам делать? Если мы предстанем перед нашим

отцом и скажем ему, что Джозеф жив, он будет сильно напуган и не склонен нам верить". Кроме того, последним наказом Джозефа им было быть осторожными и не пугать их отца радостными вестями.

Приблизившись к своему жилищу, они увидели Сэру, дочь Ашера, очень красивую девушку и очень мудрую, которая искусно играла на арфе. Они призвали ее к себе и дали ей арфу, и велели ей играть перед Иаковом и петь то, что они должны ей сказать. Она села перед Иаковом и приятной мелодией пропела следующие слова, аккомпанируя себе на арфе: "Иосиф, мой дядя, жив, он правит всем Египтом, он не умер!" Она повторила эти слова несколько раз, и Джейкоб становился все более и более приятно возбужденным. Его радость пробудила в нем святого духа, и он знал, что она говорила правду.[293] Дух пророчества никогда не посещает провидца, когда он находится в состоянии усталости или горя; он приходит только вместе с радостью. Все годы разлуки Джозефа с ним у Иакова не было пророческих видений, потому что он всегда был печален, и только когда слова Серы вновь пробудили чувство счастья в его сердце, пророческий дух снова овладел им.[294] Иаков вознаградил ее за это словами: "Дочь моя, пусть смерть никогда не будет иметь власти над тобой, ибо ты оживила мой дух". Так оно и было. Сэра не умерла, она вошла в Рай живой. По его просьбе она снова и снова повторяла слова, которые пела, и они доставляли Джейкобу великую радость и восхищение, так что святой дух становился в нем все сильнее и сильнее.

Пока он сидел, беседуя таким образом с Сарой, появились его сыновья, одетые во все свое великолепие и со всеми подарками, которые преподнес им Иосиф, и они обратились к Иакову, говоря: "Радостная весть! Джозеф, брат наш, жив! Он правитель всей земли Египетской, и он посылает тебе радостное послание". Сначала Иаков не поверил им, но когда они открыли свои сумки и показали ему подарки, которые Иосиф послал всем, он больше не мог сомневаться в правдивости их слов.[295]

У Джозефа было предчувствие, что его отец откажется поверить его братьям, потому что они уже пытались обмануть его раньше, и "наказание лжеца заключается в том, что его словам не верят, даже когда он говорит правду". Поэтому он сказал им: "Если мой отец не поверит вашим словам, скажите ему, что, когда я прощался с ним, чтобы посмотреть, все ли у вас хорошо, он учил меня закону телицы, у которой сломана шея в долине". Когда они повторили это, все остатки сомнений Иакова исчезли, и он сказал: "Велика стойкость моего сына Иосифа. Несмотря на все свои страдания, он оставался неизменным в своем благочестии.[296] Да, велики блага, которые Господь даровал мне. Он спас меня от рук Исава, и от рук Лавана, и от хананеев, которые преследовали меня. Я вкусил много радостей и надеюсь увидеть больше, но я никогда не надеялся снова увидеть Джозефа, и теперь я спущусь к нему и увижу его перед своей смертью".[297]

Затем Иаков и члены его семьи надели одежду, присланную Иосифом, в том числе тюрбан для Иакова, и они сделали все приготовления к путешествию в Египет и поселению там с Иосифом и его семьей. Услышав о его удаче, цари и вельможи Ханаана пришли навестить Иакова и выразить ему сочувствие в его радости, и он приготовил для них трехдневный пир.[298]

Иаков, однако, не пошел бы в Египет, не выяснив сначала, была ли воля Божья на то, чтобы он покинул Святую Землю.[299] Он сказал: "Как я могу покинуть землю моих отцов, землю моего рождения, землю, в которой обитает Шехина, и отправиться в нечистую землю, населенную рабами сынов Хама, землю, где нет страха Божьего?"[300] Затем он принес жертвы в честь Бога,

ожидая, что Божественное видение снизойдет на него и укажет, идти ли ему в Египет или отправить Иосифа в Ханаан. Он боялся пребывания в Египте, ибо помнил видение, которое было у него в Вефиле, когда он покидал дом своего отца, [301] и он сказал Богу: "Я похож на своего отца. Как он был жаден, набивая свою пасть, так и я, и поэтому я хотел бы спуститься в Египет из-за голода. Как мой отец предпочитал одного сына другому, так и у меня был любимый сын, и поэтому я хотел отправиться в Египет, чтобы повидать Иосифа. Но в этом я не похож на своего отца, ему приходилось обеспечивать только себя, а мой дом состоит из семидесяти душ, и поэтому я вынужден отправиться в Египет. Благословение, которое дал мне мой отец, исполнилось не во мне, а в моем сыне Джозефе, которому служат народы и перед которым преклоняются народы".[302]

Затем Шекина обратилась к Иакову, дважды назвав его по имени в знак любви,[303] и приказав ему не бояться египетского рабства, предсказанного для потомков Авраама, ибо Бог сжалится над страданиями его детей и избавит их от рабства.[304] Более того, Бог сказал: "Я пойду с тобою в Египет", и Шекина сопровождала Иакова туда, доведя число отряда, с которым он вошел в Египет, до семидесяти.[305] Но поскольку Иаков опасался, что его потомки останутся там навсегда, Бог заверил его, что его потомки останутся там навсегда. Он поведет его вперед вместе со всеми благочестивыми, подобными ему.[306] И Бог также сказал Иакову, что Иосиф оставался непоколебимым в своем благочестии даже в Египте, и он мог бы выбросить из головы все сомнения на этот счет, ибо именно его беспокойство по этому поводу побудило Иакова подумать о том, чтобы отправиться в Египет; он хотел только убедиться в верности Иосифа, а затем вернуться домой, но Бог повелел ему пойти туда и оставаться там.[307]

Прежде чем Иаков покинул Ханаан, он отправился в Беэр-Шеву, чтобы срубить кедры, которые посадил там Авраам, и взять их с собой в Египет. На протяжении веков эти кедровые деревья оставались во владении его потомков; они взяли их с собой, когда покидали Египет, и использовали при строительстве Скинии.[308]

Хотя Иосиф предоставил в распоряжение своих братьев повозки для переезда своей семьи из Ханаана в Египет, они все же несли Иакова на руках, для чего разделились на три отряда, один за другим принимая на себя ношу. В награду за их сыновнюю преданность Бог искупил их потомков из Египта.[309]

Его отец послал Иуду вперед построить жилище в Гесеме, а также Бет ха-Мидраш, чтобы Иаков мог приступить к обучению своих сыновей сразу же по прибытии. Он поручил Иуде эту почетную задачу, чтобы компенсировать ему причиненное им зло. Все годы отсутствия Иосифа он сильно подозревал Иуду в том, что тот расправился ссыном Рахили.[310] Насколько мало это подозрение было обоснованным, он понял теперь, когда Иуда, в частности, усердствовал в обеспечении безопасности Вениамина, другого сына Рахили. Поэтому Иаков сказал Иуде: "Ты совершил благочестивый, повеленный Богом поступок и показал себя человеком, способным вести переговоры с Иосифом. Заверши работу, которую ты начал! Иди в Гесем и вместе с Иосифом приготовь все к нашему приходу. Действительно, - продолжал Иаков, - ты был причиной нашего похода в Египет, ибо именно по твоему предложению Иосиф был продан в рабство, а также через твоих потомков Израиль будет выведен из Египта".[311]

Когда Джозефу сообщили о приближении его отца, он чрезвычайно обрадовался, главным образом потому, что его приезд положит конец разговорам египтян, которые постоянно называли его рабом, властвовавшим над ними. "Теперь, - подумал Джозеф, - они увидят моего

отца и моих братьев и убедятся, что я свободнорожденный человек благородного происхождения".

В своей радости от встречи со своим отцом Иосиф собственноручно приготовил свою колесницу, не дожидаясь, пока ему будут прислуживать его слуги, и это любовное действие позже пошло на пользу израильтянам, поскольку оно нисколько не повлияло на рвение фараона приготовить свою колесницу самому, своими руками, чтобы преследовать израильтян.[312]

Иаков ПРИБЫВАЕТ В ЕГИПЕТ

Когда египетская знать увидела, что их наместник завершает приготовления к встрече со своим отцом, они сделали то же самое.[313] Действительно, Иосиф издал прокламацию по всей стране, угрожая смертью всем, кто не выйдет навстречу Иакову. Процессия, сопровождавшая его, состояла из бесчисленного множества мужчин, одетых в биссус и пурпур и маршировавших под звуки всевозможных музыкальных инструментов. Даже женщины Египта принимали участие в церемониях приема. Они взошли на крыши домов и стены городов, готовые приветствовать Иакова музыкой кимвалов.

Иосиф носил на голове царскую корону, которую фараон подарил ему по этому случаю. Он сошел со своей колесницы, когда находился на расстоянии около пятидесяти локтей от своего отца, и остаток пути прошел пешком, и его примеру последовали принцы и знать Египта. Когда Иаков увидел приближающуюся процессию, он обрадовался[314] и еще до того, как узнал Иосифа, склонился перед ним, но за то, что он позволил своему отцу показать ему этот знак почета, Иосифа постигло наказание. Он умер безвременной смертью, прежде чем истекли отведенные ему годы жизни.[315]

Чтобы не навредить Иакову от слишком внезапной встречи с ним, Иосиф послал своего старшего сына вперед с пятью лошадьми, а второй сын таким же образом последовал за ним. Когда каждый сын приближался, Иакову казалось, что он видит Иосифа, и поэтому он постепенно готовился увидеть его лицом к лицу.[316]

Тем временем Иаков заметил со своего места среди египтян человека в царских одеждах, с короной на голове и пурпурной мантией на плечах, и он спросил Иуду, кто бы это мог быть. Когда ему сказали, что это Джозеф, его радость была велика по поводу высокого достоинства, достигнутого его сыном.

К этому времени Иосиф приблизился к своему отцу и склонился перед ним до земли, и все люди, бывшие с ним, также пали ниц.[317] Тогда Иосиф бросился на шею своему отцу и горько заплакал. Он был особенно огорчен тем, что позволил своему отцу склониться перед ним совсем недавно, не препятствуя этому.[318] В тот самый момент, когда Джозеф обнял своего отца, Джейкоб читал "Шма", и он не позволил прервать себя в своей молитве, [319] но затем он сказал: "Когда мне принесли весть о смерти Джозефа, я подумал, что обречен на двойную смерть — что я потеряю этот мир и мир грядущий. Господь обещал сделать меня родоначальником двенадцати колен, и поскольку смерть моего сына сделала невозможным выполнение этого обещания, я боялся, что навлек на себя судьбу своими собственными

грехами, и как грешник я не мог не ожидать, что лишусь и будущего мира. Но теперь, когда я увидел тебя живым, я знаю, что моя смерть будет только для мира здесь, внизу".[320]

Таков был способ прибытия Иакова в Египет. Он приехал со всей своей семьей, всего их было шестьдесят девять человек, но их число возросло до семидесяти благодаря рождению Иохаведы, впоследствии матери Моисея, которое произошло, когда кавалькада приблизилась к пространству между одной и другой городскими стенами.[321] Все мужчины в его семье были женатыми мужчинами; даже Паллу и Хезрон, последнему из которых был всего год на момент их переселения, а первому - всего два года, имели с собой жен, которых выбрали для них их родители.[322] В его семье все мужчины были женаты. в общем, все сыновья и внуки Иакова женились молодыми, некоторые из них стали отцами в возрасте семи лет.[323]

Иосиф взял несколько из своих братьев и подарил их фараону. Он выбрал самых слабых из них, чтобы у царя не возникло соблазна оставить их у себя на службе в качестве воинов.[324] И поскольку он не хотел, чтобы его семья жила в непосредственной близости от египтян и, возможно, смешалась с ними, он представил их как пастухов. Египтяне поклонялись созвездию дождя, воздавали божественные почести животным и держались в стороне от пастухов. Поэтому фараон был склонен удовлетворить желание Иосифа, отдать им пастбище Гесем в качестве места их временного пребывания, землю, которая принадлежала им по праву, поскольку фараон, силой отнявший Сарру у Авраама, передал ее ей в безвозвратное владение.[325]

В своем разговоре с фараоном братья Иосифа ясно дали понять египетскому царю, что в их намерения не входило оставаться в Египте навсегда, это должно было быть лишь временное пристанище.[326]

Затем Иосиф поставил Иакова, своего отца, перед фараоном, и когда царь увидел его, он сказал Огу, который случайно оказался с ним в тот момент: "Видишь? Ты привык называть Авраама бесплодным мулом, а вот его внук с семьей из семидесяти человек!" Он не верил собственным глазам, ему казалось, что перед ним стоит Авраам, настолько велико было сходство между Иаковом и его прародителем. Затем фараон спросил о возрасте Иакова, чтобы выяснить, действительно ли он Иаков, а не Авраам. И Иаков сказал фараону: "Дней лет моего паломничества - сто тридцать лет", используя слово "паломничество" по отношению к жизни на земле, которую благочестивые рассматривают как временное пребывание в чужих землях. "Немногочисленными и злыми, - продолжал он, - были дни за все годы моей жизни. В юности мне пришлось бежать в чужую страну из-за моего брата Исава, и теперь, в старости, я снова должен отправиться в чужую страну, и дни мои не дотянули до лет жизни моих отцов в дни их паломничества". Этих слов было достаточно, чтобы убедить фараона и Ога в том, что человек, стоящий перед ними, был не Авраамом, а его внуком.[327]

Когда Иаков произнес слова: "Дни за годы моего паломничества были немногочисленны и недобры", Бог сказал ему: "Иаков, я спас тебя из рук Исава и Лавана, я вернул тебе Иосифа и сделал его царем и правительницей, и все же ты говоришь о немногих и недобрых днях. Из-за твоей неблагодарности ты не доживешь до дней лет жизни твоих отцов", и Иаков умер в возрасте на тридцать три года меньше, чем его отец Исаак.[328]

Уходя от фараона, Иаков благословил царя словами: "Пусть тебе будут дарованы годы, уготованные мне, и пусть отныне Нил снова выйдет из берегов и напоит землю". Его слова

исполнились. Чтобы показать, что благочестивые люди являются благословением для мира, Бог заставил Нил подняться над своим руслом и принести плоды на землю Египта.[329]

ДОБРОТА И ВЕЛИКОДУШИЕ ДЖОЗЕФА

Иаков и его семья теперь поселились в земле Гесем, и Иосиф снабжал их всем необходимым, не только едой и питьем, но и одеждой, и в своей любви и доброте он ежедневно угощал своего отца и своих братьев за своим столом.[330] Он выбросил из головы зло, причиненное ему его братьями, и умолял своего отца помолиться Богу за них, чтобы Он простил их великий проступок. Тронутый этим благородным знаком любви, Иаков воскликнул: "О Иосиф, дитя мое, ты покоришь сердце твоего отца Иакова".[331]

Кроме того, у Джозефа были и другие добродетели. Титул "богобоязненный", который носили только он, Авраам, Иов и Обадиа, он получил благодаря своей доброте сердца и великодушию. Что бы он ни давал своим братьям, он давал с "наметанным глазом", в духе либерализма. Если бы это был хлеб для еды, то его наверняка было бы достаточно, не только для того, чтобы утолить всеобщий голод, но и для того, чтобы дети могли крошить его, как это у них заведено.[332]

Но Джозеф был больше, чем помощником своей семье. Как пастух пасет свое стадо, так и он обеспечивал весь мир в годы голода. Народ проклял фараона, который хранил запасы зерна в своих сокровищницах для собственного употребления, и они благословили Иосифа, который заботился о голодающих и продавал зерно всем, кто приходил.[333] Богатство, которое он приобрел от этих продаж, было законной прибылью, поскольку цены были подняты не им, а самими египтянами.[334] Одну часть своего имущества, состоящую из золота, серебра и драгоценных камней, Иосиф закопал в четырех разных местах: в пустыне у Красного моря, на берегах Евфрата и в двух местах в пустыне в окрестностях Персии и Мидии.[335] Корей обнаружил одно из тайников, а римский император Антонин, сын Севера, другое. Двое других никогда не будут найдены, потому что Бог приберег богатства, которыми они владеют, для благочестивых, чтобы они могли наслаждаться ими в последние дни, дни Мессии.[336] Остальное имущество Иосифа он раздал частично своим братьям и их семьям, а частично фараону, который положил его в свою сокровищницу.[337]

В то время богатства всего мира стекались в Египет и оставались там до исхода израильтян. Они забрали это с собой, оставив Египет, как сеть без рыбы. Израильтяне хранили это сокровище до времен Ровоама, которого лишил его египетский царь Шишак, а ему, в свою очередь, пришлось уступить его Зере, царю Эфиопии. Он снова перешел во владение евреев, когда царь Аса завоевал Зеру, но на этот раз они владели им недолго, потому что Аса отдал его арамейскому царю Бен-Хададу, чтобы побудить его разорвать союз с Ваасой, царем Десяти колен. Аммонитяне, в свою очередь, захватили его у Бен-Хадада, но потеряли в войне с евреями под предводительством Иосафата. И снова он оставался у евреев до времен царя Ахаза, который послал его Сеннахерибу в качестве дани. Езекия отвоевал его, но Седекия, последний царь иудейский, уступил его халдеям, от которых оно перешло в Персию, оттуда к грекам и, наконец, к римлянам, и у последних оно осталось навсегда.[338]

Вскоре люди остались без средств для покупки необходимого им зерна. Вскоре им пришлось расстаться со своим скотом, и когда вырученные таким образом деньги были потрачены, они

продали Джозефу свою землю и даже самих себя. Многие из них покрывали себя глиной, появлялись перед Иосифом и говорили ему: "О господин царь, посмотри на меня и на мое имущество!" И так Иосиф купил всю землю Египетскую, и жители стали его арендаторами, и они отдавали пятую часть своего урожая Иосифу.[339]

Единственным классом людей, которым было разрешено оставаться во владении своей землей, были священники. Иосиф был им благодарен, поскольку они позволили ему стать правителем Египта. Египтяне не решались назначить его своим наместником, потому что боялись избрать на столь высокий пост человека, обвиняемого в супружеской неверности. Именно священники предложили осмотреть разорванную одежду Джозефа, которую его любовница представила в качестве доказательства его вины, и посмотреть, была ли прореха спереди или сзади. Если бы это было сзади, это показало бы его невиновность — он повернулся, чтобы убежать, а его искусительница схватила его так, что одежда порвалась. Но если бы слеза была спереди, то это было бы доказательством его вины — он применил насилие к женщине, и она порвала мантию, пытаясь защитить свою честь. Пришел ангел Гавриил и перенес прореху с передней части на заднюю, и египтяне убедились в невиновности Иосифа, и их сомнения по поводу возведения его на царство исчезли.[340]

Как только египтяне узнали о выгодном положении жрецов, все они попытались проявить себя членами этой касты. Но Джозеф изучил списки в архивах и определил сословие каждого гражданина.

Священники пользовались благосклонностью и в другом отношении. Помимо того, что они оставались во владении своей землей, они ежедневно получали порции от фараона, поэтому Бог сказал: "Священники, служащие идолам, получают все, в чем они нуждаются каждый день, насколько больше сыновья Авраама, Исаака и Иакова, которые являются Моими священниками, заслуживают того, чтобы Я давал им то, в чем они нуждаются каждый день".[341]

Остальным жителям Египта, которым пришлось расстаться со своей землей, не разрешили оставаться в их родных провинциях. Иосиф выселил их из их собственных городов и поселил в других. Его целью здесь было помешать египтянам уничижительно отзываться о его братьях как об "изгнанниках, сынах изгнанников"; он сделал их всех одинаково чужими.[342] По той же причине Бог позже, во время выхода израильтян из Египта, заставил все народы сменить места своего обитания, чтобы израильтян нельзя было упрекнуть в том, что им пришлось покинуть свой дом. И, наконец, когда Сермахериб увел евреев из их земли в изгнание, случилось также, что этот царь впервые смешал жителей всех стран мира.[343]

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ДЖЕЙКОБА

В обмен на семнадцать лет, которые Иаков посвятил воспитанию Иосифа, ему было даровано семнадцать лет пребывания со своим любимым сыном в мире и счастье. Нечестивые испытывают горе за радостью; благочестивые должны сначала пострадать, и тогда они счастливы, ибо все хорошо, что хорошо кончается, и Бог позволяет благочестивым провести последние годы своей жизни в блаженстве.[344]

Когда Иаков почувствовал приближение своего конца, он призвал Иосифа к своей постели и рассказал ему все, что было у него на сердце. Он позвал Джозефа, а не одного из других своих сыновей, потому что тот был единственным, кто мог исполнить его желания.

Иаков сказал Иосифу: "Если я обрел благодать в очах твоих, прошу тебя, не хорони меня в Египте. Только ради тебя я спустился в Египет, и ради тебя я сказал, что теперь я могу умереть. Сделай это для меня как истинное служение любви, а не потому, что ты боишься, или потому, что этого требуют приличия. И когда я буду спать со своими отцами, ты похоронишь меня на их месте захоронения. Унеси меня из земли идолопоклонства и похорони меня в земле, где Бог повелел пребывать Имени Своему, и упокой меня в том месте, где должны быть похоронены четыре мужа и жена, я последний из них".

Иаков не хотел быть похороненным в Египте по нескольким причинам. Он знал, что земля Египта когда-то будет кишеть паразитами, и ему было противно думать о том, что его труп подвергнут такой нечистоте. Более того, он опасался, что его потомки скажут: "Если бы Египет не был святой землей, наш отец Иаков никогда не позволил бы похоронить себя там", и они могли бы подбодрить себя этим аргументом, чтобы выбрать Египет в качестве места постоянного проживания. Кроме того, если бы его могила была там, египтяне могли бы прибегнуть к ней, когда на них обрушатся десять казней, и если бы его побудили помолиться за них Богу, он бы защищал дело врагов Господа. С другой стороны, если бы он не заступился за них, Имя Божье было бы осквернено язычниками, которые сказали бы: "Иаков - бесполезный святой!" Кроме того, вполне возможно, что Бог мог бы счесть его, "рассеянную овцу" Израиля, жертвой египтян и смягчить их наказание. Из его знания людей было оправдано другое опасение, что его могила станет объектом идолопоклоннического почитания, и Бог назначает такое же наказание для идолов, которым поклоняются, как и для идолопоклонников, которые им поклоняются.

Если у Иакова были веские причины не желать, чтобы его тело покоилось в земле Египта, то у него были не менее веские причины желать, чтобы оно покоилось в Святой Земле. В мессианское время, когда мертвые воскреснут, те, кто похоронен в Палестине, без промедления пробудятся к новой жизни, в то время как те, кто похоронен в другом месте, сначала должны будут перекатываться с земли на землю по специально вырытой земле, пока не достигнут Святой Земли, и только тогда произойдет их воскресение. Но помимо этого, у Иакова была особая причина желать, чтобы его тело было предано земле в Палестине. Бог сказал ему в Вефиле: "Землю, на которой ты живешь, я отдам тебе и твоему семени", и поэтому он приложил все усилия, чтобы "лечь" в Святой Земле, чтобы быть уверенным, что она будет принадлежать ему и его потомкам.[345] Тем не менее, он велел Иосифу посыпать его мертвое тело египетской землей.[346]

Джейкоб выразил эти свои последние пожелания трижды. Таково требование хорошего воспитания, чтобы предпочесть просьбу.

В последний период жизни Иакова можно увидеть, насколько верно утверждение, что "даже король зависит от милостей в чужой стране". Иаков, человек, ради заслуг которого был сотворен весь мир, ради которого Авраам был избавлен из огненной печи, был вынужден просить помощи у других, находясь среди чужаков,[347] и когда Иосиф пообещал выполнить его просьбу, он склонился перед своим собственным сыном, ибо истинно изречение: "Преклоняйся перед лисицей в день ее", в день его могущества.[348]

Он не удовлетворился простым обещанием Иосифа, что тот исполнит его желание; он настоял на том, чтобы тот принес клятву знаком завета Авраама, положив руку под бедро в соответствии с церемонией, принятой среди Патриархов![349] Но Джозеф сказал: "Ты обращаешься со мной как с рабом. Со мной тебе не нужно требовать клятвы. Твоего повеления достаточно". Однако Иаков убеждал его, говоря: "Я боюсь, что фараон может приказать тебе похоронить меня в гробнице с царями Египта. Я настаиваю, чтобы ты принес клятву, и тогда я обрету покой. Иосиф сдался, [350] хотя и не подчинился церемонии, которую Элиэзер использовал для подтверждения клятвы, которую он дал по просьбе своего учителя Авраама. Раб действовал в соответствии с правилами рабства, свободный человек действовал в соответствии с требованиями свободы.[351] А в сыне было бы неприлично то, что подобает рабу.[352]

Когда Джозеф поклялся похоронить своего отца в Палестине, он добавил слова: "Как ты прикажешь мне сделать, так и я буду умолять моих братьев на смертном одре исполнить мое последнее желание и перевезти мое тело из Египта в Палестину".[353]

Иаков, заметив Шекину над изголовьем кровати, где она всегда покоится в комнате больного, склонился в изголовье кровати, [354] сказав: "Благодарю тебя, о Господь, Бог мой, что никто из негодных не вышел из моей постели, но моя постель была совершенной".[355] Он был особенно благодарен за откровение, которым Бог удостоил его относительно своего первенца Рувима, что он раскаялся в своем проступке перед отцом и искупил его епитимьей. Таким образом, он был уверен, что все его сыновья были людьми, достойными стать прародителями двенадцати колен, и он был благословлен таким счастьем, какого не знали ни Авраам, ни Исаак, ибо у обоих были как недостойные, так и достойные сыновья.[356]

До появления Джейкоба смерть всегда приходила к людям внезапно и забирала их до того, как болезнь предупреждала их о неминуемом конце. Однажды Иаков обратился к Богу, сказав: "О Владыка мира, человек умирает внезапно, и болезнь не сваливает его с ног первым, и он не может ознакомить своих детей со своими пожеланиями относительно всего, что он оставляет после себя. Но если бы человек впервые заболел и почувствовал, что его конец приближается, у него было бы время навести порядок в своем доме". И Бог сказал: "Воистину, твоя просьба разумна, и ты будешь первым, кто воспользуется новым устройством", и так случилось, что Иаков заболел незадолго до своей смерти.[357]

Болезнь сильно беспокоила его, ибо он многое претерпел за свою жизнь. Он работал день и ночь, пока был с Лаваном, и его конфликты с ангелом и с Исавом, хотя он и вышел победителем из обоих, ослабили его, и он был не в том состоянии, чтобы переносить тяготы болезни.[358]

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЕФРЕМА И МАНАССИИ

Все годы пребывания Иакова в Египте Асенаф, жена Иосифа, была его постоянной сиделкой. Когда она увидела, что его конец приближается, она обратилась к Джозефу: "Я слышала, что тот, кто благословлен праведным человеком, подобен тому, как если бы он был благословлен Шекиной. Поэтому приведи сюда своих сыновей, чтобы Иаков дал им свое благословение".[359]

Хотя Иосиф был преданным и любящим сыном своего отца, он не находился при нем постоянно, потому что не хотел давать ему возможности расспросить об обстоятельствах его приезда в Египет. Он опасался, что Иаков может проклясть своих сыновей и навлечь на них смерть, если

узнает факты, связанные с их предательскими отношениями с Иосифом. Поэтому он тщательно следил за тем, чтобы никогда не оставаться наедине со своим отцом. Но поскольку он хотел, чтобы его постоянно информировали о его благополучии, он организовал курьерскую службу между собой и Джейкобом.

Теперь, когда Иосиф получил известие о болезни своего отца через своего посланника, а также через Ефрема, которого Иаков обучал Торе, он поспешил в землю Гесем, взяв с собой двух своих сыновей. Он хотел быть уверенным в пяти пунктах: благословит ли его отец двух своих сыновей, родившихся в Египте, и, если да, назначит ли он их главами племен? Присвоит ли он себе права первенца, и, если да, лишит ли он Рувима таких прав вообще? И почему его отец похоронил его мать Рахиль на обочине дороги, а не отнес ее тело в семейную усыпальницу в Махпеле?[360]

У Иакова также были сомнения по пяти пунктам, когда он собирался эмигрировать из Ханаана в Египет: он не знал, затеряются ли его потомки среди народа Египта; умрет ли он там и будет ли похоронен там; и будет ли ему позволено увидеть Иосифа и сыновей Иосифа. Бог дал ему уверенность, сказав: "Я сойду с тобою в Египет, и я непременно воскрешу тебя после твоей смерти, а также твоих потомков, и Иосиф возложит свою руку на твои глаза". Когда приблизилось время исполнения Божественного обетования, Бог явился Иакову, и Он сказал: "Я обещал исполнить твое желание, и время исполнения пришло".

Святой дух дал знать Иакову, что Иосиф идет к нему, [361] и он укрепился и сел на кровать, чтобы оказать должное уважение представителю правительства. Хотя Иосиф был его сыном, он также был вице-королем и имел право на особые знаки отличия. Кроме того, Иаков хотел производить впечатление человека в добром здравии. Он хотел избежать возможности того, что его благословение Джозефа и сыновей Джозефа будет поставлено под сомнение как поступок безответственного человека.[362]

Он укрепил себя духовно и физически молитвой к Богу, в которой умолял Его позволить святому духу сойти на него во время благословения сыновей Иосифа.

Когда Джозеф появился в компании двух своих сыновей, его отец сказал ему: "За все семнадцать лет, что ты навещал меня, ты ни разу не приводил с собой своих сыновей, но теперь они пришли, и я знаю причину. Если я благословлю их, я буду действовать вопреки слову Божьему, который обещал сделать меня прародителем двенадцати колен, ибо, если я усыновлю их как своих сыновей, будет четырнадцать колен. Но если я не благословлю их, это повергнет тебя в печаль. Так и быть, я благословлю их. Но не думай, что я делаю это, потому что ты поддерживал меня все эти годы. Есть совсем другая причина.[363] Когда я покинул дом моего отца, чтобы отправиться в Харран, я вознес молитву в Бет-Эле и пообещал отдать Богу десятую часть всего, что у меня было. Что касается моего материального имущества, я сдержал свой обет, но я не мог отдать десятину моим сыновьям, потому что по закону я должен был исключить из подсчета четырех сыновей, Рувима, Иосифа, Дана и Гада, которые являются первенцами своих матерей. Когда я вернулся, Бог снова явился мне в Вефиле и сказал: плодитесь и размножайтесь. Но после этого благословения у меня не родился ни один сын, кроме одного Вениамина, и не может быть иначе, как Бог имел в виду Манассию и Ефрема, когда говорил о "народе и группе народов". Если теперь я обрел благоволение в твоих глазах, два твоих сына, Ефрем и Манассия, также как Рувим и Симон, будут моими, и тогда я смогу отдать десятую часть

из моих десяти сыновей Господу, и я покину этот мир свободным от греха невыполнения моего обета Господу относительно десятины ".

Иосиф согласился исполнить волю своего отца, и Иаков собрал десятину со своих сыновей, посвятив Левия Святому и назначив его главой своих братьев. Он повелел своим сыновьям позаботиться о том, чтобы их никогда не подвел сын Левия в священнической преемственности. И это случилось так. из всех колен Левий был единственным, кто никогда не нарушал завет отцов.[364]

Таким образом, Иаков усыновил Манассию и Ефрема как своих собственных сыновей, точно так же, как Рувим и Симон были его сыновьями. Они, как и другие, имели право на часть Святой Земли, и, как и другие, они должны были нести знамена в своем путешествии по пустыне.[365]

Удовлетворенный намерениями Иакова относительно своих сыновей, Иосиф спросил своего отца о месте захоронения своей матери, и Иаков заговорил, сказав: "Пока ты жив, твое желание увидеть свою мать лежащей рядом со мной в могиле не превосходит моего собственного. Я радовался жизни только до тех пор, пока она была жива, и ее смерть была самым тяжелым ударом, который когда-либо падал на меня". Джозеф спросил его: "Возможно, тебе пришлось похоронить ее таким образом, потому что она умерла в сезон дождей, и ты не смог донести ее тело под дождем до нашей семейной усыпальницы?" "Нет, - ответил Джейкоб, - она умерла весной, когда дороги чистые и крепкие". Джозеф: "Разреши мне забрать ее тело сейчас и поместить его в нашем семейном захоронении". Иаков: "Нет, сын мой, этого ты не можешь сделать. Я не хотел хоронить ее таким образом, но Господь повелел это ". Причина этого повеления заключалась в том, что Бог знал, что Храм будет разрушен, а Израиль будет уведен в изгнание, и изгнанники будут просить Патриархов ходатайствовать за них перед Богом, но Бог не слушает их. По пути в страну пришельцев они проходили мимо могилы Рахили, бросались на нее и умоляли свою мать заступиться за них перед Богом. И Рахиль молилась Богу за них: "О Господь мира, взгляни на мои слезы и сжался над моими детьми. Но если Ты не сжалишься над ними, тогда возмести мне причиненное мне зло". К ее молитве Бог прислушается, и Он смилостивится над Израилем. Поэтому Рахиль была похоронена таким образом.

Теперь Иаков пожелал благословить сыновей Иосифа, но святой дух побудил его увидеть Иеровоама, потомка Ефрема, и Ииуя, потомка Манассии, как они будут соблазнять Израиль к идолопоклонству, и Шехина оставила его, когда он собирался возложить руки на головы своих внуков. Он сказал Иосифу: "Возможно ли, что ты не женился на матери своих детей по закону?" После этого Джозеф привел свою жену Асенат к своему отцу и, указав на ее брачный контракт, сказал: "Это моя жена, на которой я женился, как подобает, с соблюдением брачного контракта и надлежащей церемонии. Я молю тебя, отец мой, благослови моих сыновей, хотя бы ради этой благочестивой женщины".

Иаков велел своим внукам подойти поближе к нему, и он поцеловал и обнял их в надежде, что его радость о них вернет святого духа, но его надежда была тщетной. Джозеф пришел к выводу, что время для благословения неподходящее, и решил уйти, пока не представится более благоприятная возможность, однако сначала доказав своему отцу, что его сыновья были посвящены в завет Авраама.

Выйдя из комнаты своего отца, наедине со своими сыновьями, он пал ниц перед Богом и умолял Его проявить к нему милосердие, и он повелел своим сыновьям поступить так же, сказав: "Не

довольствуйтесь своим высоким положением, ибо мирские почести - это лишь на время. Умоляй Бога быть милостивым и позволить Шекине снизойти на моего отца, чтобы он благословил вас обоих ". Затем Бог обратился к святому духу: "Как долго еще Джозеф будет страдать? Открой себя скорее и войди в Иакова, чтобы он мог даровать благословения".

По словам Иакова: "Ефрем и Манассия, как Рувим и Симон, будут моими", Иосиф заметил, что отец отдает предпочтение своему младшему сыну Ефрему. Это заставляло его очень беспокоиться о правах первородства своего старшего сына, и он позаботился о том, чтобы поставить двух мальчиков перед своим отцом таким образом, чтобы Манассия стоял по правую руку от Иакова, а Ефрем - по левую.[366] Но Ефрем, из-за своей скромности, был предназначен для более великих свершений, чем его старший брат Манассия, и Бог повелел святому духу побудить Иакова передать первородство Ефрему.[367] Теперь, когда Иосиф увидел, что его отец положил правую руку на голову Ефрема, он попытался убрать ее к голове Манассии. Но Иаков оттолкнул его, сказав: "Что, ты хочешь сместить мою руку против моей воли, руку, которая победила князя ангельского воинства, который размером с треть мира![368] Я знаю вещи, неизвестные тебе — я знаю, что Рувим сделал с Валлой и что Иуда сделал с Фамарь. Насколько больше я знаю вещей, известных тебе![369] Думаешь, я не знаю, что твои братья сделали с тобой, потому что ты ничего не выдавал, когда я спрашивал тебя?[370] Я знаю это, Манассия тоже станет великим, от него произойдет судья Гедеон, но его младший брат будет предком Иисуса Навина, который остановит солнце и луну, хотя они будут владычествовать над всей землей от края до края". Так Иаков поставил Ефрема младшего выше Манассии старшего, и так это оставалось на все времена. В списке поколений Манассия идет после Ефрема, и так было при распределении участков в Святой Земле, и так было при размещении лагерей и знамен колен, и при посвящении Скинии — везде, где Ефрем предшествовал Манассии.[371]

Благословение, дарованное Иаковом своим внукам, было следующим: "О, если бы воля Божья была на то, чтобы вы ходили путями Господними, как мои отцы Авраам и Исаак, [372] и пусть ангел, который искупил меня от всякого зла, окажет свою помощь Иисусу Навину и Гедеону, [373] и явит себя им. Пусть ваши имена будут наречены на Израиле, и подобно рыбам, да вырастете вы во множестве посреди земли, и как рыбы защищены водой, так и вы да будете защищены заслугами Иосифа".[374]

Слова "как рыбы" были использованы Иаковом с целью намекнуть на способ смерти, ожидающий ефремлян, потомков Иосифа. Как рыбу ловят ртом, так и ефремляне в более поздние дни навлекали на себя гибель своей своеобразной шепелявостью. В то же время слова Иакова содержали пророчество о том, что Иисус Навин, сын человека-монахини, "рыбы", приведет Израиль в Святую Землю. И в его словах заключалось еще одно пророчество, касающееся шестидесяти тысяч человек-детей, рожденных в ту же ночь, что и Моисей, - всех их бросили в реку вместе с ним и спасли ради его заслуг. Количество мальчиков, брошенных рыбам в реку в ту ночь, было равно количеству мужчин в Израиле на земле.[375]

Ефрем получил особое благословение от своего деда. Иаков сказал ему: "Эфраим, сын мой, ты глава Академии, и в грядущие дни мои самые выдающиеся и прославленные потомки будут называться Эфрати в честь тебя".[376]

Джозеф получил от своего отца два подарка. Первым был Сихем, город, который Иаков защищал мечом и луком от набегов аморрейских царей, когда они пытались отомстить его сыновьям за учиненное там безобразие. И вторым даром были одежды, сделанные Богом для

Адама и переходившие из рук в руки, пока они не перешли во владение Иакова. Сихем был его наградой, потому что своим целомудрием он остановил волну безнравственности, которая в первую очередь разразилась в Сихеме.[377] Кроме того, у него были предварительные права на город. Сихем, сын Еммора, хозяин города, подарил его Дине, а жена Иосифа, Асенафа, была дочерью Дины, и город принадлежал ему по праву.[378]

Одежду Адама Иаков получил от Исава. Он не отнимал ее у своего брата силой, но Бог велел отдать ее ему в награду за его добрые дела. Они принадлежали Нимроду. Однажды, когда могучий охотник поймал Исава в его владениях и запретил ему выходить на охоту, они договорились определить в бою, каковы их привилегии. Исав посоветовался с Иаковом, и тот посоветовал ему никогда не сражаться с Нимродом, пока тот был одет в одежды Адама. Теперь эти двое боролись друг с другом, и в то время Нимрод не был одет в одежду Адама. В конце концов, он был убит Исавом. Таким образом, одежды, которые носил Адам, попали в руки Исава, от него они перешли к Иакову, и он завещал их Иосифу.[379]

Иаков также научил Иосифа трем признакам, по которым можно отличить истинного икупителя, который должен освободить Израиль из египетского рабства. Он провозглашал Невыразимое Имя, назначал старейшин и использовал слово Пакод, обращаясь к народу.[380]

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ КОЛЕН

Когда Иосиф и двое его сыновей покинули Иакова, его братья, завидуя щедрым благословениям, ниспосланным этим троим, сказали: "Весь мир любит любимца фортуны, и наш отец благословил Иосифа таким образом, потому что он правитель людей". Тогда сказал Иаков: "Ищущие Господа не будут нуждаться ни в чем хорошем. У Меня достаточно благословений для всех".[381]

Иаков вызвал своих сыновей из земли Египетской и велел им прибыть к нему в Рамсес, однако сначала повелел им привести себя в порядок, чтобы благословение, которое он собирался даровать, могло распространиться на них. Еще одно из его повелений состояло в том, что они должны были основать Академию, члены которой должны были управлять ими.

Когда ангелы привели к нему его сыновей, Иаков заговорил, сказав: "Берегитесь, чтобы между вами не возникло разногласий, ибо единение - первое условие искупления Израиля", и он был готов открыть им великую тайну о конце времен, но пока они стояли вокруг золотого ложа, на котором лежал их отец, Шехина посетила его на мгновение и так же быстро ушла, а вместе с ней исчезли и все следы знания великой тайны из разума Иакова.[382] У него был тот же опыт, что и у его собственного отца. отец Исаак, у которого также была потеря памяти, наложенная на него Богом, чтобы помешать ему раскрыть тайну в конце времен Исаву, когда он призвал его получить свое благословение.

Этот несчастный случай заставил Иакова опасаться, что его сыновья недостаточно благочестивы, чтобы считаться достойными откровения о мессианской эре, и он сказал им: "Измаил и сыновья Кетуры были запятнанными среди потомков моего деда Авраама; мой отец Исаак породил запятнанного потомка Исава, и теперь я боюсь, что среди вас тоже есть тот, кто вынашивает намерение служить идолам". Двенадцать человек заговорили и сказали: "Слушай, о Израиль, отец наш, Вечный Бог наш есть Единый Бог. Как твое сердце едино в

провозглашении Святого, да будет Он благословен, что является твоим Богом, так и наши сердца едины в провозглашении Его". На что Иаков ответил: "Да будет хвалено Имя славы Его величества во веки веков!"[383] И хотя вся тайна мессианского времени не была сообщена сыновьям Иакова, все же благословение каждого содержало некоторую отсылку к событиям будущего.

Это были слова, обращенные Иаковом к своему старшему сыну: "Рувим, ты мой первенец, моя мощь и начало моей силы! Твоя доля должна была составлять три короны. Ты должен был получить двойное наследство первородства, священнического сана и королевской власти. Но из-за твоего греха первородство даровано Иосифу, царствование - Иуде, а священство - Левию. Сын мой, я не знаю для тебя исцеляющего средства, но человек Моисей, который вознесется к Богу, он исцелит тебя, и Бог простит твой грех.[384] Я благословляю тебя — пусть твои потомки будут героями в Торе и героями на войне.[385] Хотя ты должен потерять свое право первородства, все же ты будешь первым, кто вступит во владение своим наделом в Святой Земле, и на твоей территории будет первый из городов-убежищ, и всегда твое имя будет стоять первым в списке семей племен. Да, ты также будешь первым, чье наследство будет захвачено врагом, и первым, кого унесут в земли изгнания".[386]

После того, как Рувиму таким образом "надрали уши", он удалился, а Иаков подозвал к себе своих сыновей Симона и Левия и обратился к ним с такими словами: "Братья вы были из Дины, но не из Иосифа, которого вы продали в рабство. Орудия насилия, которыми вы поразили Сихем, были украденным оружием, ибо вам не подобало обнажать меч. Такова была доля Исава. Ему было сказано: "От твоего меча ты будешь жить". В совет колена Симонова душа моя не войдет, когда они соберутся в Ситтими, чтобы творить порочные дела, и слава моя не будет объединена с собранием Кореев, потомков Левия. В своем гневе Симон и Левий убили князя Сихемского и по своему своеволию продали быка Иосифа в рабство. Проклятым был город Сихем, когда они вошли, чтобы разрушить его. Если они останутся едины, ни один правитель не сможет устоять перед ними, ни одна война против них не увенчается успехом. Поэтому я разделю и рассею их владения среди владений других племен. Потомки Симона, многие из них, будут бедняками, которые будут скитаться от колена к колену и просить милостыню на хлеб, а также племя Левия будет собирать свою десятину и дары со всех остальных".

Слова Иакова: "Я разделю их в Иакове", сказанные о Симоне и Леви, исполнились, в частности, на Симоне. Когда двадцать четыре тысячи симонов пали при Ситтими, вдовы, которых они оставили после себя, вышли замуж за мужей из всех других колен. Тем не менее Иаков не уволил Симона и Левия, не благословив их; племя Симона должно было произвести на свет учителей и бидлов, в которых нуждался весь Израиль, а Леви - ученых, которые толковали бы Тору и принимали решения в соответствии с ее учением.[387]

Когда остальные сыновья Иакова услышали упреки, высказанные их отцом этим троим, они испугались услышать подобные упреки и попытались ускользнуть от него. Особенно Иуда был встревожен тем, что его отец мог насмеяться над ним за его проступок, касающийся Фамарь. Но Иаков так сказал ему: "Иуда, ты заслуживаешь своего имени. Твоя мать назвала тебя Иегуда, потому что она воздала хвалу Богу при твоём рождении, и так будут восхвалять тебя твои братья, и все они будут называть себя твоим именем. И как ты открыто исповедал свой грех, так и твои потомки, Ахан, Давид и Манассия, публично признаются в своих грехах, и Господь услышит их молитву. Твои руки будут метать стрелы вслед убегающему врагу, и сыновья твоего отца будут

оказывать тебе уважение. У тебя наглость собаки и храбрость льва. Ты спас Иосифа от смерти, а Фамарь и двух ее сыновей - от пламени. Ни один народ и ни одно царство не смогут устоять против тебя. Правители не прекратятся из дома Иудина, ни учителя закона из его потомства, пока не придет его потомок Мессия, и ему не будут повиноваться все народы. Как славен Мессия из Дома Иудина! Препоясав чресла, он выйдет на битву со своими врагами. Ни один царь и ни один правитель не одолеет его. Горы окрасятся в красный цвет от их крови, и одежды Мессии будут подобны одеждам того, кто отжимает вино. Глаза Мессии будут чище чистого вина, ибо они никогда не увидят нечестия и кровопролития; и его зубы будут белее молока, ибо они никогда не укусят то, что взято насилием".[388]

Хотя Иссахар был старше, следующим получил благословение Зебулон в награду за жертву, которую он принес ради своего брата, ибо, когда Иссахар выбрал изучение Торы своим призванием, Зебулон решил посвятить себя бизнесу и поддерживать своего брата прибылью от своей торговли, чтобы тот мог без помех отдаться закону.[389] Его благословением было то, что он завоюет морское побережье вплоть до Зидона.[390]

"Иссахар, - сказал Иаков, - возьмет на себя бремя изучения Торы, и все остальные племена придут к нему и попросят разрешить их сомнения по юридическим вопросам, а его потомки станут членами Синедриона и учеными, которые займутся составлением календаря". Иаков также благословил Иссахара благословением на то, чтобы плоды его земли были чрезвычайно большими, и это принесло как небесную, так и земную прибыль, ибо, когда язычники, которым были проданы плоды, удивились этому, еврейские торговцы объяснили, что их необычайный размер объясняется заслугами колена Иссахара, которого Бог вознаградил за их преданность Торе, и таким образом многие язычники были обращены в иудаизм.[391]

Благословляя Дана, мысли Иакова были заняты главным образом его потомком Самсоном, который, подобно Богу, без какой-либо посторонней помощи даровал победу своему народу. Иаков даже поверил, что этот сильный, героический человек - Мессия, но когда ему открылась смерть Самсона, он воскликнул: "Я жду Твоего спасения, о Господь, ибо Твоя помощь на всю вечность, в то время как помощь Самсона - только на время.[392] Искупление, - продолжал Иаков, - совершит не Самсон Данитянин, а Илия Гадитянин, который явится в конце времен".[393]

Благословением Ашера была красота его женщин, на которых короли и первосвященники хотели жениться.[394]

В земле Неффалима все плоды созревали быстро, и их приносили в дар царям, и они снискали царскую милость у дарителей. Это благословение исполнилось на равнине Геннисарет.[395] В то же время благословение Неффалима было пророчеством о его потомке Деворе, которая была подобна лани, выпущенной на волю против Сисары, чтобы победить его, и она произнесла хорошие слова в своей песне о победе Израиля.[396] Сам Неффалим заслуживал описания, применяемого к Деворе, ибо он был быстр, как олень, исполняя волю Божью, и он был быстрым посланником к своему отцу и племенам. Они посылали его, куда хотели, и он быстро выполнял их поручения.[397] Он служил братьям Иосифа глашатаем, чтобы объявить Иакову радостную весть: "Иосиф еще жив", и когда пораженный отец увидел его приближение, он сказал: "Вот, сюда идет Неффалим милый, который возвещает мир".[398]

Благословение Джозефа превзошло благословение всех его братьев. Иаков сказал: "О сын, которого я вырастил, Иосиф, которого я вырастил и который был силен противостоять соблазнам греха, ты победил всех магов и мудрецов Египта своей мудростью и своими благочестивыми делами. Дочери князей бросали перед тобой свои драгоценности, чтобы привлечь к ним твой взор, когда ты проходил по земле Египетской, но ты не смотрел в их сторону, и поэтому тебя сделали отцом двух колен. Маги и мудрецы Египта пытались опорочить тебя перед фараоном и оклеветать тебя, но ты возлагал свою надежду на Всемогущего. Поэтому пусть Тот, кто явился мне как Эль-Шаддай, благословит тебя и дарует тебе плодородную землю и много скота. Пусть благословение, которое твой отец дает тебе сейчас, и благословение, которое дали ему его отцы Авраам и Исаак и которое вызвало зависть великих мира сего, Измаила, Исава и сыновей Кетуры, — пусть все эти благословения станут короной на голове Иосифа и цепью на шее того, кто был правителем Египта и при этом не умалил чести, причитающейся его братьям".[399]

Клевета, о которой говорил Иаков, относилась к тому, что Потифар сказал об Иосифе перед фараоном. Он жаловался, говоря: "Почему ты назначил моего раба, которого я купил за двадцать сребреников, правителем египтян?" Тогда Джозеф выступил в свою защиту, сказав: "Когда ты купил меня как раба, ты совершил тяжкое преступление. Только потомок Ханаана может быть продан в рабство, а я потомок Сима и к тому же принц. Если ты хочешь убедиться в правдивости моих слов, просто сравни меня с образом моей матери Сарры, который сделал с ней фараон!" Они принесли портрет Сарры, и действительно, оказалось, что Иосиф похож на свою прародительницу, и все были убеждены в его благородном происхождении.[400]

Благословение, которое Иаков даровал Вениамину, содержит пророчество о том, что его племя даст Израилю его первого правителя и его последнего правителя, и так оно и было, ибо и Саул, и Есфирь принадлежали к колену Вениамина. Точно так же наследие Вениамина на Святой Земле таит в себе две крайности: Иерихон созревает раньше, чем любой другой регион Палестины, в то время как Бет-эль созревает позже всех. В благословении Вениамина Иаков упомянул также службу в Храме, потому что Святое Место находилось на территории Вениамина. И когда Иаков назвал своего младшего сына волком, который овладевает, он имел в виду судью Эхуда, великого ученого, вениамитянина, который победил Эглона, царя Моавитского, а также он имел в виду вениамитян, которые хитростью и силой захватывали своих жен.[401]

Опять же, если он назвал Вениамина волком, Иуду львом, а Иосифа быком, он хотел указать на три царства, известные как волк, лев и бык, судьба которых была и будет решена потомками трех его сыновей: Вавилон, царство льва, пал от рук Даниила из колена Иудина; Мидия, волк, нашел своего хозяина в Вениамине Мардохее; и бык Иосиф покорит рогатого зверя, царство зла, до наступления мессианских времен.[402]

СМЕРТЬ ДЖЕЙКОБА

После того, как Иаков благословил каждого из своих сыновей по отдельности, он обратился ко всем им вместе, сказав: "По мере сил моих я благословил вас, но в будущие дни восстанет пророк, и этот человек Моисей тоже благословит вас, и он продолжит мои благословения с того места, на котором я остановился". Кроме того, он добавил, что благословение каждого колена должно служить благу всех других колен: колено Иуды должно иметь долю в прекрасной

пшенице колена Вениамина, а Вениамин должен наслаждаться хорошим ячменем Иуды. Племена должны быть взаимопомощны друг другу.[403]

Более того, он приказал им не быть виновными в идолопоклонстве ни в какой форме и не позволять богохульным речам слетать с их уст, и он научил их порядку транспортировки его гроба, [404] таким образом: "Иосиф, будучи царем, не должен помогать нести его, как и Левий, которому суждено нести Ковчег Шекины. Иуда, Иссахар и Завулон возьмутся за его передний конец, Рувим, Симон и Гад - за правую сторону, Ефрем, Манассия и Вениамин - за самый задний конец, а Дан, Асир и Неффалим - за левую сторону". И это был порядок, в котором племена, неся каждое свое знамя, должны были пройти маршем через пустыню, а Шекина обитала посреди них.[405]

Тогда Иаков обратился к Иосифу, говоря: "А ты, сын мой Иосиф, прости своим братьям их вину перед тобою, не оставляй их и не огорчай их, ибо Господь предал их в твои руки, чтобы ты защищал их во все дни твои от египтян".

Также он увещевал своих сыновей, говоря, что Господь будет с ними, если они пойдут Его путями, и Он спасет их из рук египтян. "Я знаю, - продолжал он, - что великие страдания постигнут твоих сыновей и внуков на этой земле, но если ты будешь повиноваться Богу и научишь своих сыновей познавать Его, тогда Он пошлет тебе искупителя, который выведет тебя из Египта и приведет в землю твоих отцов".[406]

Покорившись воле Божьей,[407] Иаков ожидал своего конца, и смерть мягко окутала его. Не Ангел Смерти оборвал его жизнь, но Шекина поцелуем забрала его душу. Кроме трех Патриархов, Авраама, Исаака и Иакова, только Моисей, Аарон и Мириам испустили дух таким образом, через поцелуй Шекины. И эти шестеро, вместе с Бенджамином, - единственные, чьи трупы не подвергаются разрушительному воздействию червей, и они не разлагаются.

Так Иаков покинул этот мир и вступил в мир грядущий, предвкушением которого он наслаждался здесь, внизу, подобно двум другим Патриархам, и никому другому среди людей. В другом отношении их жизнь в этом мире напоминала их жизнь в мире грядущем, злые наклонности не имели над ними власти ни здесь, ни там, в чем Давид походил на них.[408]

Иосиф приказал положить тело своего отца на ложе из слоновой кости, покрытое золотом, усыпанное драгоценными камнями и задрапированное биссусом и пурпуром. Рядом с ним было разлито ароматное вино, а рядом горели ароматные специи. Герои из дома Исава, принцы из рода Измаила и лев Иуда, храбрейший из его сыновей, окружали роскошные гробницы Иакова. "Пойдемте, - сказал Иуда своим братьям, - давайте посадим высокий кедр у изголовья могилы нашего отца, его вершина будет достигать небес, его ветви будут осенять всех жителей земли, а его корни будут уходить глубоко в землю, в бездну. Ибо от него произошли двенадцать колен, и от него произойдут цари и правители, отряды священников, готовых совершать жертвоприношения, и отряды левитов, готовых петь псалмы и играть на сладких инструментах".[409]

Сыновья Иакова разорвали свои одежды и препоясали свои чресла вретischem, бросились на землю и посыпали головы землей, пока пыль не поднялась высоким облаком. И когда Асенаф, жена Иосифа, услышала весть о смерти Иакова, она пришла, и с ней пришли женщины Египта, чтобы плакать и оплакивать его. И жители Египта, знавшие Иакова, отправились туда, и они

скорбели день за днем, а также многие отправились в Египет из Ханаана, чтобы принять участие в семидневном трауре, установленном по нему.[410]

Египтяне говорили друг другу, говоря: "Давайте оплакивать благочестивого человека Иакова, потому что бедствие голода было предотвращено на нашей земле благодаря его заслугам", ибо вместо того, чтобы опустошать землю в течение сорока двух лет, согласно указу Божьему, голод продолжался всего два года, и это было благодаря добродетелям Иакова.[411]

Джозеф приказал врачам забальзамировать труп. Этого ему следовало воздержаться, ибо это было неуютно Богу, который заговорил, сказав: "Разве у меня нет силы сохранить тело этого благочестивого человека от тления? Разве не я произнес ободряющие слова: "Не бойся червя, о Иаков, ты, мертвый Израиль"? Наказанием Иосифа за эту бесполезную предосторожность было то, что он первым из сыновей Иакова принял смерть.[412] С другой стороны, египтяне, посвятившие сорок дней бальзамированию трупа и подготовке его к погребению, были вознаграждены за проявленное ими почитание. Прежде чем разрушить их город, Бог дал ниневитянам сорокадневную отсрочку из-за их царя, который был фараоном Египта. И за двадцать десять дней траура, которые язычники устроили по Иакову, они были вознаграждены во времена Артаксеркса. В течение семидесяти дней, с тринадцатого Нисана, даты указа Амана, предписывающего истребление евреев, до двадцать третьего Сивана, когда Мардохей напомнил об этом, им было разрешено пользоваться абсолютной властью над евреями.

Когда все приготовления к погребению Иакова были завершены, Иосиф попросил разрешения фараона перевезти тело в Ханаан. Но сам он не пошел, чтобы обратиться со своим прошением к фараону, потому что не мог предстать перед царем в одежде плакальщика и не желал прерывать свои стенания по отцу даже на короткое время, предстать перед фараоном и отдать предпочтение его прошению. Он попросил семью фараона заступиться за него перед царем по той дополнительной причине, что он хотел заручиться благосклонностью родственников царя, чтобы они не посоветовали фараону не выполнять его желание. Он действовал в соответствии с максимой: "Стремись расположить к себе обвинителя, чтобы он не причинял тебе раздражения".[413]

Иосиф сначала обратился к парикмахеру королевы, и она убедила королеву благосклонно отнестись к нему, а затем королева замолвила за него словечко перед королем.[414] Сначала фараон отказал в разрешении, которого добивался Иосиф, который, однако, убедил его учесть торжественную клятву, которую он дал своему умирающему отцу, похоронить его в Ханаане. Фараон пожелал, чтобы он попросил отпущения грехов от клятвы. Но Иосиф возразил: "Тогда я также попрошу отпущения грехов от клятвы, которую я дал тебе", имея в виду инцидент из его более ранней истории. Вельможи Египта советовали фараону не назначать Иосифа наместником, и они не отступали от этого совета до тех пор, пока Иосиф в своей беседе с египетским царем не доказал, что владеет семьюдесятью языками мира - необходимым условием, которое должно быть выполнено, прежде чем человек сможет стать правителем Египта. Но этот разговор доказал кое-что еще: сам фараон не имел права на египетское царствование, потому что ему не хватало знания иврита. Он боялся, что, если правда станет известна, Джозеф займет подходящее ему место, потому что он знал иврит помимо всех других языков. В тревоге и огорчении фараон заставил Иосифа поклясться никогда не выдавать незнания царем иврита. Теперь, когда Джозеф пригрозил освободить себя от этой клятвы, а

также от клятвы своему умирающему отцу, его охватил великий ужас, и он быстро разрешил Джозефу отправиться в Ханаан и похоронить там своего отца.[415]

Более того, фараон издал указ во всех частях страны, угрожая смертью тем, кто не будет сопровождать Иосифа и его братьев в их путешествии в Ханаан с останками их отца, и, соответственно, процессия, следовавшая за гробом Иакова, состояла из принцев и знати Египта, а также простых людей.[416] Носилки несли сыновья Иакова. Повинуясь его желанию, даже их детям не разрешалось прикасаться к нему.[417] Он был сделан из чистого золота, его кайма инкрустирована камнями оникса и бделлиумом, а крышка была соткана из золота и соединена с носилками нитями, которые скреплялись крючками из камней оникса и бделлия. Джозеф возложил большую золотую корону на голову своего отца и вложил ему в руку золотой скипетр, облакая его как живого короля.

Похоронный кортеж был выстроен в таком порядке: первыми прибыли доблестные люди фараона и доблестные люди Иосифа, а затем остальные жители Египта. Все они были опоясаны мечами и облачены в кольчуги, и на них были все атрибуты войны. Плакальщики и плакальщицы шли, плача и причитая, на некотором расстоянии от гроба, а остальные люди шли за ним, в то время как Джозеф и его домочадцы вместе следовали за ним, босые и в слезах, а слуги Джозефа были рядом с ним, каждый со своим снаряжением и боевым оружием. Пятьдесят слуг Иакова шли впереди носилок, посыпая дорогу миррой и всевозможными благовониями, так что сыновья Иакова наступали на ароматические приправы, когда несли тело вперед.

Таким образом, процессия двигалась дальше, пока не достигла Ханаана. Он остановился у гумна Атада, и там они оплакивали его очень великим и болезненным плачем.[418] Но величайшей честью, оказанной Иакову, было присутствие Шекины, которая сопровождала кортеж.[419]

Сначала хананеи не собирались участвовать в трауре по Иакову, но когда они увидели оказанные ему почести, они присоединились к процессии египтян,[420] распустив пояса своих одежд в знак скорби.[421] Также появились сыновья Исава, Измаил и Кетура, хотя их намерением было воспользоваться случаем и пойти войной на сыновей Иакова, но когда они увидели корону Иосифа, подвешенную к носилкам, цари и князья Эдомитов и Измаилитов последовали его примеру, и прикрепили к нему свои короны, и он был украшен тридцатью шестью коронами.

Тем не менее конфликт предотвратить не удалось; в конце концов он вспыхнул между сыновьями Иакова и Исава и его последователями. Когда первые собирались опустить тело своего отца в пещеру Махпела, Исав попытался воспрепятствовать этому, сказав, что Иаков использовал отведенную ему часть гробницы для Лии, и единственное место, оставшееся для могилы, принадлежало ему самому. Ибо, продолжал Исав, "хотя я и продал свое первородство Иакову, у меня все же есть доля в гробнице как у сына Исаака". Сыновья Иакова, однако, были хорошо осведомлены о том факте, что их отец приобрел долю Исава в пещере, и они даже знали о существовании купчей, но Исав, справедливо полагая, что документ остался в Египте, отрицал, что что-либо подобное когда-либо оформлялось, и сыновья Иакова послали Неффалима, быстроходного гонца, обратно в Египет за счетом. Тем временем, пока продолжалась эта перепалка между Исавом и остальными, Хушим, сын Дана, встал и с удивлением спросил, почему они не приступили к погребению Иакова, ведь он был глух и не понимал слов, которыми обменялись спорящие. Когда он услышал, в чем дело, и что церемонии

были прерваны до тех пор, пока Неффалим не вернется из Египта с купчей, он с негодованием воскликнул: "Мой дед будет лежать здесь непогребенным, пока Неффалим не вернется!" и он схватил дубинку и нанес Исаву сильный удар, так что он умер, и его глаза вылезли из орбит и упали на колени Иакова, а Иаков открыл свои собственные глаза и улыбнулся. Поскольку Исав был мертв, погребение его брата могло проходить беспрепятственно, и Иосиф похоронил его в пещере Махпела в соответствии с его желанием.

Другие его дети оставили все приготовления, связанные с захоронением тела их отца, своему брату Иосифу, поскольку они считали, что для Иакова было бы большей честью, если бы царь заботился о его останках, а не о простых частных лицах.[422]

Голова Исава, когда он лежал убитый рядом с могилой Иакова, скатилась в Пещеру и упала на колени Исааку, который молил Бога смириться над его сыном, но его мольбы были напрасны. Бог заговорил, сказав: "Пока я жив, он не узрит величия Господа".[423]

СЫНОВЬЯ Иакова ВОЮЮТ С СЫНОВЬЯМИ ИСАВА

После того как Иаков был погребен с царской пышностью и семидневный траур закончился, конфликт между сыновьями Иакова и сыновьями Исава вспыхнул с новой силой. В стычке, последовавшей, когда Исав предъявил претензии на место в пещере Махпела, в то время как останки его брата все еще лежали непогребенными, он потерял сорок своих людей, и после его смерти удача так же мало благоволила к его сыновьям. Восемьдесят их последователей были убиты, в то время как из сыновей Иакова не погиб ни один. Иосифу удалось захватить Цефо, сына Елифаза, и пятьдесят его людей, и он заковал их в цепи и увез в Египет. После этого остальная часть атакующей армии во главе с Елифазом бежала к горе Сеир, прихватив с собой обезглавленный труп Исава, чтобы похоронить его на своей территории. Сыновья Иакова погнались за ними, но никого не убили из уважения к останкам Исава.

На третий день собралось большое войско, состоящее из жителей Сеира и детей Востока, и они двинулись в Египет с целью начать войну против Иосифа и его братьев. В завязавшемся сражении эта армия была почти полностью уничтожена, не менее шестисот тысяч человек были скошены Джозефом и его воинами, а небольшой остаток поспешно бежал. Вернувшись в свою страну после этого рокового похода, сыновья Исава и сыновья Сеира начали ссориться между собой, и сыновья Сеира потребовали, чтобы их бывшие союзники покинули это место, потому что именно они навлекли несчастье на страну.

После этого сыновья Исава тайно отправили гонца к своему другу Агнии, царю Африки, умоляя его о помощи против сынов Сеира. Он удовлетворил их просьбу и послал им войска, состоящие из пеших и конных воинов. Сыны Сеира, со своей стороны, также искали союзников и заручились помощью сынов Востока и мадианитян, которые предоставили в их распоряжение воинов. В последовавших столкновениях между враждебными силами сыновья Исава терпели поражения снова и снова, отчасти из-за предательства в их собственных рядах, поскольку их люди иногда переходили к врагу во время боя. Однако, наконец, в битве, произошедшей в пустыне Фаран, сыновья Исава одержали решающую победу. Они перебили всех воинов сынов Сеира, а мадианитяне и дети Востока были обращены в бегство.

После этого сыновья Исава вернулись в Сеир и перебили всех жителей того места, мужчин, женщин и детей, пощадив только пятьдесят юношей и дев. Первых они использовали как рабынь, а вторую взяли в жены. Они также обогатились добычей, захватив все имущество сыновей Сеира, и вся земля была разделена между пятью сыновьями Исава. Теперь эти потомки Исава решили поставить над собой царя, но вследствие предательства, совершенного во время войны, среди них возобладала такая ненависть и ожесточение, что они решили никогда не назначать правителя из своего собственного народа. Их выбор пал на Белу, сына Беора, одного из воинов, посланных к ним королем Агнией. Среди союзных войск нельзя было найти равного ему по храбрости, мудрости и красивой внешности. Они возложили ему на голову царскую корону, построили для него дворец и дарили ему серебро, золото и драгоценные камни, пока он не зажил в великой роскоши. Он счастливо правил тридцать лет и затем встретил свою смерть в войне против Иосифа и его братьев.

Эта война началась потому, что сыновья Исава не смогли изгнать из своей памяти позор поражения, нанесенного им Иосифом и его народом. Заручившись помощью Агнии, измаильтян и других народов Востока, они отправились во второй поход против Египта в надежде освободить Цефо и его последователей из рук Иосифа. Несмотря на их огромное войско — у них было не менее восьмисот тысяч человек пехоты и кавалерии — они потерпели поражение при Рамсесе от Иосифа, его братьев и их небольшого отряда из шестисот человек. Кроме своего короля Белы, они оставили на поле боя четвертую часть своей армии. Потеря их царя сильно обескуражила их, и они обратились в бегство под натиском Иосифа, который зарубил многих беглецов.

Вернувшись с битвы, Иосиф приказал надеть кандалы на Зефо и его последователей, и их пленение стало для них еще более горьким, чем было прежде.

Сыновья Исава назначили Иовава из Бозры преемником своего умершего царя Белы. Его правление длилось десять лет, но они воздержались от всех дальнейших попыток вести войну с сыновьями Иакова. Их последний опыт общения с ними был слишком болезненным, но вражда, которую они лелеяли против них, была еще яростнее, и их ненависть никогда не ослабевала.

Их третьим царем был Хушам, и он правил ими двадцать лет. Во время своего правления Цефо удалось совершить побег из Египта. Он был любезно принят Агнией, королем Африки, и назначен главнокомандующим его войсками. Он использовал все средства убеждения, чтобы побудить своего владыку вступить в войну с Египтом, но тщетно, ибо Агния была слишком хорошо знакома с силой и героизмом сыновей Иакова. В течение многих лет он сопротивлялся доводам и уговорам Зефо. Действительно, у Агнии и так было полно дел с другими военными предприятиями. Примерно в это же время случилось так, что человек из страны Киттим по имени Узи, которого его соотечественники почитали как бога, умер в городе Позимана, оставив после себя красивую и умную дочь. Агния услышал о красоте и мудрости Янии и попросил ее руки, и жители Киттима удовлетворили его просьбу.

Посланцы Агнии спешили прочь из Киттима, неся своему господину обещание жителей, что Яния станет его женой, когда Турн, король Беневенто, прибыл с тем же поручением. Его иск был отклонен, потому что жители Киттима боялись нарушить обещание, данное Агнии. В гневе Турн отправился на Сардинию войной на короля Лукуса, брата Агнии, намереваясь расправиться с последним, как только тот будет обезврежен. Услышав о замысле Турна, Агний поспешил на Сардинию на помощь своему брату, и в долине Кампании произошло сражение. Против Турна

были выдвинуты Агний, его брат Лукус и сын последнего Нибл, которого его отец назначил главнокомандующим сардинскими войсками. В первом столкновении Турн вышел победителем, и сардинцы потеряли своего генерала Ниблоса. Но во втором сражении армия Турна была полностью разгромлена, а сам он остался лежать мертвым на поле боя. Его армия обратилась в бегство, преследуемая Агнией до перекрестка дорог между Римом и Альбано. Тело Ниблоса поместили внутрь золотой статуи, а его отец воздвиг высокую башню над его могилой, а другую - над могилой Турна, и эти два здания, соединенные мраморной мостовой, стоят напротив друг друга, на перекрестке дорог, на котором Агния прекратила преследование армии беглецов.

Король Африки направился к городу Беневенто, но не предпринял никаких суровых мер против него и его жителей, потому что в то время он принадлежал земле Киттим. Однако с тех пор отряды солдат из Африки время от времени совершали набеги на землю Киттим под предводительством Зефо, капитана африканской армии. Агния тем временем отправилась в Позиману, чтобы отпраздновать свой брак с Янией, и он вернулся с ней в свою столицу в Африке.[424]

ЗЕФО , КОРОЛЬ КИТТИМА

Все это время Зефо не переставал убеждать Агнию вторгнуться в Египет, и в конце концов ему удалось убедить царя прислушаться к его желанию, и против Египта и сыновей Иакова была снаряжена огромная армия. Среди щитоносцев был Валаам, пятнадцатилетний сын Веора, мудрый юноша и знаток магии, и царь приказал ему ознакомить его с исходом войны, в которую они вступали. Валаам взял воск и вылепил человеческие фигурки, изображающие армию Агнии и армию египтян, окунул их в волшебную воду и позволил им плавать, и оказалось, что африканская армия была покорена египтянами. Соответственно, Агния отказалась от кампании, и Зефо, видя, что его государя невозможно убедить вступить в войну с сыновьями Иакова, бежал из страны и отправился в Киттим.

Жители Киттима приняли его с великими почестями и предложили много денег за то, чтобы он остался с ними и вел их войны. Однажды, когда Зефо был в горах Коптизии, где жители Киттима нашли убежище от войск африканского короля, случилось так, что ему пришлось отправиться на поиски заблудившегося быка, и он обнаружил пещеру, вход в которую был завален большим камнем. Он расколол камень на куски и, войдя в пещеру, увидел животное, похожее сверху на человека, а снизу на козла, и убил странного зверя, который как раз собирался пожирать его потерянного быка. Среди жителей Киттима была великая радость, ибо чудовище уже давно причиняло опустошение их скоту, и в благодарность они выделили один день в году, который называли именем Зефо, в честь своего освободителя, и все люди приносили ему подарки и приносили жертвы.

В это время было так, что Яния, жена короля Агнии, заболела тяжелой болезнью, и врачи приписали ее болезнь климату и воде Африки, к которой она, уроженка земли Киттим, не могла привыкнуть, потому что у нее была привычка использовать воду реки Формы, которую ее предки тянули к ее дому по трубопроводу. Агниас отправился в страну Киттим и приказал доставить часть воды Формы в Африку. Обнаружив, что она намного легче воды его собственной страны, он построил огромный канал из страны Киттим. в Африку, и отныне у королевы было столько

воды, сколько ей было нужно. Кроме того, он взял землю и камень у Киттима и построил дворец для Янии, и она оправилась от своей болезни.

Тем временем Зефо одержал решающую победу над африканскими войсками, вторгшимися в страну Киттим, и народ избрал его королем. Его первым предприятием был поход против сынов Тубала и Морских островов, и снова он добился успеха, он полностью подчинил их себе. По его возвращении народ построил для Зефо большой дворец и восстановил его царствование, и он продолжал править Киттимом и Италией до самой своей смерти.

В течение первых тринадцати лет его правления африканцы не предпринимали попыток нарушить покой Киттима, но затем они вторглись в страну, только для того, чтобы получить жестокий отпор от Зефо, который преследовал войска до самых границ Африки, и король Агния был в таком смятении, что некоторое время не решался предпринять ответные действия. Когда он, наконец, предпринял вторую попытку, его войска были уничтожены Зефо до последнего человека. Тогда Агний в отчаянии собрал всех жителей Африки, многочисленных, как песок на морском берегу, и объединил свое огромное войско с армией своего брата Лукуса, и таким образом предпринял свою третью попытку напасть на Зефо и народ земли Киттим.

Встревоженный Зефо написал своим братьям в Сеир и умолял их царя Хадада прислать ему помощь. Но народ Сеира заключил союз с Агнией еще при их первом короле Беле, и они отказали Зефо в просьбе, и королю Киттима пришлось столкнуться с войском в восемьсот тысяч человек, собранных Агнией со своим маленьким трехтысячным отрядом. Тогда народ Киттима обратился к своему царю Цефо, говоря: "Молись за нас Богу твоих предков. Может быть, Он избавит нас от руки Агнии и его армии, ибо мы слышали, что Он великий Бог, и Он спасает всех, кто уповает на Него". Зефо молился Господу, говоря: "О Господь, Бог Авраама и Исаака, отцов моих, пусть сегодня станет известно, что Ты истинный Бог, а все боги народов тщетны и бесполезны. Вспомни теперь мне в этот день Твой завет с Авраамом, нашим отцом, который передали нам наши предки, и окажи мне милость в этот день ради Авраама и Исаака, наших отцов, и спаси меня и сыновей Киттима от руки короля Африки, который выступил против нас на битву".

Бог внял молитве Зефо, и в первый день сражения пала половина африканской армии. Агния немедленно разослал по своей стране указ, предписывающий под страхом смертной казни и конфискации имущества, чтобы все мужчины страны, включая мальчиков, которым исполнилось десять лет, вступали в армию и сражались против народа Киттим. Несмотря на эти новые вторжения, численностью в триста тысяч человек, Агния снова потерпела поражение от Зефо во второй битве. Африканский полководец Сосипатр пал убитым, войска обратились в бегство, во главе их стояли Агний с братом Лукусом и Асдрубалом, сыном Агния. После этого страшного поражения африканцы больше не предпринимали попыток нарушить покой Киттима, и их вторжения прекратились навсегда.

Несмотря на великую победу, которую Зефо одержал с Божьей помощью, царь Киттима шел идолопоклонническими путями народа, которым он правил, и путями сынов Исава, ибо, как гласит пословица древних, "От нечестивых исходит нечестие", а Зефо был не кем иным, как остальными сыновьями Исава.

Жестокое поражение, нанесенное Агии, вынудило Валаама перебраться из Африки в Киттим, и Зефо принял его с большими почестями, который приветствовал его из-за его глубокой мудрости.

Теперь Зефо решил, что для него настало время осуществить свой план мести потомству Иакова, тем более что тем временем умер Иосиф, а также его братья и доблестные люди фараона. К нему присоединились в этом предприятии Хадад, царь Эдома, а также народы Востока и измаильтяне. Армия союзников была настолько огромной, что пространство, которое она занимала, стоя рядами, равнялось трем дням пути. Он выстроился в боевой порядок в долине Патрос, и его встретили триста тысяч египтян и сто пятьдесят израильтян из Гесема. Но египтяне не доверяли израильтянам, они боялись их перехода на сторону сыновей Исава и Измаила. Поэтому они заключили с ними соглашение о том, что израильтяне не должны приходить на помощь египтянам до тех пор, пока не станет ясно, что враг одерживает верх

Зефо, который был высокого мнения о способностях Валаама, пожелал, чтобы он использовал свое магическое искусство и выяснил, каков будет исход войны, но знания Валаама подвели его, он не смог удовлетворить желание царя. Египтянам досталось самое худшее в первом столкновении двух враждебных армий, но ситуация изменилась, как только они призвали израильтян на помощь. Израильтяне молились Богу, чтобы Он поддержал их Своей помощью, и Господь услышал их молитву. Затем они бросились на Цефо и его союзников, и после того, как они зарубили несколько тысяч человек, врагами овладели такое смятение, что они поспешно бежали, преследуемые израильтянами до границы страны. Египтяне, вместо того чтобы прийти на помощь израильтянам, обратились в бегство, предоставив небольшому отряду своих союзников расправляться с огромным войском своих противников. Озлобленные таким обращением, израильтяне убили до двухсот египтян под предлогом того, что считали их принадлежащими врагу.[425]

НАЦИИ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

Хададу, царю Эдома, который не смог снискать славы и почестей в египетской кампании, улыбнулась удача в другой войне, войне против Моава. Моавитяне боялись встречаться с Хададом в одиночку и заключили союз с мадианитянами. В разгар сражения моавитяне бежали с поля битвы, бросив мадианитян на произвол судьбы, и эти их покинутые союзники были перебиты Хададом и его эдомитянами до одного человека. Моавитяне спасли свои шкуры и пострадали лишь от неудобств, связанных с необходимостью платить дань. Чтобы отомстить за проявленное по отношению к ним вероломство, мадианитяне при поддержке своих родственников, сыновей Кетуры, собрали могучее войско и напали на моавитян в следующем году. Но Хадад пришел им на помощь и снова нанес мадианитянам тяжелое поражение, которым пришлось отказаться от своего плана мести Моаву. Это начало закоренелой вражды между моавитянами и мадианитянами. Если хоть один моавитянин будет пойман в земле Мадиамской, его убьют без пощады, и мадианитянину в Моаве живется не лучше.

После смерти Хадада эдомитяне провозгласили своим царем Самлу из Масреки, и он правил восемнадцать лет. Он хотел встать на сторону Агии, старого союзника эдомитян, и наказать Цефо за то, что тот пошел на него войной, но его народ, эдомитяне, не позволил ему предпринять что-либо враждебное их родственнику, и Самле пришлось отказаться от этого

плана. На четырнадцатом году правления Самлы умер Цефо, пробыв царем Киттима пятьдесят лет. Его преемником был Янус, один из жителей Киттима, который правил не менее долго.

Валаам бежал в Египет после смерти Цефо, и царь и вся знать приняли его там с большим почетом, и фараон назначил его царским советником, ибо он много слышал о его необычайной мудрости.

В Эдомитском царстве Самлу сменил Саул из Петора, юноша необычайной красоты, чье правление длилось сорок лет. Его преемником на троне был Баал-Хамон, царивший тридцать восемь лет, в течение которых моавитяне восстали против эдомитян, которым они платили дань со времен Хадада, и им удалось сбросить иго чужеземцев.

Повсюду настали смутные времена. Умер Агниас, король Африки, а также умер Янус, король Киттима. Преемники этих двух правителей, Асдрубал, сын Агнии, и Латин, царь Киттима, затем вступили в длительную многолетнюю войну. Сначала военная удача была на стороне Латина. Он приплыл в Африку на кораблях и наносил Асдрубалу одно поражение за другим, и, наконец, этот африканский царь расстался с жизнью на поле боя. Разрушив канал из Киттима в Африку, построенный много лет назад Агнией, Латин вернулся в свою страну, взяв с собой в жены Ушпизивну, дочь Асдрубала, которая была так удивительно красива, что ее соотечественники носили ее изображение на своих одеждах.

Латин недолго наслаждался плодами своей победы. Анибал, младший брат Асдрубала и его преемник в царской власти, отправился в Киттим на кораблях и вел серию войн, длившихся восемнадцать лет, в ходе которых он истребил восемьдесят тысяч жителей Киттима, не щадя принцев и знати. В конце этого затянувшегося периода он вернулся в Африку и правил своим народом в тишине и мире.

Эдомитянам в течение сорока восьми лет правления Хадада, преемника Баал-Хамона, жилось не лучше, чем народу Киттима. Первым делом Хадада было снова подчинить моавитян суверенитету Эдома, но ему пришлось отказаться, потому что он не мог оказать успешного сопротивления их новоизбранному царю, одному из их собственного народа, который заручился помощью своих родственников аммонитян. Союзники командовали большим войском, и Хадад был разбит. За этими войнами последовали другие между Хададом из Эдома и Авименосом из Киттима. Последний был атакующей стороной, и он вторгся в Сеир с могучей армией. Сыновья Сеира потерпели сокрушительное поражение, их царь Хадад был взят в плен, а затем казнен Абименом, а Сеир стал провинцией, подчиненной Киттиму и управляемой губернатором.

Так закончилась независимость сыновей Исава. Отныне они должны были платить дань Киттиму, которым Абимен правил до своей смерти, на тридцать восьмом году своего правления.[426]

ВЕЛИКОДУШИЕ ДЖОЗЕФА

Когда Иосиф возвращался с похорон своего отца в пещере Махпела, он проходил мимо ямы, в которую когда-то бросили его братья, заглянул в нее и сказал: "Благословен Бог, который позволил чуду свершиться для меня здесь!" Братья сделали вывод из этих слов благодарности,

которые Джозеф произнес в соответствии с предписаниями закона, что он лелеял воспоминание о зле, которое они ему причинили, и они боялись, что теперь, когда их отец мертв, их брат воздаст им по их делам. Более того, они заметили, что с тех пор, как их отца больше не стало, Джозеф отказался от привычки принимать их за своим столом, и они истолковали это как признак его ненависти к ним. На самом деле, это было связано с уважением Джозефа к своим братьям. "Пока был жив мой отец, - сказал себе Иосиф, - он велел мне сидеть во главе стола, хотя Иуда - царь, а Рувим - первенец. Это было желание моего отца, и я выполнил его. Но теперь мне не подобает занимать первое место в их присутствии, и все же, будучи правителем Египта, я не могу уступить свое место никому другому". Поэтому он счел за лучшее не присутствовать за трапезой в обществе своих братьев.

Но они, не понимая его мотивов, послали к нему Валлу с предсмертным посланием их отца о том, что он должен простить прегрешение своих братьев. Ради путей установления мира они изобрели это послание; Джейкоб не сказал ничего подобного. Джозеф, со своей стороны, понимал, что его братья говорили так только потому, что боялись, что он может причинить им вред, и он плакал из-за того, что они так мало доверяли его привязанности. Когда они появились, пали ниц перед его лицом и сказали: "Ты хотел сделать одного из нас своим рабом. Смотрите, мы все готовы быть вашими слугами", - мягко обратился он к ним и попытался убедить их, что не замышляет против них никакого зла. Он сказал: "Не бойся, я не причиню тебе вреда, ибо я боюсь Бога, и если ты думаешь, что я не пригласил тебя сесть за мой стол из-за вражды тебе, Бог знает намерения моего сердца, Он знает, что я поступил так из уважения, которым я обязан тебе".[427]

Далее он сказал: "Вы подобны праху земному, песку на морском берегу и звездам на небесах. Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы изгнать их из этого мира? Десять звезд ничего не могут сделать против одной звезды, тем более одна звезда может что-то сделать против десяти? Вы верите, что я способен действовать вопреки законам природы? Двенадцать часов в дне, двенадцать часов в ночи, двенадцать месяцев в году, двенадцать созвездий на небесах, а также двенадцать колен! Ты - туловище, а я — голова - зачем нужна голова без туловища? Для моего же блага я должен относиться к тебе с братской привязанностью. До твоего прихода в этой стране на меня смотрели как на раба — ты доказал, что я человек благородного происхождения. Теперь, если я убью тебя, мои утверждения об аристократическом происхождении будут признаны ложью. Египтяне сказали бы: "Он не был их братом, они были ему чужими, он просто назвал их своими братьями, чтобы они служили его целям, а теперь он нашел предлог убрать их с дороги". Или они сочли бы меня человеком недобросовестным. Кто играет неправду со своими родными, как он может сохранять верность другим? И, по правде говоря, как я могу отважиться поднять руку на тех, кого благословили и Бог, и мой отец?"[428]

Поскольку Иосиф был добр и нежен со своими братьями, поэтому он был помощником и советчиком египтян, и когда фараон ушел из этой жизни, Иосифу тогда был семьдесят один год, последним желанием царя было, чтобы он мог быть отцом своему сыну и преемнику Магрону и управлять государственными делами за него. Некоторые египтяне желали сделать Иосифа царем после смерти фараона, но этот план встретил противодействие со стороны других. Они возражали против того, чтобы на троне сидел чужеземец, и поэтому царский титул был оставлен Магрону, прозванному фараоном, согласно установленному обычаю - так называли всех египетских царей. Но Иосиф стал фактическим правителем страны, и хотя он был всего лишь наместником в Египте, он правил как царь землями за пределами Египта вплоть до Евфрата,

часть которых Иосиф приобрел путем завоевания. Жители этих стран приносили ему свою ежегодную дань и другие подарки, и таким образом Иосиф правил сорок лет, всеми любимым и уважаемым египтянами и другими народами, и все это время его братья жили в Гесеме, счастливые и беспечные в служении Богу. И в своем собственном семейном кругу Джозеф тоже был счастлив; он дожил до того, чтобы выступить в роли крестного отца при обрезании сыновей своего внука Махира.

Его кончина была преждевременной по сравнению с кончиной его братьев; на момент своей смерти он был моложе любого из них. Это правда, "Власть погребает того, кто ею пользуется".[429] Он умер на десять лет раньше отведенного ему срока, потому что, не обижаясь, позволил своим братьям называть его отца своим "слугой" в его присутствии.[430]

АСЕНАТ

Бог дает каждому мужчине ту жену, которой он заслуживает, [431] и поэтому Асенат была достойна того, чтобы стать помощницей Иосифа благочестивого. Ее отцом был Потифар, один из магнатов фараона, входивший в число самых выдающихся из них по причине мудрости, богатства и положения. Его дочь была стройной, как Сарра, красивой, как Ревекка, и сияющей внешностью, как Рахиль. Знать и принцы добивались ее руки, когда ей было восемнадцать лет. Даже назначенный преемник фараона, его первенец, требовал ее в жены, но его отец отказался выполнить его желание, потому что не считал ее подходящей женой для того, кому суждено взойти на трон. Он настаивал, что дочь моавитского царя была для него более подходящей партией. Но Асенат отвергала все предложения руки и сердца и избегала любых контактов с мужчинами. С семьей девицами, родившимися в один день с ней, она жила уединенно в великолепном дворце, примыкавшем к дворцу ее родителей.

Случилось так, что в первый из семи лет изобилия Джозеф планировал посетить место, где жил Потифар, и послал ему весточку, что примет его в своем доме. Потифар был в восторге от предстоящей ему чести, а также от открывшейся перед ним возможности заключить брак между Асенафью и Иосифом. Но когда он раскрыл свой план дочери, она с негодованием отвергла его. "Почему ты должен желать видеть меня соединенной с бродягой, рабыней, - воскликнула она, - с тем, кто даже не принадлежит к нашей нации, но является сыном хананейского пастуха, человека, который пытался посягнуть на честь своей госпожи и в наказание за этот проступок был брошен в тюрьму, чтобы быть освобожденным оттуда фараоном за толкование его сна? Нет, отец, я никогда не стану его женой. Я хочу выйти замуж за сына фараона, будущего правителя Египта.

Потифар пообещал своей дочери больше не говорить об этом плане. В этот момент было объявлено о прибытии Джозефа, и Асенат покинула своих родителей и удалилась в свои покои. Стоя у окна, она увидела проходящего Джозефа и была так очарована его божественной красотой и неописуемо благородной осанкой, что разрыдалась и сказала: "Бедная, глупая я, что же мне делать? Я позволил друзьям ввести себя в заблуждение, сказав мне, что Джозеф был сыном ханаанского пастуха. Теперь я созерцаю великолепие, которое исходит от него, подобно великолепию солнца, освещающего наш дом своими лучами. В своей дерзости и безрассудстве я смотрел на него свысока и нес нелепую чушь против него. Я не знал, что он сын Божий, каким он и должен быть, ибо среди людей нет такой красоты, как у него. Молю Тебя, о

Бог Иосифа, даруй мне прощение! Это мое невежество заставило меня говорить как дуру. Если мой отец выдаст меня замуж за Джозефа, я буду принадлежать ему вечно".

Тем временем Иосиф занял свое место за столом Потифара и заметил девушку, смотревшую на него из одного из дворцовых окон. Он приказал, чтобы ее отослали, потому что он никогда не позволял женщинам смотреть на него или приближаться к нему. Его сверхъестественная красота всегда очаровывала благородных египетских дам, и они неустанно пытались приблизиться к нему. Но их попытки были тщетны. Он дорожил словами своего отца Иакова, который предостерегал своего сына держаться в стороне от язычников.

Потифар объяснил Иосифу, что девушка у окна была его дочерью-девственницей, которая никогда не позволяла мужчинам находиться рядом с ней; он был первым мужчиной, которого она когда-либо увидела. Отец продолжил и обратился к Джозефу с просьбой позволить его дочери засвидетельствовать ему свое почтение. Джозеф оказал желаемую милость, и появилась Асенат и приветствовала его словами: "Мир тебе, благословенный Всевышним Богом", на что Джозеф ответил приветствием: "Будь благословен Господом, от которого исходят все благословения".

Асенат тоже пожелала поцеловать Иосифа, но он отклонил интимное приветствие словами: "Не подобает богобоязненному мужчине, который благословляет Бога живого и вкушает благословенный хлеб жизни, который пьет из благословенной чаши бессмертия и нетления и умащает себя благовонным елеем святости, целовать женщину из чужого народа, которая благословляет мертвых инегодных идолов, и ест гнилой хлеб идолопоклонства, который душит душу человека, который пьет возлияния святых". обман и помазывает себя маслом разрушения".

Эти слова, произнесенные Джозефом, тронули Асенат до слез. Из сострадания к ней он даровал ей свое благословение, призывая Бога излить на нее Свой дух и сделать ее членом Его народа и Его наследия, а также даровать ей долю в жизни вечной.

ЖЕНИТЬБА ИОСИФА

Внешний вид и речь Джозефа произвели на Асенат такое глубокое впечатление, что, едва войдя в свои покои, она сбросила с себя парадные одежды, сняла драгоценности и вместо них надела вретище, посыпала голову пеплом и со слезами молила Бога даровать ей прощение за ее грехи. Таким образом, она провела в своей комнате семь дней и семь ночей. Даже семи ее слугам не разрешалось входить к ней во время покаяния. Утром восьмого дня ей явился ангел и повелел ей снять с себя вретище и пепел и привести себя в порядок, ибо в этот день, по его словам, она родилась заново, чтобы вкушать благословенный хлеб жизни, пить из чаши жизни бессмертной и помазывать себя елеем жизни вечной. Асенат собиралась поставить еду и питье перед своим гостем, когда увидела соты чудесной формы и аромата. Ангел объяснил ей, что это было произведено райскими пчелами, чтобы служить пищей ангелам и избранным Божьим. Он взял небольшую порцию для себя, а остальное положил в рот Асенат, сказав: "С этого дня твое тело будет цвести, как вечные цветы в Раю, твои кости станут толстыми, как кедры, сила твоя будет неистощимой, твоя молодость никогда не увянет, и твоя красота никогда не исчезнет, и ты будешь подобна столице, окруженной стеной". По просьбе Асенат ангел благословил также

семерых ее сопровождающих словами: "Пусть Господь благословит вас и сделает вас семью столпами в Городе Убежища".

После этого ангел покинул ее, и она увидела, как он возносится к небесам в огненной колеснице, запряженной четверкой огненных коней. Теперь она знала, что развлекала не человека, а ангела.

Едва небесный посланник отбыл, как было объявлено о визите Джозефа, и она поспешила одеться и принарядиться к его приему. Когда она умыла лицо, то увидела его в воде и увидела, что оно так прекрасно, как никогда прежде, настолько велико было преображение, произведенное ангелом. Когда Иосиф пришел, он не узнал ее. Он спросил ее, кто она такая, на что она ответила: "Я твоя служанка Асенат! Я отбросил своих идолов, и в этот день посетитель пришел ко мне с небес. Он дал мне вкушать хлеб жизни и пить из благословенной чаши, и он сказал мне эти слова: "Я отдаю тебя Иосифу в качестве его обрученной жены, чтобы он мог быть твоим обрученным мужем навеки". И более того, он сказал: "Твое имя больше не будет называться Асенаф, но твое имя будет Город убежища, куда будут бежать народы в поисках безопасности". И он добавил: "Я иду к Иосифу, чтобы рассказать ему все эти вещи, относящиеся к тебе". Теперь, мой господин, ты знаешь, был ли этот человек с тобой и говорил с тобой от моего имени".

Иосиф подтвердил все, что она сказала, и они обнялись и поцеловались в знак своей помолвки, которую отпраздновали пиром с Потифаром и его женой. Свадьба состоялась позже в присутствии фараона, который возложил золотую корону на голову жениха и невесты, дал им свое благословение и устроил в их честь семидневный пир, на который пригласил магнатов и принцев Египта и других стран. И в течение семи дней свадебных торжеств людям было запрещено под страхом смертной казни выполнять какую-либо работу; все они должны были присоединиться к празднованию свадьбы Иосифа.

ДОБРЫЕ И НЕДОБРЫЕ БРАТЬЯ

В двадцать первый день второго месяца второго из семи голодных лет Иаков пришел в Египет, и его невестка Асенаф навестила его. Она немало восхищалась его красотой и силой. Его плечи и руки были как у ангела, а чресла - как у великана. Иаков дал ей свое благословение, и вместе со своим мужем она вернулась домой в сопровождении сыновей Лии, в то время как сыновья служанок, помня о зле, которое они когда-то причинили Иосифу, держались в стороне. Леви, в частности, испытывал нежность к Асенат. Он был особенно близок к Живому Богу, ибо он был пророком и мудрецом, его глаза были открыты, и он знал, как читать небесные книги, написанные перстом Божиим. Он открыл Асенат, что видел ее будущее пристанище на небесах, и оно было построено на скале и окружено алмазной стеной.

По пути они встретили сына фараона, его наследника престола, и он был настолько очарован красотой Асенат, что разработал план убийства Иосифа, чтобы завладеть его женой. Он вызвал Симона и Левия и уговорами и обещаниями попытался побудить их убрать Иосифа с дороги. Симон был так разгневан, что сразу же сбил бы его с ног, если бы его брат Левий, наделенный даром пророчества, не разгадал его намерения и не помешал им, наступив ему на ногу и прошептав: "Почему ты так разгневан и так разгневан на этого человека? Мы, боящиеся Бога, не

можем отплатить злом за зло". Повернувшись к сыну фараона, он сказал ему, что ничто не заставит их совершить задуманное им злодеяние; напротив, он посоветовал ему ничего не предпринимать против Иосифа, иначе он убьет его мечом, который служил ему при истреблении жителей Сихема. Преступник был охвачен неистовой тревогой и пал ниц перед Симоном и Левием, умоляя их о пощаде. Левий поднял его на цыпочки, сказав: "Не бойся, но оставь свой злой план и не замышляй зла против Иосифа".

Тем не менее сын фараона не отказался от своей преступной цели. Он обратился к сыновьям Валлы и Зелфы и попытался совершить через них то, что не удалось с Симоном и Левием. Он призвал их к себе и рассказал им о разговоре между Иосифом и фараоном, который он подслушал. Первый сказал, что он ждал только известия о смерти своего отца Джейкоба, чтобы покончить с сыновьями служанок, потому что именно они продали его в рабство. Разгневанные этими словами на Иосифа, сыновья Валлы и Зелфы согласились с предложением сына Фараона. Было условлено, что последний убьет фараона, друга Иосифа, в то время как они нападут на своего брата и уберут его с дороги. Для этой цели им были предоставлены шестьсот умелых воинов пятьдесят копейщиков. Первая часть плана, убийство фараона, провалилась. Дворцовая стража не позволила даже наследнику престола войти в спальню своего отца, и ему пришлось уйти, не достигнув своей цели.

Теперь Дан и Гад посоветовали ему занять позицию с пятьюдесятью лучниками в тайном месте, которое Асенат должна была пройти по пути домой. Оттуда он мог бы совершить успешное нападение на ее свиту и завладеть ею. Неффалим и Ашер не хотели иметь никакого отношения к этому враждебному предприятию против Иосифа, но Дан и Гад вынудили их к этому, настаивая на том, что все сыновья служанок должны держаться вместе, как мужчины, и отразить угрожавшую им опасность.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НАКАЗАНО

Из засады войска сына Фараонова обрушились на Асенат и ее шестьсот слуг. Им удалось потеснить авангард, и Асенат пришлось обратиться в бегство. К своей тревоге, она столкнулась с сыном фараона с пятьюдесятью всадниками. Вениамин, сидевший с ней в одной колеснице, пришел ей на помощь, ибо, несмотря на свою молодость, он был чрезвычайно отважен. Он сошел с колесницы, набрал камешков и, бросив их в сына фараона, ударил его по лбу и нанес тяжелую рану. Возничий помогал ему, снабжая камнями, которыми он бросал в пятьдесят всадников с таким мастерством, что убил сорок восемь из них таким же количеством метательных снарядов. Тем временем сыновья Лии прибыли на место и пришли на помощь Асенафи, ибо Левий со своим пророческим духом увидел, что происходит, и, позвав своих пятерых братьев, поспешил туда. Эти шестеро напали на войска из засады и перебили их. Но опасность для Асенат отнюдь не была устранена. В этот момент сыновья служанок бросились на нее и Вениамина с обнаженными мечами. В их намерения входило убить их обоих и скрыться в глубине леса. Но как только Асенат воззвала к Богу о помощи, мечи выпали из рук нападавших, и они увидели, что Господь на стороне Асенат. Они пали к ее ногам и молили о милости. Она развеяла их тревогу словами: "Будьте мужественны и не бойтесь своих братьев, сыновей Лии. Они богобоязненные люди. Оставайтесь в укрытии, пока их гнев не утихнет".

Когда появились сыновья Лии, Асенат пала ниц перед ними и сквозь слезы заклинала их пощадить сыновей служанок и не оплачивать злом за то зло, которое они замыслили. Саймон и слышать не хотел о том, чтобы идти на уступки. Он настаивал на том, что мера их грехов была полной, и они должны заплатить за них своими жизнями, ибо именно они продали Иосифа в рабство и навлекли неисчислимые несчастья на Иакова и его сыновей. Но Асенат не останавливалась, и ее настоятельные просьбы победили. Ей удалось успокоить гнев Симона, и в лице Левия у нее был тайный союзник, ибо этот пророк знал, где прячутся сыновья служанок, и он не выдал этого Симону, чтобы его гнев не усилился при виде их. Именно Левий удержал Вениамина от нанесения смертельного удара тяжело раненному сыну фараона. Не желая допустить, чтобы ему причинили вред, он промыл его раны, посадил в колесницу и отвез к фараону, который от всего сердца поблагодарил Левия за его любящую доброту. Усилия Левия были напрасны, три дня спустя сын фараона скончался от ран, нанесенных Вениамином, и от горя по поводу потери своего первенца фараон вскоре последовал за ним, уйдя из этой жизни в возрасте ста семидесяти семи лет. Свою корону он оставил Иосифу, который после этого правил Египтом сорок восемь лет. Он, в свою очередь, передал корону внуку фараона, младенцу на руках на момент смерти своего деда, по отношению к которому Иосиф всю свою жизнь заменял отца.[432]

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ДЖОЗЕФА

На смертном одре Иосиф дал клятву своим братьям, и он повелел им на смертном одре также дать клятву своим сыновьям отнести его кости в Палестину, когда Бог посетит их и выведет из земли Египетской. Он сказал: "Я, правитель, мог бы отвезти тело моего отца в Святую Землю, пока оно было еще нетронутым. К вам я обращаюсь с единственной просьбой, чтобы вы перенесли мои кости отсюда и могли предать их земле в любом месте Палестины, ибо я знаю, что местом захоронения отцов было назначено быть усыпальницей только трех патриархов и их трех жен".

Иосиф взял клятву взять его останки с собой, когда они покинут Египет, от своих братьев, а не от сыновей, немедленно похоронить его в Палестине, поскольку он боялся, что египтяне не дадут последним разрешения перевезти его кости, даже если они вспомнят, что Иосифу было разрешено сделать с телом его отца. Они возразили бы, что Джозеф был вице-королем, и в желании человека столь высокого положения нельзя было отказать.[433] Более того, он заклинал своих братьев не покидать Египет до тех пор, пока не явится искупитель и не возвестит о своем послании словами: "Пакод, я, несомненно, посетил тебя" — традицию, которую Иосиф перенял от своего отца, который перенял ее от Исаака, а Исаак, в свою очередь, перенял ее от Авраама.[434] И он сказал им, что Бог искупит Израиль через Моисея как через Мессию, в этом мире, как и в мире грядущем, и искупление Египта начнется в Тишри, когда Израиль освободится от рабского труда, и завершится в следующем Нисане. , когда они покинут Египет.[435]

Джозеф также увещевал своих братьев ходить путями Господа, чтобы они могли стать достойными Его благодати и помощи. Особенно он внушал своим братьям и сыновьям добродетель целомудрия и непоколебимой нравственной жизни. Он рассказал им все, что с ним случилось, о ненависти своих братьев, о преследованиях жены Потифара, о клевете,

зависти и злобе египтян, чтобы показать, что боящиеся Господа не оставлены Им во тьме, или рабстве, или скорби, или бедствии. "Я был продан в рабство, - сказал он, - но Господь избавил меня; я был брошен в темницу, но Его сильная рука помогла мне. Меня мучил голод, но Сам Господь дал мне пропитание. Я был один, и Бог утешал меня. А что касается вас, если вы будете ходить путями целомудрия и чистоты в терпении и смирении сердца, Господь будет обитать среди вас, ибо Он любит целомудренную жизнь, и если вы, дети мои, будете соблюдать заповеди Господа, Он воскресит вас здесь, в этом мире, и благословит вас там, в мире грядущем. Если люди стремятся причинить вам зло, молитесь за них, и вы будете избавлены Господом от всякого зла. Благодаря моему терпению я взял в жены дочь моего господина, и ее приданым было сто талантов золота, и Бог дал мне также красоту, подобную красоте цветка, больше, чем всем детям Иакова, и Он сохранил меня до старости в силе и красоте, ибо во всем я походил на Иакова".

Джозеф продолжил и рассказал им о своих видениях, в которых ему было открыто будущее Израиля, а затем закончил словами: "Я знаю, что египтяне будут притеснять вас после моей смерти, но Бог совершит месть ради вас, и Он приведет вас в землю обетованную вашими отцами. Но вы непременно заберете мои кости с собой отсюда, ибо, если мои останки будут доставлены в Ханаан, Господь будет с вами при свете, а Бехар будет с египтянами во тьме. Также возьми с собой кости твоей матери Зелфы и похорони их рядом с могилой Валлы и Рахили".

Закончив эти слова, он вытянул ноги и уснул своим последним вечным сном, и весь Израиль оплакивал его, и весь Египет был в великой скорби, ибо он был сострадательным другом и египтянам, и он делал им добро, и давал им мудрые советы и помощь во всех их начинаниях.[436]

Желание Иосифа, чтобы его кости покоились в Святой Земле, исполнилось, когда израильтяне вышли из Египта, и не кто иной, как Моисей, приложил все усилия к его исполнению. Такова была награда Джозефа за преданность, которую он проявил при погребении тела своего отца, ибо он сам сделал все необходимое, ничего не оставив другим. Поэтому такой великий человек, как Моисей, занялся осуществлением желания Иосифа.[437]

В течение трех дней и трех ночей, предшествовавших исходу, Моисей рыскал по земле Египетской в поисках гроба Иосифа, потому что знал, что Израиль не может покинуть Египет, не выполнив клятву, данную Иосифу. Но его хлопоты были напрасны: гроба нигде не было. Сера, дочь Ашера, встретила Моисея усталым и измученным, и в ответ на ее вопрос о причине его усталости он рассказал ей о своих бесплодных поисках. Сера отвела его к реке Нил и рассказала, что свинцовый гроб, сделанный для Иосифа египтянами, был затоплен там после того, как его увеличили со всех сторон. Египтяне сделали это по наущению и с помощью магов, которые, зная, что Израиль не может покинуть страну без гроба, использовали свое искусство, чтобы поместить его в такое место, откуда его нельзя было извлечь.[438]

Теперь Моисей взял чашу Иосифа, вырезал из нее четыре плоских куска и выгравировал льва на одном из них, орла на втором, быка на третьем и человеческую фигуру на четвертом. Первого, вместе со львом, он бросил в реку, сказав при этом: "Иосиф, Иосиф, настал час искупления Израиля, Шекина пребывает здесь только ради тебя, облака славы ожидают твоего прихода. Если ты покажешься, хорошо; если нет, то мы свободны от нашей клятвы". Но гроб так и не появился.

Затем Моисей бросил в воду вторую тарелку с изображением орла, повторив те же слова, но гроб снова не поднялся со дна Нила, и там он тоже остался, когда он бросил третью тарелку с изображением быка и в третий раз призвал Иосифа выйти. Но четвертая плита с человеческой фигурой и четвертое обращение к Иосифу подняли гроб на поверхность воды. Моисей схватил его и в радости унес.[439] В то время как Израиль был занят сбором золота и серебра у египтян, Моисей не думал ни о чем, кроме гроба Иосифа, и его счастье было велико, что ему было позволено исполнить желание Иосифа.[440]

В течение сорока лет скитаний по пустыне гроб находился среди Израиля в награду за обещание Иосифа своим братьям: "Я буду питать вас и заботиться о вас". Бог сказал: "Пока ты жив, в течение сорока лет они будут заботиться о твоих костях".[441]

Все это время в пустыне Израиль носил с собой две святыни: одну - гроб с костями умершего Иосифа, другую - Ковчег с заветом Живого Бога. Путники, видевшие эти два сосуда, удивлялись и спрашивали: "Как ковчег мертвых оказался рядом с ковчегом Вечно живых?" Ответ был таким: "Мертвый человек, запечатленный в одном, исполнил заповеди, запечатленные в другом. В последнем написано: "Я Господь, Бог твой", и он сказал: "Разве я на месте Бога?" Здесь написано: "Да не будет у Тебя других богов пред лицом Моим", и он сказал: "Я боюсь Бога". Здесь написано: "Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе", и поэтому он не клялся Богом, но сказал: жизнью фараона. Здесь написано: "Помни день субботний", и он сказал смотрителю своего дворца в пятницу: "Убей и приготовься", имея в виду субботу. Здесь написано: почитай отца твоего и мать твою, - и он сказал, когда его отец захотел отправить его к своим братьям, - вот я, хотя он знал, что для него идти опасно. Здесь написано: "Ты не должен убивать", и он воздержался от убийства Потифара, когда жена Потифара убедила его сделать это. Здесь написано: "Не прелюбодействуй", и он с презрением отверг прелюбодейные предложения жены Потифара. Здесь написано: "Не укради", и он ничего не украл у фараона, но собрал все деньги и принес их в дом фараона. Здесь написано: "Не лжесвидетельствуй против ближнего твоего", - и он ничего не сказал своему отцу о том, что сделали с ним его братья, хотя то, что он мог бы сказать, было правдой. Здесь написано: "Не возжелай", и он не возжелал жены Потифара".[442]

По прибытии в Святую Землю израильтяне похоронили кости Иосифа в Сихеме, ибо Бог обратился к племенам, сказав: "Из Сихема вы украли его, и в Сихем вы должны вернуть его".[443]

Бог, который так заботится о мертвых телах благочестивых, еще больше заботится об их душах, которые стоят перед Ним, как ангелы, и совершают свое служение, служа Ему.[444]

II СЫНОВЬЯ ИАКОВА ЗНАЧИМЫЕ ИМЕНА

Иаков воспитал всех своих сыновей в страхе Божьем и научил их образу благочестивой жизни, применяя строгость, когда было необходимо, чтобы его уроки произвели впечатление. Он пожинал плоды своего труда, ибо все его сыновья были благочестивыми людьми с безупречным

характером.[1] Предки двенадцати колен походили на своих отцов в благочестии, и их деяния были не менее значительными, чем деяния Авраама, Исаака и Иакова. Как и эти трое, они заслуживают того, чтобы называться Отцами Израиля.[2] Бог заключил с ними завет, как Он заключил с тремя Патриархами, и этому завету их потомки обязаны своим сохранением.[3]

Сами названия колен указывают на искупление Израиля. Рувим назван так потому, что Бог "видит" страдания Своего народа; Симон, потому что Он "слышит" его стенания; Левий, Он "присоединяется" к Своему народу, когда страдает Израиль; Иуда, Израиль "поблагодарит" Бога за свое освобождение; Иссахар, он будет "вознагражден" за свои страдания воздаянием; Завулон, у Бога будет "жилище" в Израиле; Вениамин, Он поклялся Своей "десницей" помогать Своему народу; Дан, Он будет "судить" нацию, поработавшую Израиль; Неффалим, Он даровал Тору Израилю, и она источает сладость, подобную "пчелиным сотам"; Гад, Господь дал Израилю манну, и она была подобна семенам "кориандра"; Ашер, все народы будут называть Израиль "счастливым"; и Иосиф, потому что Бог "добавит" второе искупление Израиля к первому - искупление от нечестивого царства в конце, как от Египта в прежние времена.[4]

Важны не только имена сыновей Иакова, но и имена их сыновей. Таким образом, имена сыновей Иссахара отражают деятельность племени, известного своей ученостью превыше всех остальных. Старейшего звали Тола, "червь"; как шелкопряд отличается своим ртом, которым он прядет, так и мужчины племени Иссахара отличаются мудрыми словами из своих уст. Второе - Пуах, "растение марены"; как это растение окрашивает все вещи, так и племя Иссахара окрашивает весь мир своими учениями. Третий - Джашуб, "возвращающийся", ибо благодаря учению Иссахара Израиль будет возвращен к своему Небесному Отцу; а Шимрон, четвертый, - "наблюдающий", указывающий на то, что племя Иссахара соблюдает Тору.[5]

Имена сыновей Гада также интерпретируют историю племени. Во время пребывания Израиля в Египте он сбился с правильного пути, но когда Аарон появился как пророк и наставник и призвал израильтян отвернуться от мерзости, которая видна их глазам, и оставить египетских идолов, они вняли его словам. Отсюда двойное имя Озни и Езбон, которое носил один из сыновей Гада, ибо это племя "вняло" слову Божьему и исполнило Его "волю".

Внуки Ашера носят имена Хебер и Малхиил, потому что они были "сподвижниками" царей, и в их наследство доставались "царские лакомства".

Частично историю колена Вениаминова можно прочесть в именах его вождей. Первоначально она состояла из десяти подразделений, произошедших от десяти сыновей Вениамина, но пятеро из них погибли в Египте из-за своих нечестивых поступков, от которых никакие увещания не могли их отвратить. Из пяти оставшихся семей две, потомки Белы и Ашбела, всегда были богобоязненными; остальные, ахирамиты, шефуфамиты и хуфамиты, раскаялись в своих грехах, и в соответствии с изменением в их поведении были изменены их имена. Эхи стал Ахиром, потому что разрыв с "Возвышенным" был исцелен; Муппиру называли Шефуфам, потому что они "огорчили" себя в своем покаянии; а Хуппим превратился в Хафам, чтобы указать, что они "очистились" от греха. В награду за их благочестие семье, происходящей из Белы, было разрешено иметь два подразделения - ардитов и наамитов. Их имена указывают на них как на людей, которые хорошо знают, как должен проявляться страх Божий, чьи поступки чрезвычайно прекрасны.

Неффалим был еще одним племенем непоколебимого благочестия, и имена его сыновей свидетельствуют об этом: Яхзил, потому что соплеменники воздвигли "разделительную стену" между Богом и идолами, поскольку они верили в Бога и презирали идолов; Гуни, потому что Бог был их "защитой"; Иезер и Шиллем называют наффалитов людьми, преданными Богу всем своим сердцем.[6]

ЗАВЕЩАНИЕ РУВИМА

Через два года после смерти Иосифа Рувим заболел. Чувствуя, что его конец близок, он созвал своих сыновей, внуков и братьев, чтобы дать им свои последние наставления, исходя из полноты своего опыта. Он сказал: "Слушайте, братья мои, и вы, дети мои, прислушивайтесь к Рувиму, вашему отцу, в повелениях, которые Я даю вам. И вот, я заклинаю вас в этот день Богом небесным, чтобы вы не предавались безумствам юности и блудодеяниям, к которым я был пристрастен и которыми я осквернил ложе моего отца Иакова. Ибо я говорю вам сейчас, что в течение семи месяцев Господь поражал мои чресла ужасной язвой, и если бы мой отец Иаков не заступился за меня, Господь унес бы меня прочь. Мне было двадцать лет, когда я совершил то, что было злом перед Господом, и в течение семи месяцев я был смертельно болен. Затем я семь лет совершал покаяние в самых сокровенных глубинах своей души. Вина и крепких напитков я не пил, мясо животных не касалось моих губ, лакомств я не пробовал, потому что я оплакивал свои грехи, ибо они были велики".

Он предостерегал собравшихся вокруг него остерегаться семи духов-искусителей, которые являются духом блуда, чревоугодия, раздора, любви к восхищению, высокомерия, лжи и несправедливости. Он особенно предостерегал их от нецеломудрия, говоря: "Не обращайтесь внимания на взгляды женщины, и не оставайтесь наедине с замужней женщиной, и не занимайтесь женскими делами. Если бы я не видел, как Валла купалась в уединенном месте, я не впал бы в великий грех, который совершил, потому что после того, как мои мысли однажды уловили женскую наготу, я не мог заснуть, пока не совершил это отвратительное деяние. Ибо, когда наш отец Иаков отправился к своему отцу Исааку, когда мы жили в Эдере, недалеко от Эфрафы, что в Вифлееме, Валла была пьяна вином, и она спала, непокрытая, в своей спальне, и я вошел, увидел ее наготу и совершил грех, и я снова вышел, оставив ее спящей. Но ангел Божий сразу же раскрыл мой нечестивый поступок моему отцу Иакову. Он вернулся и оплакивал меня, и больше никогда не приближался к Валле. До самого последнего дня его жизни у меня не было уверенности посмотреть в лицо моему отцу или поговорить с моими братьями о моем позоре, и даже сейчас моя совесть мучает меня из-за моего греха. Тем не менее мой отец говорил мне слова утешения и молился Богу за меня, чтобы гнев Господень отступил от меня, как Он показал мне".

Рувим убедительно призвал своих детей присоединиться к Левию, "потому что он будет знать закон Господень, - сказал он, - и он будет издавать постановления для суда и приносить жертвы за весь Израиль до скончания времен, как помазанный первосвященник, о котором говорил Господь".

Объявив свою последнюю волю сыновьям, Рувим ушел из этой жизни в возрасте ста двадцати пяти лет. Его тело лежало в гробу до тех пор, пока его сыновья не вынесли его из Египта и не отнесли в Хеврон, где похоронили в Двойной пещере.[7]

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ САЙМОНА ПРОТИВ ЗАВИСТИ

Как Рувим исповедался в своем грехе на смертном одре и предупредил своих детей и свою семью, чтобы они остерегались нецеломудрия, порока, который привел к его падению, так и Симон, когда он был при смерти, собрал вокруг себя своих сыновей и признался в совершенном им грехе. Он был виновен в безграничной зависти к Иосифу и говорил: "Я был вторым сыном, рожденным моим отцом Иаковом, и моя мать Лия назвала меня Симоном, потому что Господь услышал ее молитву. Я становился все сильнее и не боялся ни одного поступка, и я ничего не боялся, потому что мое сердце было ожесточено, печень неподатлива, а кишечник беспощаден. И в дни моей юности я завидовал Иосифу, потому что наш отец любил его больше, чем всех остальных из нас, и я решил убить его. Ибо князь искушения послал духа ревности овладеть мной, и он ослепил меня так, что я не считал Иосифа своим братом, и я не пощадил даже моего отца Иакова. Но его Бог и Бог его отцов послали Своего ангела и спасли его из моих рук.

Когда я отправился в Сихем за мазью для стад, а Рувим был в Дофане, где хранились все наши припасы, наш брат Иуда продал Иосифа измаильтянам. По возвращении, услышав о случившемся, Рувим был очень опечален, потому что он хотел спасти Иосифа и вернуть его нашему отцу. Но что касается меня, то мой гнев возгорелся против Иуды за то, что он позволил ему уйти живым. Мой гнев не покидал меня все пять месяцев. Но Господь удержал меня от использования силы моих рук, потому что моя правая рука иссохла в течение семи дней. Тогда я понял, что то, что произошло, было ради Иосифа. Я раскаялся и помолился Богу, чтобы он восстановил мою руку и впредь удерживал меня от всякого рода скверны, зависти и безумия. В течение двух лет я предавал себя посту и страху Божьему, ибо понимал, что избавление от ревности может прийти только через страх Божий.

Мой отец, видя меня удрученным, спросил, в чем причина моей печали, и я ответил, что у меня проблемы с печенью, но на самом деле я скорбел больше, чем все мои братья, поскольку был причиной продажи Джозефа. И когда мы отправились в Египет, и Иосиф связал меня как шпиона, я не опечалился, ибо в глубине души я знал, что мои страдания были справедливым возмездием. Но Джозеф был добрым, дух Божий обитал в нем. Каким бы сострадательным и милосердным он ни был, он не держал на меня зла за мои злые поступки по отношению к нему, но он любил меня той же любовью, которую проявлял к другим. Он оказал всем нам должную честь и дал нам золото, скот и продукты. А теперь, мои дорогие дети, любите друг друга, каждый своего брата, с чистым сердцем и удалите дух ревности из своей среды".

Подобно Рувиму, Симон заклинал своих сыновей остерегаться нецеломудрия, ибо этот порок - мать всего зла. Это отделяет человека от Бога и оставляет его на произвол Судьбы. Это были заключительные слова его наставления: "В писаниях Еноха я видел, что твои сыновья будут развращены нецеломудрием, и они будут жестоко обращаться с сыновьями Левия с помощью меча. Но они ничего не смогут сделать против Левия, ибо война, которую он будет вести, - это война Господа, и он победит все ваши армии. Как небольшой остаток, вы будете рассеяны среди Левия и Иуды, и никто из вас не поднимется, чтобы стать судьей или царем нашего народа, как пророчествовал мой отец Иаков в своем благословении".

Завершив свои наставления сыновьям, Симон скончался и был возвращен к своим отцам в возрасте ста двадцати лет. Его сыновья положили его в гроб, сделанный из нетленного дерева, чтобы перевезти его кости в Хеврон, как они делали тайно во время войны между египтянами и хананеями. Так поступили все племена во время войны; они перевезли останки каждого своего основателя из Египта в Хеврон. Только кости Иосифа оставались в Египте до тех пор, пока израильтяне не ушли из этой земли, ибо египтяне охраняли их в своих царских сокровищницах. Их маги предупредили их, что всякий раз, когда кости Иосифа будут вывезены из Египта, великая тьма окутает всю землю, и это будет страшным несчастьем для египтян, ибо никто не сможет узнать своего ближнего даже при свете лампы.[8]

ВОЗНЕСЕНИЕ ЛЕВИЯ

Когда Левию было открыто, что он вот-вот умрет, он собрал вокруг себя всех своих детей, чтобы рассказать им историю своей жизни, а также предсказал им, что они будут делать и что произойдет с ними до судного дня. Он говорил: "Когда мы пасли стада в Авель-Мехоле, дух понимания Господень сошел на меня, и я увидел все человечество, как они развращают свои пути, и что несправедливость возводит для себя стены, а нечестие восседает на троне на башнях. И я стал горевать о поколениях человеческих и молился Господу спасти меня. Сон окутал меня, и я увидел высокую гору, и вот! небеса разверзлись, и ангел Божий обратился ко мне и сказал: "Леви, войди!"

"Я вошел в первое небо и увидел там огромное море, а еще дальше я увидел второе небо, более яркое и блистательное, чем первое. Я спросил ангела: "Почему это так?" И ангел сказал мне: "Не удивляйся этому, ибо ты увидишь другое небо, ни с чем не сравнимое, и когда ты вознесешься туда, ты будешь стоять рядом с Господом, и ты будешь Его служителем, и возвещать Его тайны людям; и уделом Господа будет твоя жизнь, и Он будет твоим полем, и виноградником, и плодами, и золотом, и серебром".

Затем ангел объяснил мне назначение различных небес и все, что происходит на каждом из них, и он провозгласил судный день. Он открыл врата третьего неба, где я узрел святой Храм и Бога, восседающего на Престоле Славы. Господь обратился ко мне: "Леви, я даровал тебе благословение священства, пока я не приду и не буду жить посреди Израиля". Затем ангел перенес меня обратно на землю и дал мне щит и меч, сказав: "Соверши месть Сихему за Дину, и я буду с тобою, ибо Господь послал меня". Я спросил ангела, как его зовут, и он ответил: "Я ангел, который ходатайствует за народ Израиля, чтобы он не был полностью уничтожен, ибо каждый злой дух нападает на него.

"Когда я проснулся, я отправился к своему отцу и по дороге, недалеко от Гебала, нашел медный щит, такой же, какой я видел во сне. Тогда я посоветовал моему отцу и моему брату Рувиму приказать сыновьям Хамора сделать себе обрезание, ибо я дрожал от ярости из-за отвратительного поступка, который они совершили. Сначала я убил Сихема, а затем Симон убил Хамора, и все остальные мои братья вышли и разрушили весь город. Наш отец плохо воспринял это и в своем благословении вспомнил о нашем поведении. Хотя мы поступили неправильно, действуя таким образом вопреки его воле, все же я осознал, что это был суд Божий над народом Сихема за их грехи, и я сказал своему отцу: "Не гневайся, мой господин, ибо Бог истребит хананеев через это, и он отдаст землю тебе и твоему потомству послетелебя. Отныне Сихем будет

называться городом слабоумных, ибо как над глупцами насмеются, так и мы насмехались над ними".

"Когда мы отправились в Вифлеем и пробыли там семьдесят дней, мне было даровано другое видение, подобное первому. Я увидел семерых мужчин, одетых в белое, и они обратились ко мне, говоря: "Встань и облачись в священнические одежды, возложи венец праведности на голову твою и надень эфод понимания, и одеяние истины, и митру веры, и митру достоинства, и наплечники пророчества". И каждый из мужчин принес мне одежду, облек меня в нее и сказал: "Отныне будь священником Господа, ты и потомство твое во веки веков. И вы будете есть все, на что приятно смотреть, и трапезу Господню ваши потомки присвоят себе, и от них произойдут первосвященники, судьи и ученые, ибо все святое будет охраняться их устами".

"Через два дня после того, как меня посетил этот сон, мы с Иудой отправились к нашему дедушке Исааку, который благословил меня в соответствии со словами, которые я слышал. У Иакова тоже было видение, и он тоже увидел, что я был назначен священником Божиим, и через меня он выделил Господу десятую часть своего имущества. И когда мы обосновались в Хевроне, резиденции Исаака, наш дедушка научил меня закону священства и предостерег меня держаться в стороне от нецеломудрия.

В возрасте двадцати восьми лет я взял Милку в жены, и она родила мне сына, и я назвал его Гершомом, потому что мы были пришельцами в этой земле. Но я понял, что он не будет в первых рядах людей. Мой второй сын родился у меня на тридцать пятом году жизни, и он увидел свет мира на восходе солнца, и я узрел его в видении стоящим среди гордых собравшихся, и поэтому я дал ему имя Кохат. Третьего сына моя жена родила мне на сороковом году моей жизни, и я назвал его Мерари, потому что ей было тяжело рожать его. Моя дочь Иохаведа родилась в Египте, когда мне было шестьдесят три года, и я назвал ее так, потому что в те дни я был достойно известен среди моих братьев. И на моем девяносто четвертом году жизни Амрам взял Иохаведу в жены, того, кто родился с ней в один день".

После этого Левий увещевал своих детей ходить путями Господа и бояться Его всем своим сердцем, и он рассказал им то, что узнал из писаний Еноха, что его потомки будут грешить против Господа в грядущие времена, и они понесут Божественное наказание за свой проступок, и тогда Бог воздвигнет нового священника, которому будут открыты все слова Господа. Его последними словами были: "А теперь, дети мои, вы услышали все, что я хотел сказать. Выбирайте сейчас, свет или тьму, закон Господа или дела Велиара". И его сыновья ответили: "Перед Господом мы будем ходить по Его закону". Тогда Левий сказал: "Господь свидетель, и ангелы свидетели, я свидетель, и вы свидетели, относительно слова ваших уст". И его сыновья ответили: "Мы свидетели".

Так Левий перестал увещевать своих сыновей. Он простер ноги свои и был собран к своим отцам в возрасте ста тридцати семи лет, большего возраста, чем достиг кто-либо из его братьев.[9]

ИУДА ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ОТ ЖАДНОСТИ И НЕЦЕЛОМУДРИЯ

Последними словами, обращенными Иудой к своим сыновьям, были следующие: "Я был четвертым сыном, рожденным моим отцом, и моя мать назвала меня Иудой, сказав: "Я

благодарю Господа за то, что Он дал мне четвертого сына". В юности я был ревностен и во всем слушался своего отца. Когда я повзрослел, он благословил меня, сказав: "Ты будешь царем и будешь преуспевать на всех путях твоих". Господь даровал мне Свою милость во всем, за что бы я ни брался, в поле и в доме. Я мог мчаться так же быстро, как лань, и догнать ее, и приготовить из нее блюдо для моего отца. Оленя я мог поймать на бегу и всех животных долины. Дикая кобыла, которую я мог обогнать, удержать и обуздать. Лев, которого я убил, и вырвал козленка из его пасти. Медведя я поймал за лапу и сбросил его со скалы, и он лежал раздавленный. Я мог поспевать за диким кабаном и догнать его, и на бегу я схватил его и разорвал на куски. Леопард прыгнул на мою собаку в Хевроне, и я схватил его за хвост и отшвырнул от себя, и его тело выбросило на побережье в Газе. Дикого бычка я нашел пасущимся в поле. Я взял его за рога, раскачивал круг за кругом, пока он не был оглушен, а потом бросил на землю и убил".

Иуда продолжил и рассказал своим детям о своем героизме в войнах, которые сыновья Иакова вели с царями Ханаана, а также с Исавом и его семьей. Во всех этих конфликтах он сыграл выдающуюся роль, превосходящую достижения других. Его отец Иаков был свободен от всяких тревог, когда Иуда был со своими братьями в их битвах, потому что у него было видение, показывающее ему ангела силы, стоящего рядом с Иудой на всех его путях.

Иуда тоже не скрывал своих недостатков. Он признался, что пьянство и страсть привели его сначала к браку с хананейкой, а затем к неподобающим отношениям со своей невесткой Фамарь. Он сказал своим детям:

"Не поступайте по желанию вашего сердца и не превозносите доблестные поступки вашей юности. Это тоже зло в глазах Господа. Ибо, пока я хвастался, что лицо красивой женщины никогда не прельщало меня на войнах, и поносил моего брата Рувима за его прегрешение с Валлой, дух страсти и нецеломудрия овладел мной, и я взял Батшуа в жены и нарушил закон с Фамарь, хотя она была невестой моего сына. Сначала я сказал отцу Батшуа: "Я посоветуюсь с моим отцом Иаковом, должен ли я жениться на твоей дочери", но он был царем, и он показал мне несметную кучу золота, подаренного его дочери, и он украсил ее женским великолепием, золотом и жемчугом, и он велел ей наливать вино за трапезой. Вино затуманило мои глаза, и страсть омрачила мое сердце. В безумной любви к ней я нарушил повеление Господа и волю моего отца и взял ее в жены. Господь воздал мне по велению моего сердца, ибо я не испытывал радости от сыновей, которых она мне родила.

"А теперь, дети мои, молю вас, не опьяняйте себя вином, ибо вино уводит разум от истины и смущает зрение. Вино сбило меня с пути истинного, так что я не чувствовал стыда перед толпами людей в городе, и я отвернулся, и вошел к Фамарь в присутствии их, и совершил великий грех. И хотя человек и король, если он ведет нецеломудренный образ жизни, он теряет свое царствование. Я отдал Фамарь свой посох, который является опорой моего племени, и свой пояс, который является властью, и свою печатку-диадему, которая является славой моего царства. Я покался за все это и до глубокой старости не пил вина, не ел мяса и не знал никаких удовольствий. Вино открывает незнакомцу тайны Бога и человека. Так я раскрыл заповеди Господа и тайны моего отца Иакова хананейке Батшуа, хотя Бог запретил мне предавать их. Я также повелеваю тебе не любить золото и не смотреть на красоту женщин, ибо из-за денег и красоты я был введен в заблуждение хананеем Батшуа. Я знаю, что мой род обречен на нищету из-за этих двух вещей, ибо они изменяют даже мудрецов среди моих сыновей, и следствием этого будет то, что уменьшится Иудейское царство, владения, которые Господь дал мне в награду за

мое послушное поведение по отношению к моему отцу, ибо я никогда не противоречил ему, но все делал в соответствии с его словами. И Исаак, отец моего отца, благословил меня на то, чтобы я был правителем Израиля, и я знаю, что царство восстанет из меня. В книгах Еноха праведного я читаю обо всем зле, которое вы совершите в последние дни. Только остерегайтесь, дети мои, нецеломудрия и жадности, ибо любовь к золоту ведет к идолопоклонству, заставляя людей называть их богами, которых на самом деле нет, и подрывая разум человека. Из-за золота я потерял своих детей, и если бы я не умертвил свою плоть и не смирил свою душу, и если бы мой отец Иаков не вознес молитвы за меня, я умер бы бездетным. Но Бог моих отцов, милосердный и милосердствующий, увидел, что я действовал невольно, ибо властелин обмана ослепил меня, и я был невежественным, будучи из плоти и крови и развращенным грехами, и в тот момент, когда я считал себя непобедимым, я осознал свою слабость".

Затем Иуда ясными, краткими словами поведал своим сыновьям всю историю Израиля до пришествия Мессии, и его заключительной речью было: "Дети мои, соблюдайте весь закон Господа; в нем надежда для всех, соблюдающих пути Его. Я умираю сегодня в возрасте ста девятнадцати лет на ваших глазах. Никто не должен хоронить меня в дорогой одежде, и вы не должны разрезать мое тело, чтобы забальзамировать его, но вы должны отнести меня в Хеврон".

Произнеся эти слова, Иуда погрузился в смерть.[10]

ЧИСТОТА СЕРДЦА ИССАХАРА

Когда Иссахар почувствовал приближение своего конца, он призвал своих сыновей и сказал им: "Внимайте, дети мои, вашему отцу Иссахару и слушайте слова того, кого любит Господь. Я родился у Иакова как его пятый сын, в награду за дудайм. Рувим привел дудаймов с поля. Это были ароматные яблоки, которые росли в земле Харран на возвышенности ниже оврага. Рахиль встретила Рувима и забрала у него дудайма. Юноша заплакал, и его крики привлекли к нему его мать Лию, и она обратилась к Рахили так: "Разве это мелочь, что ты отняла у меня мужа? и не забереешь ли ты также дудайм моего сына?" И Рахиль сказала: "Смотри, Иаков будет твоим сегодня вечером за дудайм твоего сына". Но Лия настаивала: "Иаков мой, и я жена его юности", на что Рахиль сказала: "Не будь хвастливой и самонадеянной. Со мной он был обручен первым, и ради меня он служил нашему отцу четырнадцать лет. Ты не его жена, тебя взяли к нему хитростью вместо меня, потому что наш отец обманул меня и убрал с дороги в ночь твоего бракосочетания, чтобы Джейкоб не мог меня увидеть. Тем не менее, отдай мне дудайм, и ты сможешь получить Джейкоба на одну ночь".

"Затем Лия родила меня, и меня называли Иссахаром в честь награды, которую Рахиль дала моей матери. В то время ангел Господень явился Иакову и сказал: "Рахиль родит только двух сыновей, ибо она отвергла брак со своим мужем и выбрала воздержание! Но Лия родила шестерых сыновей, ибо Господь знал, что она желала быть со своим мужем не потому, что ее побуждали к этому злые наклонности, но ради детей. Молитва Рахили также была исполнена из-за дудайма, ибо, хотя она хотела съесть яблоки, она не прикоснулась к ним, но отнесла их в дом Господень и отдала священнику Всевышнего, который был в те дни.

"Когда я вырос, дети мои, я ходил в чистоте своего сердца и стал земледельцем, обрабатывая землю для моего отца и моих братьев, и я собирал плоды с полей в положенное время. Мой отец благословил меня, потому что он видел, что я хожу в чистоте сердца. Я не был женат, пока мне не исполнилось тридцать лет, потому что тяжелая работа, которую я выполнял, отнимала у меня силы, и у меня не было желания к женщине, но, подавленный усталостью, я погружался в сон. Мой отец всегда был очень доволен моей прямоотой. Если моя работа увенчивалась хорошими результатами, я приносил первые плоды своего труда священнику Господа, следующий урожай доставался моему отцу, а потом я думал о себе. Господь удвоил имущество в моих руках, и Иаков знал, что Бог помог мне ради моего простодушия, ибо в своей искренности я раздавал плоды земли бедным и нуждающимся.

"А теперь слушайте меня, дети мои, и ходите в чистоте сердца, ибо на этом всегда почивает милость Господа. Простой человек не жаждет золота, он не обманывает своего ближнего, у него нет желания есть мясо и всевозможные деликатесы, его не волнует роскошная одежда, он не надеется на долгую жизнь, он ожидает только воли Божьей. Духи обмана не имеют власти над ним, ибо он не смотрит на красоту женщины, чтобы не осквернить свой разум развратом. Ревность не проникает в его мысли, зависть не опаляет его душу, и ненасытная жадность не заставляет его искать богатую наживу за границей. Итак, дети мои, соблюдайте закон Господень, достигните простоты и ходите в простоте сердца, не вмешиваясь в дела других. Любите Господа и любите своих ближних, сжальтесь над бедными и немощными, склоняйте спины перед возделыванием земли, занимайтесь работой на земле и приносите дары Господу в знак благодарности. Ибо Господь благословил вас лучшими плодами поля, как он благословил всех святых от Авеля до наших дней.

"Знайте, дети мои, что в последнее время ваши сыновья оставят пути честности и ими будет править жадность. Они оставят праведность и будут заниматься ремеслом, они отступят от повелений Господа и последуют за Велиаром, они бросят земледелие и будут преследовать свои злые планы, они будут рассеяны среди язычников и служить своим врагам. Скажите это своим детям, чтобы, если они согрешат, они могли быстро покаяться и вернуться к Господу, ибо Он милостив, и Он заберет их, чтобы вернуть в их землю.

"Мне сто двадцать два года, и я не вижу в себе греха. Кроме моей жены, я не знал ни одной женщины. Я не был виновен в распутстве, поднимая глаза. Я не пил вина, чтобы не сбиться с пути истинного, я не возжелал того, что принадлежало моему ближнему, коварству не было места в моем сердце, ложь не слетала с моих уст. Я вздыхал вместе со всеми обремененными, и нищим я отдавал свой хлеб. Я возлюбил Господа всеми силами моими, и человечество я также возлюбил. Поступайте и вы так же, дети мои, и все духи Велиара убегают от вас, никакое деяние, совершенное нечестивыми, не будет иметь над вами власти, и вы победите всех диких зверей, ибо с вами Господь небес".

И Иссахар велел своим детям отнести его в Хеврон и похоронить его там рядом с его отцами в пещере, и он вытянул ноги и погрузился в вечный сон, преисполненный лет, здоровый телом и душой и обладающий всеми своими способностями.[11]

ЗЕБУЛОН ПРИЗЫВАЕТ К СОСТРАДАНИЮ

Когда Завулону исполнилось сто четырнадцать лет, что было через два года после смерти Иосифа, он созвал своих сыновей и такими словами увещевал их вести благочестивую жизнь: "Я - Завулон, драгоценный дар для моих родителей, ибо, когда я родился, мой отец очень разбогател благодаря прутьям с прожилками, на стадах овец и крупном рогатом скоте. Я не сознаю за собой никакого греха и не помню ничего плохого, совершенного мной, если только это не был невольный грех, совершенный против Джозефа, когда я из уважения к моим братьям не рассказал моему отцу о том, что случилось с его любимым сыном, хотя в тайне я сильно скорбел. Я боялся своих братьев, потому что они согласились, что тот, кто выдаст тайну, должен быть убит мечом. Когда они собирались убить Джозефа, я со слезами умолял их не грешить таким образом.

А теперь, дети мои, послушайте меня. Я увещаю вас соблюдать заповеди Господа, проявлять милосердие к своим ближним и проявлять сострадание не только к людям, но и к бессловесным животным. Ибо по моей милости Господь благословил меня; все мои братья заболели в то или иное время, но я избежал какой-либо болезни. Также сыновьям моих братьев пришлось перенести болезнь, и они были близки к смерти ради Иосифа, потому что в их сердцах не было жалости. Но мои сыновья сохранились в полном здравии, как вы хорошо знаете. И когда я был в Ханаане, ловил рыбу на берегах моря для моего отца Иакова, многие утонули в водах моря, но я ушел невредимым. Ибо вы должны знать, что я был первым, кто построил лодку для плавания по морю, и я плавал на ней вдоль побережья и ловил рыбу для дома моего отца, пока мы не отправились в Египет. Из жалости я делился своей добычей с бедным незнакомцем, и если он был болен или преклонных лет, я готовил для него вкусное блюдо и раздавал каждому по его потребностям, сочувствуя ему в его бедственном положении и сжалившись над ним. Поэтому Господь поймал в мои сети множество рыбы, ибо тот, кто дает что-либо своему ближнему, получает это обратно от Господа с большим приумножением. В течение пяти лет я ловил рыбу летом, а зимой вместе со своими братьями пас стада.

"Теперь, дети мои, сжальтесь и сострадайте всем людям, чтобы Господь сжалился и сострадал вам, ибо в той мере, в какой человек милосерден к своим ближним, Бог милосерден к нему. Когда мы спустились в Египет, Иосиф не стал наказывать нас за причиненное ему зло. Возьмите его за образец и не вспоминайте о том, что вам причинили зла, иначе единство будет разорвано, узы родства разорваны, а душа встревожена. Обратите внимание на воду! Если она течет неразделенной, то увлекает за собой вниз камень, дерево и песок. Но если она разделена и течет по многим каналам, земля засасывает ее, и она теряет свою силу. Если вы отделите одно от другого, вы будете подобны разделенным водам. Не разделяйтесь на две головы, ибо все, что создал Господь, имеет только одну голову. Он дал своим созданиям два плеча, две руки и две ноги, но все эти органы подчиняются одной голове".

Завулон закончил свое увещевание к единству рассказом о разделении в Израиле, о которых он прочитал в писаниях отцов церкви, о том, что они произойдут в будущие дни и принесут Израилю тяжкие страдания. Однако он сказал своим детям ободряющие слова, сказав: "Не печальтесь о моей смерти и не унывайте из-за моего ухода от вас, ибо я снова восстану среди вас и буду радостно жить среди людей моего племени, тех, кто соблюдает закон Господень. Что касается безбожников, то Господь низведет на них вечный огонь и истребит их во всех

поколениях. Теперь я спешу отсюда к моему вечному покою с моими отцами. А вы бойтесь Господа, Бога вашего, изо всех сил ваших, во все дни жизни вашей".

Закончив произносить эти слова, он погрузился в смертный сон, и его сыновья положили его в гроб, в котором позже отнесли в Хеврон, чтобы похоронить там рядом с его отцами.[12]

DAN'S CONFESSION

Когда Дэн собрал свою семью в конце своей жизни, он сказал: "Сегодня я признаюсь перед вами, дети мои, что я решил убить Джозефа, этого доброго и честного человека, и я радовался его продаже, потому что его отец любил его больше, чем всех нас. Дух зависти и хвастовства подстрекал меня, говоря: "Ты тоже сын Иакова", и один из духов Бехара разбудил меня, сказав: "Возьми этот меч и убей Иосифа, ибо, когда он умрет, твой отец полюбит тебя". Это был дух гнева, который пытался убедить меня раздавить Иосифа, как леопард раздавливает козленка зубами. Но Бог нашего отца Иакова не отдал его в мои руки, чтобы я нашел его в одиночестве, и Он не позволил мне совершить это нечестивое деяние, чтобы не были уничтожены два колена Израиля.

"И теперь, дети мои, я при смерти, и я говорю вам это по правде: если вы не будете внимательны к духу лжи и гнева, и если вы не будете любить истину и великодушие, вы погибнете. Дух гнева набрасывает сеть заблуждения на свою жертву, и она ослепляет его глаза, а дух лжи искажает его разум и затуманивает его видение. Зло - это гнев, это могила души. Воздержитесь от гнева и ненависти ко лжи, чтобы Господь мог обитать среди вас, и Бехар бежал от вашего присутствия. Говорите правду каждый своему ближнему, и вы не впадете в гнев и смуту, но будете в мире, и Господь мира будет с вами, и никакая война не победит вас.

"Я говорю так, ибо я знаю, что в последние дни вы отпадете от Бога, и вы вызовете гнев Левия, и поднимете восстание против Иуды, но вы ничего не добьетесь против них, ибо ангел Господень - их проводник, и Израиль погибнет из-за них. И если вы отвернетесь от Господа, вы будете творить всякое зло и совершать мерзости язычников, совершая нецеломудрие с женами безбожников, в то время как духи-искусители действуют среди вас. Поэтому вы будете уведены в плен, и в землях изгнания вы будете страдать от всех бедствий Египта и всех невзгод язычников. Но когда ты вернешься к Господу, ты обретешь милость. Он примет тебя в Свое святилище и дарует тебе мир.

"А теперь, дети мои, бойтесь Господа и будьте настороже против сатаны и его духов. Держитесь в стороне от всякого злого дела, отбросьте от себя гнев и всякую ложь, любите истину и снисходительность, и то, что вы слышали от своего отца, расскажите своим детям. Избегай всякой несправедливости, держись непорочности закона Господня и похорони меня рядом с моими отцами".

Произнеся эти слова, он поцеловал своих детей и заснул.[13]

МЕЧТЫ НЕФФАЛИМА О РАЗДЕЛЕНИИ КОЛЕН

На сто тридцать втором году своей жизни Неффалим пригласил всех своих детей на пир. На следующее утро, проснувшись, он сказал им, что умирает, но они ему не поверили. Однако он вознес хвалу Господу и снова заверил их, что его смерть наступит после вчерашнего банкета. Затем он обратился со своими последними словами к своим детям:

"Я родился от Валлы, и из-за того, что Рахиль действовала хитро и дала Иакову Валлу вместо себя, меня называли Неффалимом. Рахиль любила меня, потому что я родился у нее на коленях, и, когда я был еще очень мал, у нее была привычка целовать меня и говорить: "О, если бы у меня был брат тебе из моего собственного тела, по образу и подобию твоему". Поэтому Джозеф походил на меня во всех отношениях, в соответствии с молитвой Рахили. Моя мать Валла была дочерью Ротея, брата Деборы, кормилицы Ревекки, и она родилась в тот же день, что и Рахиль. Что касается Ротея, то он происходил из семьи Авраама, халдея, богобоязненного и свободного человека благородного происхождения, и когда он попал в плен, Лаван выкупил его и женил на своей рабыне Айне. Она родила Ротеусу дочь, и он назвал ее Зелфа, по названию деревни, в которой он был взят в плен. Свою вторую дочь он назвал Валлой, сказав: "Моя дочь порывиста", потому что едва она родилась, как поспешила покормить грудью.

"Я был быстроногим, как олень, и мой отец Джейкоб назначил меня своим посланником, и в своем благословении он назвал меня отпущенной на волю лани. Как гончар знает, какой сосуд он вылепляет, сколько вмещает, и соответственно использует глину, так и Господь создает тело в соответствии с душой, и в соответствии с возможностями тела Он планирует душу. Одно соответствует другому с точностью до трети толщины волоса, ибо все творение было создано по весу, мере и правилу. И как горшечник знает назначение каждого сосуда, который он изготавливает, так и Господь знает тело Своего творения, до какого момента оно будет непоколебимо в добре, а в какой момент оно скатится на злые пути. Итак, дети мои, пусть ваше поведение будет упорядочено к добру в страхе Божьем, не делайте ничего необузданного или несвоевременного, ибо, хотя вы приказываете своим глазам слышать, они все же не могут, и столь же мало вы можете совершать дела света, пребывая во тьме".

Кроме того, Неффалим сказал своим детям: "Я не даю вам никаких распоряжений относительно моего серебра, или моего золота, или любого другого имущества, которое я завещаю вам. И то, что Я приказываю вам, не является трудным делом, которое вы не можете выполнить, но я говорю вам о легком деле, которое вы можете выполнить". Тогда его сыновья ответили и сказали: "Говори, отец, ибо мы слушаем твои слова". Неффалим продолжал: "Я не даю вам никакой заповеди, кроме заповеди о страхе Божьем, чтобы вы служили Ему и следовали за Ним". Тогда сыновья Неффалима спросили: "Зачем Ему требуется наше служение?" и он ответил, сказав: "Он ни в чем не нуждается, но все создания нуждаются в Нем. Тем не менее, Он сотворил мир не напрасно, но для того, чтобы люди боялись Его, и никто не должен был делать своему ближнему того, чего он не хотел бы, чтобы другие делали с ним". Его сыновья снова спросили: "Отец, заметил ли ты, что мы отклонились от путей Господних направо или налево?" Неффалим ответил: "Бог свидетель, и я тоже свидетельствую за тебя, что все так, как ты говоришь. Но я опасаюсь относительно будущих времен, что вы можете отступить от путей Господних и последовать за идолами пришельцев, и поступать по уставам языческих народов, и присоединиться к сынам Иосифа вместо сынов Левия и Иуды". Сыновья Неффалима сказали: "По какой причине ты приказываешь нам это?" Неффалим: "Потому что я знаю, что сыновья

Иосифа однажды воспротивятся Господу, Богу своих отцов, и именно они введут сынов Израиля в грех и приведут к тому, что они будут изгнаны из своего наследия, из своей прекрасной земли, в землю, которая не принадлежит нам, точно так же, как именно Иосиф навлек на нас египетское рабство.

"Я расскажу вам, дети мои, видение, которое было у меня, когда я еще был пастухом стад. Я увидел, как мои братья пасли стада вместе со мной, и наш отец подошел и сказал: "Вставайте, сыновья мои, каждый возьмите, что может, в моем присутствии!" - Ответили мы и спросили его: "Что нам взять? Мы не видим ничего, кроме солнца, луны и звезд". Тогда наш отец сказал: "Эти ты возьмешь!" Леви, услышав это, схватил бычью упряжь, подскочил к солнцу, сел на него и поехал. Иуда сделал то же самое. Он вскочил на Луну и оседлал ее. И остальные девять колен сделали то же самое, каждое оседлало свою звезду или планету в небесах. Иосиф остался один на земле, и наш отец Иаков сказал ему: "Сын мой, почему ты не поступил так, как твои братья?" Джозеф ответил: "Какое право имеют мужчины, рожденные от женщины, быть на небесах, учитывая, что в конце концов они должны остаться на земле?" Пока Джозеф говорил это, перед ним появился высокий бык. У него были огромные крылья, похожие на крылья аиста, а его рога были такими же длинными, как у рима. Иаков подозвал своего сына: "Вставай, Иосиф, садись на быка!" Иосиф сделал, как велел ему отец, и Иаков пошел своей дорогой. В течение двух часов Джозеф демонстрировал себя верхом на быке, иногда скача галопом, иногда летя, пока не добрался до Иудеи. Тогда Иосиф развернул знамя в своей руке и начал осыпать им Иуду градом ударов, и когда его брат спросил о причине такого обращения, он сказал: "Потому что у тебя в руке двенадцать жезлов, а у меня только один. Отдай мне свою, и между нами воцарится мир! Но Иуда отказался выполнить его приказ, и Иосиф бил его до тех пор, пока тот не выронил десять розг, и в его лапе осталось только две. Теперь Иосиф предложил своим братьям оставить Иуду и последовать за ним. Они все так и поступили, кроме Вениамина, который остался верен Иуде. Левий был опечален уходом Иуды и сошел с солнца. К концу дня разразилась буря, и она рассеяла братьев, так что двоих не осталось вместе. Когда я рассказал о своем видении своему отцу Джейкобу, он сказал: "Это всего лишь сон, он не может ни помочь, ни навредить".

Вскоре после этого мне было открыто другое видение. Я увидел всех нас вместе с нашим отцом на берегу моря, и посреди моря появился корабль, и на нем не было ни матросов, ни другой команды. Наш отец спросил: "Видите ли вы то, что вижу я?" И когда мы ответили, что видим, он приказал нам следовать за ним. Он снял с себя одежду и прыгнул в море, и мы прыгнули за ним. Левий и Иуда первыми взобрались на борт корабля. Наш отец крикнул им вслед: "Смотрите, что написано на мачте", потому что нет корабля, на мачте которого не было бы имени владельца. Леви и Иуда внимательно изучили надпись и прочли следующее: "Этот корабль и все сокровища на нем принадлежат сыну Варахилу". Иаков поблагодарил Бога за то, что он благословил его не только на суше, но и на море, и он сказал нам: "Протяните ваши руки, и все, что каждый схватит, будет его!" Леви ухватился за большую мачту, Иуда за вторую мачту, рядом с мачтой Леви, и другие братья, за исключением Иосифа, взяли за весла, а сам Иаков схватил два руля, и они взяли за руки, с помощью чего управлять кораблем. Он велел Иосифу тоже взять весло, но тот отказался выполнить приказ своего отца, и Иаков отдал ему один из рулей. После того, как наш отец проинструктировал каждого из нас, что мы должны были делать, он исчез, после чего Джозеф завладел вторым рулем. Какое-то время все шло гладко, пока Иуда и Джозеф действовали вместе, в гармонии друг с другом, и Иуда держал Джозефа в курсе, в каком направлении двигаться. Но между ними вспыхнула ссора, и Иосиф повел судно не так, как приказал ему его отец, и Иуда попытался направить его, и судно разбилось о скалу. Левий и

Иуда спустились с мачт, и точно так же другие братья покинули корабль и спаслись на берег. В этот момент появился Джейкоб, и он нашел нас разбежавшимися во все стороны, и мы рассказали ему, как Джозеф посадил судно на мель, потому что он отказался из ревности к Иуде и Левию управлять им в соответствии с их указаниями. Затем Джейкоб попросил нас показать ему место, где мы потеряли корабль, от которого над водой виднелись только мачты. Он свистнул, созывая всех нас, выплыл в воду и поднял судно, как и прежде. Повернувшись к Джозефу, он сказал так: "Сын мой, никогда больше так не делай, никогда не позволяй ревности к твоим братьям овладеть тобой. Чуть не случилось так, что все твои братья погибли из-за тебя".

"Когда я рассказал моему отцу о том, что я видел в этом видении, он всплеснул руками, и слезы потекли из его глаз, и он сказал: "Сын мой, из-за того, что видение тебе было удвоено дважды, я встревожен и содрогаюсь за моего сына Джозефа. Я любил его больше, чем всех вас, но из-за его порочности вы будете уведены в плен и рассеяны по народам. Твое первое и второе видение имели одно и то же значение, видение едино".

"Поэтому, сыновья мои, я приказываю вам не присоединяться к сыновьям Иосифа, но вы должны присоединиться к сыновьям Левия и Иуды. Я также говорю вам, что моим наследием будет лучшее в Палестине, в центре земли. Вы будете есть, и восхитительные дары моей доли насытят вас. Но я предупреждаю вас, чтобы вы не упирались в свое процветание и не становились порочными, сопротивляясь повелениям Бога, который удовлетворяет вас лучшим из Своей земли, и не забывали своего Бога, которого избрал ваш отец Авраам, когда семьи земли были разделены во дни Фалега. Господь сошел с семьюдесятью ангелами во главе с Михаилом, и он повелел им обучить семидесяти языкам семьдесят семей Ноя. Ангелы поступили по велению Бога, и святой еврейский язык остался только в доме Сима и Эбера и в доме их потомка Авраама. В этот день преподавания языков Михаил пришел к каждому народу отдельно и передал им послание, которое Бог поручил ему, сказав: "Я знаю о восстании и смуте, которые вы учинили против Бога. А теперь выбери того, кому ты будешь служить, и кого ты хочешь видеть своим посредником на небесах?" Тогда заговорил Нимрод нечестивый: "В моих глазах нет никого более великого, чем тот, кто научил меня языку Куша". Другие народы также ответили подобными словами, каждый назвал своего ангела. Но Авраам сказал: "Я не выбираю никого иного, кроме Того, Кто говорил и был миром. В Него Я буду верить и в мое семя во веки веков". С тех пор Бог поручил каждый народ заботе своего ангела, но Авраама и его семя Он сохранил для Себя.

Поэтому я заклинаю вас не сбиваться с пути и служить другим богам, кроме Того, кого выбрали наши отцы. Вы можете отчасти ощутить Его силу в сотворении человека. С головы до ног человек сотворен чудесным образом. Своими ушами он слышит, своими глазами он видит, своим мозгом он постигает, своим носом он обоняет, трубками своего горла он издает звуки, своим пищеводом он глотает пищу, своим языком он артикулирует, своим ртом он формирует слова, своими руками он выполняет свою работу, своим сердцем он медитирует, своей селезенкой он смеется, своей печенью он приходит в ярость, своим желудком он измельчает пищу, своими ногами он ходит, своими легкими он дышит, и своими почками он принимает решения, и ни один из его органов не работает. претерпевает изменения функция, каждая выполняет свою собственную. Поэтому человеку надлежит принять близко к сердцу того, кто его создал и кто развил его из дурно пахнущей капли в утробе женщины, кто вывел его на свет мира, кто дал зрение его глазам и кто наделил силой движения его ноги, кто заставляет его стоять прямо, кто вдохнул в него дыхание жизни и кто наделил его от Своего собственного чистого

духа. Поэтому счастлив человек, который не оскверняет святой дух Божий внутри себя, совершая злые дела, и хорошо для него, если он вернет его своему Создателю таким, каким он его получил".

После того, как Неффалим наставил своих детей таким образом и многими другими уроками, подобными этому, он приказал им отнести его останки в Хеврон, чтобы похоронить там рядом с его отцами. Затем он с радостью поел и выпил, закрыл лицо свое и умер, и сыновья его сделали все, что повелел им их отец Неффалим.[14]

НЕНАВИСТЬ ГАДА

На сто двадцать пятом году своей жизни Гад собрал своих сыновей и обратился к ним: "Я девятый сын Иакова, и я был доблестным пастухом стад. Я охранял стада, и когда приближался лев или любой другой дикий зверь, я преследовал его, хватал за ногу, отбрасывал на расстояние броска камня от себя и убивал таким образом. Однажды в течение тридцати дней Иосиф пас стада вместе с нами, а когда он вернулся к нашему отцу, то рассказал ему, что сыновья Зелфы и Валлы забили лучшее из стад и использовали мясо без ведома Рувима и Иуды. Он видел, как я вырвал ягненка из пасти медведя, убил медведя и зарезал ягненка, потому что он был слишком тяжело ранен, чтобы жить. Я гневался на Иосифа за его болтовню, пока его не продали в Египет. Я не хотел ни смотреть на него, ни что-либо слышать о нем, потому что он прямо нам в лицо обвинил нас в том, что мы съели ягненка, не спросив сначала разрешения Иуды. И чему бы Джозеф ни говорил нашему отцу, он верил.

Теперь я признаю свой грех в том, что часто мне хотелось убить его, потому что я ненавидел его от всего сердца, а из-за его снов я ненавидел его еще больше, и я желал стереть его с лица земли живых. Но Иуда тайком продал его измаильтянам. Таким образом, Бог наших отцов спас его от наших рук, и Он не позволил нам совершить отвратительное злодеяние в Израиле.

"Послушайте теперь, дети мои, слова истины, чтобы вы могли практиковать справедливость и весь закон Всевышнего и не позволять духу ненависти искушать вас. Зло - это ненависть, ибо оно постоянный спутник обмана, оно всегда противоречит истине. Малое он преувеличивает до величия, свет принимает за тьму, сладкое называет горьким, и это учит клевете, разжигает гнев, провоцирует войну и насилие и наполняет сердце дьявольским ядом. Я рассказываю вам о своем собственном опыте, дети мои, чтобы вы могли изгнать ненависть из своих сердец и прилепиться к любви Господа. Праведность изгоняет ненависть, а смирение убивает ее, ибо тот, кто боится обидеть Господа, не желает поступать дурно даже в своих мыслях. Это то, что я осознал в конце концов, после того, как совершил покаяние из-за Джозефа, ибо истинное искупление, угодное Богу, просветляет глаза, озаряет душу знанием и дает совет спасения. Мое покаяние было вызвано болезнью печени, которую Бог наложил на меня. Без молитв моего отца Иакова мой дух покинул бы меня, ибо через орган, с помощью которого человек грешит, он подвергается наказанию. Поскольку моя печень не испытывала жалости к Джозефу, моя печень причинила мне немилосердные страдания. Мой суд длился одиннадцать месяцев, столько же, сколько длилась моя вражда к Джозефу.

"А теперь, дети мои, каждый из вас должен любить своего брата, и вы должны искоренить ненависть из своих сердец, любя друг друга словом, делом и помыслами души. Ибо я мирно

беседовал с Джозефом в присутствии нашего отца, но когда я ушел от него, дух ненависти омрачил мой разум и побудил мою душу убить его. Если ты увидишь кого-то, кому повезло больше, чем тебе, не печалься, но молись за него, чтобы его счастье было совершенным, и если кто-то из нечестивых даже разбогатеет, как Исав, брат моего отца, не завидуй ему. Ждите конца Господня.

"Это также скажи своим детям, чтобы они почитали Иуду и Левия, ибо от них Господь восстанет спаситель Израилю. Ибо я знаю, что в конце концов твои дети отпадут от Бога и будут участвовать во всяком нечестии, злобе и развращенности перед Господом".

После того, как Гад немного отдохнул, он снова заговорил: "Дети мои, прислушайтесь к своему отцу и похороните меня с моими отцами". Затем он вытянул ноги и спокойно уснул. Через пять лет его сыновья отнесли его останки в Хеврон к его отцам.[15]

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА АШЕРА

На сто двадцать пятом году своей жизни, когда он был еще крепок здоровьем, Ашер призвал к себе своих детей и увещевал их ходить путями добродетели и страха Божьего. Он сказал: "Слушайте, вы, сыны Ашера, своего отца, и я покажу вам все, что правильно перед Богом. Два пути Бог указал детям человеческим, и две склонности Он даровал им, два вида действий и две цели. Следовательно, все вещи двойственны, одна противоположна другой. Но вы, дети мои, вы не должны двоиться, стремясь одновременно к добру и злу. Вы должны держаться только путей добра, ибо Господь находит в них удовольствие, и люди стремятся к ним. И беги от нечестия, ибо так ты уничтожишь злые наклонности. Хорошо внимай повелениям Господа, следуя истине единым разумом. Соблюдайте закон Господень и не заботьтесь о плохом так же, как о хорошем. Лучше смотрите на то, что действительно хорошо, и охраняйте это в соответствии со всеми заповедями Господа. Конец человека, когда он встречает посланников Бога и сатаны, показывает, был ли он праведен или неправеден в своей жизни. Если его душа выйдет в волнении, ее будет мучить злой дух, которому она служила своими похотями и злыми делами; но если она уйдет спокойно, ангел мира приведет ее к жизни вечной.

"Не будьте подобны Содому, дети мои, который не признал ангелов Господних, чтобы вы не были преданы в руки ваших врагов, и земля ваша не была проклята, и святилище ваше не было разрушено, и вы не были рассеяны по четырем концам земли и презирались в смятении, как стоячая вода, пока Всевышний не посетит землю и не сокрушит головы драконов в водах. Скажите это, сыны мои, своим детям, чтобы они не были непослушны Богу, ибо я читаю в небесных скрижалях, что вы будете непокорны и будете поступать нечестиво по отношению к Нему, поскольку вам будет наплевать на закон Божий, но вы будете прислушиваться к человеческим законам, а они искажены по причине человеческого безбожия. Поэтому вы будете рассеяны по всему миру, подобно Гаду и Дану, братья мои, и вы не будете знать ни своей земли, ни своего племени, ни своего языка. Тем не менее Господь соберет вас в Своей верности, ради Своей великой милости и ради Авраама, Исаака и Иакова".

И когда он закончил произносить эти слова, он приказал похоронить его в Хевроне. И он погрузился в сладкий сон и умер. Его сыновья сделали, как он приказал, и они отнесли его наверх и похоронили вместе с его отцами.[16]

БЕНДЖАМИН ПРЕВОЗНОСИТ ДЖОЗЕФА

Бенджамину было сто двадцать пять лет, и он позвал своих детей прийти к нему. Когда они появились, он поцеловал их и сказал: "Как Исаак родился у Авраама в старости, так и я родился у Иакова, когда он был преклонных лет. Поэтому меня называли Вениамином, "сыном дней". Моя мать Рахиль умерла при моем рождении, и Валла, ее рабыня, кормила меня грудью. У Рахили не было детей в течение двенадцати лет после того, как она родила Иосифа. Поэтому она помолилась Богу и постилась двенадцать дней, и она зачала и родила меня. Наш отец нежно любил Рахиль и очень хотел иметь от нее двух сыновей.

"Когда я спустился в Египет, и мой брат Иосиф узнал меня, он спросил меня: "Что сказали мои братья моему отцу обо мне?" И я рассказал ему, что они прислали Иакову его одежду, запятнанную кровью, и сказали: "Теперь узнай, принадлежит ли это одежде твоего сына или нет". И Иосиф сказал: "Вот что случилось со мной. Ханаанские купцы насильно похитили меня, а по дороге хотели спрятать мой плащ, чтобы все выглядело так, будто меня встретил дикий зверь и убил. Но тот, кто собирался скрыть это, был растерзан львом, после чего его товарищи в великом страхе продали меня измаильтянам. Мои братья, как ты видишь, не обманули моего отца ложью. Таким образом, мудрый Джозеф пытался сохранить поступок наших братьев в секрете от меня. Он также призвал моих братьев и приказал им не рассказывать нашему отцу о том, что они с ним сделали, и велел им повторить историю, которую он рассказал мне.

"Итак, дети мои, любите вы Господа, Бога неба и земли, и соблюдайте Его заповеди, взяв за образец этого доброго и благочестивого человека Джозефа. До дня своей смерти он не стал бы разглашать, что сделали с ним его братья, и хотя Бог открыл Иакову их поступок, он продолжал отрицать это. Только после долгих усилий, когда Джейкоб заклинал его признаться во всем, он был вынужден заговорить. Даже тогда он умолял нашего отца Иакова помолиться за наших братьев, чтобы Бог не посчитал грехом зло, которое они ему причинили. И Иаков воскликнул: "О мое доброе дитя Иосиф, ты показал себя более милосердным, чем был я!"

"Дети мои, наблюдали ли вы милосердие доброго человека? Подражайте ему с чистым намерением, чтобы и вы могли носить венцы славы. У доброго человека нет завистливых глаз, он милосерден ко всем, даже к грешникам, хотя их злые замыслы направлены против него, и своими добрыми делами он побеждает зло, поскольку это было предначертано Богом. Если ты будешь творить добро, нечистые духи отойдут от тебя, и даже дикие звери будут бояться тебя. Склонность хорошего человека заключается не в силе духа-искусителя Бехара, ибо ангел мира направляет его душу. Бегите от злобы Велиара, чей меч обнажен, чтобы убить всех, кто платит ему повиновением, и его меч - мать семи зол: кровопролития, развращенности, заблуждений, плена, голода, паники и опустошения. Поэтому Бог предал Каина семи наказаниям. Раз в сто лет Господь обрушивал на него кару. Его страдания начались, когда ему было двести лет, и на девятисотом году жизни он был уничтожен потоком за то, что убил своего праведного брата Авеля. И те, кто подобен Каину, будут навечно наказаны теми же наказаниями, что и он.

"Знайте теперь, дети мои, что я приближаюсь к смерти. Практикуйте истину и праведность и соблюдайте закон Господа, а также Его заповеди. Это я завещаю вам как ваше единственное наследие, и вы должны оставить это своим детям в вечное владение. Так поступили Авраам, Исаак и Иаков, они передали это нам, сказав: "Соблюдайте заповеди Божьи, пока Господь не

явит Свое спасение в глазах всех народов". Тогда вы увидите, как Енох, Ной, Сим, Авраам, Исаак и Иаков [17] с радостью восстанут к новой жизни одесную Бога, и мы, братья, сыновья Иакова, тоже восстанем, каждый из нас во главе своего племени, и мы воздадим почести Царю небес".

После того, как Вениамин закончил говорить таким образом, он сказал: "Я приказываю вам, дети мои, вынести мои кости из Египта и похоронить меня рядом с моими отцами".

И когда он закончил говорить все это, он уснул в глубокой старости, и они положили его тело в гроб, и на девяносто первом году их пребывания в Египте его сыновья и сыновья его братьев тайно подняли кости своего отца и похоронили их в Хевроне, у ног своих отцов. Затем они вернулись из земли Ханаанской и жили в Египте до дня исхода из той земли.[18]

III РАБОТА

ИОВ И ПАТРИАРХИ

Иов, самый благочестивый язычник, когда-либо живший, [1] один из немногих, носивших почетный титул "слуга Божий", [2] был двойным родственником Иакова. Он был внуком Исава, брата Иакова, и в то же время зятем самого Иакова, поскольку он женился на Дине в качестве своей второй жены.[3] Он был полностью достоин быть членом семьи Патриарха, потому что был совершенно честным человеком, боявшимся Бога и сторонившимся зла. Если бы он не поколебался в своей покорности Божественной воле во время великого испытания, которому он был подвергнут, и не роптал на Бога, ему была бы дарована честь соединить свое имя с Именем Бога в молитве, и люди взывали бы к Богу Иова так же, как сейчас они взывают к Богу Авраама, Исаака и Иакова. Но он не был найден стойким, как три Отца, и лишился чести, которую Бог предназначил ему.

Господь упрекнул его в недостатке терпения, сказав: "Почему ты роптал, когда на тебя обрушилось страдание? Считаешь ли ты себя более ценным, чем Адам, творение Моих собственных рук, которому вместе с его потомками Я приговорил смерть за единственный проступок? И все же Адам не роптал. Ты, конечно, не более достоин Авраама, которого я искушал многими испытаниями, и когда он спросил: "Откуда мне знать, что я унаследую землю?" и я ответил: "Знай наверняка, что потомство твое будет пришельцем в земле, которая им не принадлежит, и будет служить им; и они будут мучить их четыреста лет", - он все же не роптал. Ты ведь не считаешь себя более достойным Моисея, не так ли? Ему я не даровал бы милости войти в землю обетованную, потому что он произнес слова: "Слушайте теперь, вы, мятежники; должны ли мы принести вам воду из этой скалы?" И все же он не роптал. Достоин ли ты Аарона, которому я оказал большую честь, чем любому сотворенному существу, ибо я отослал самих ангелов из Святой Святыни, когда он вошел в это место? И все же, когда умерли двое его сыновей, он не роптал".[4]

Контраст между Иовом и Патриархами проявляется из слов, сказанных им, и слов, сказанных Авраамом. Обращаясь к Богу, Авраам сказал: "Это далеко от Тебя - поступать таким образом, убивать праведных вместе с нечестивыми, чтобы праведные были такими же, как нечестивые", и Иов воскликнул против Бога: "Все это одно; поэтому я говорю, что Он уничтожает совершенных

и нечестивых". Они оба получили должное воздаяние, Авраам был вознагражден, а Иов наказан.[5]

Убежденный в том, что его страдания незаслуженны и несправедливы, Иов имел смелость сказать Богу: "О Господь мира, Ты сотворил быка с раздвоенными ногами и осла с раздвоенным копытом, Ты сотворил Рай и ад, Ты сотворил праведников, а также нечестивых. Никто не может помешать, Ты можешь делать то, что кажется Тебе благим в Твоих глазах". Друзья Иова ответили: "Это правда, Бог создал злую наклонность, но Он также дал человеку Тору как средство от нее. Поэтому нечестивые не могут снять свою вину со своих плеч и возложить ее на Бога".

Причина, по которой Иов не уклонялся от таких экстравагантных высказываний, заключалась в том, что он отрицал воскресение мертвых. Он судил о процветании нечестивых и горестях благочестивых только по их земному благополучию. Исходя из этой ложной посылки, он считал возможным, что наказание, выпавшее на его долю, вовсе не предназначалось для него. Бог впал в ошибку, Он возложил на него страдания, которые были назначены грешнику. Но Бог обратился к нему, сказав: "Много волос сотворил Я на голове человека, но у каждого волоска есть свой мешочек, ибо если бы два волоска получали питание из одного и того же мешочка, человек потерял бы зрение. Никогда не случалось, чтобы мешок был потерян. Должен ли я, в таком случае, перепутать Иова с другим? Я позволил множеству капель дождя упасть с небес, и для каждой капли в облаках есть плесень, потому что, если бы две капли вышли из одной и той же плесени, земля стала бы такой болотистой, что на ней не могло бы расти ничего. Никогда не случалось, чтобы форма была неуместна. Должен ли я, в таком случае, перепутать Работу с другой? Много молний я бросаю с небес, но каждая из них исходит своим собственным путем, ибо если бы двое шли одним и тем же путем, они уничтожили бы весь мир. Никогда не случалось, чтобы какой-то путь был потерян. Должен ли я, в таком случае, перепутать Иова с другим? Газель рождает своих детенышей на самой вершине скалы, и они упали бы в пропасть и были бы раздавлены насмерть, если бы я не послал туда орла, чтобы тот подхватил их и отнес к матери. Появись орел на минуту раньше или позже назначенного времени, маленькая газель погибла бы. Никогда не случалось, чтобы была упущена положенная минута. Должен ли я тогда перепутать Работу с другой? У самки самки сокращена матка, и она не смогла бы произвести на свет детенышей, если бы я в нужную секунду не послал к ней дракона, чтобы тот покусал ее матку и смягчил ее, ибо тогда она сможет рожать. Если бы дракон появился секундой раньше или позже нужного времени, лань погибла бы. Никогда не случалось, чтобы я упускал нужную секунду. Должен ли я тогда перепутать Иова с другим?"

Несмотря на непростительные слова Иова, Бог был недоволен его друзьями за то, что они вынесли ему суровый приговор. "Человек не может нести ответственность за то, что он делает в своих страданиях", и агония Иова действительно была велика[6]

БОГАТСТВО И БЛАГОДЕЯНИЯ ИОВА

Однажды Иова спросили, какое, по его мнению, самое тяжелое бедствие, которое могло его постигнуть, и он ответил: "Радость моих врагов моему несчастью", [7] и когда Бог потребовал от него знать, после обвинений сатаны, что он предпочитает, бедность или физические страдания, он выбрал боль, сказав: "О Господь всего мира, накажи мое тело всевозможными страданиями, только сохрани меня от бедности". [8] Бедность казалась ему большим бедствием, потому что до

своих испытаний он занимал блестящее положение благодаря своему огромному богатству. Бог милостиво даровал ему это предвкушение мессианского времени. Сбор урожая последовал сразу после вспашки его поля; как только семена были разбросаны по бороздам, они проросли и дали плоды. Он также преуспел со своим скотом. Его овцы убивали волков, но сами никогда не подвергались нападению диких зверей.[9] Овец у него было не менее ста тридцати тысяч, и ему требовалось восемьсот собак, чтобы охранять их, не говоря уже о двухстах собаках, необходимых для обеспечения безопасности его дома. Кроме того, его стада состояли из трехсот сорока тысяч ослов и трех с половиной тысяч пар волов. Все это имущество использовалось не для потакания своим желаниям, а на благо бедных и нуждающихся, которых он одевал, кормил и снабжал всем необходимым. Чтобы сделать все это, ему даже пришлось нанять корабли, которые доставляли припасы во все города и жилища обездоленных. Его дом был снабжен дверями со всех четырех сторон, чтобы бедняк и путник могли войти, с какой бы стороны они ни приближались. В его доме всегда было готово тридцать столов, уставленных яствами, и еще двенадцать - только для вдов, так что все приходившие находили то, что желали. Забота Иова о бедных была настолько деликатной, что он держал слуг, которые постоянно прислуживали им. Его гости, восхищенные его благотворительностью, часто предлагали себя в качестве помощников для помощи бедным в его доме, но Иов всегда настаивал на том, чтобы платить им за их услуги. Если бы его попросили одолжить денег для использования в коммерческих целях, и заемщик пообещал бы раздавать часть своей прибыли бедным, он не потребовал бы никакого обеспечения, кроме простой подписи. И если случалось, что по той или иной причине должник не мог исполнить свое обязательство, Иов возвращал ему записку или рвал ее на кусочки в его присутствии.

Он не удовлетворялся удовлетворением материальных потребностей тех, кто обращался к нему. Он также стремился донести до них знание о Боге. После трапезы у него была привычка играть на музыкальных инструментах, а затем он приглашал присутствующих присоединиться к нему в песнях хвалы Богу. В таких случаях он не считал себя выше того, чтобы поиграть на цитре, пока музыканты отдыхали.[10]

Больше всего Иов заботился о благе и горе вдов и сирот. Он имел обыкновение навещать больных, как богатых, так и бедных, и, когда это было необходимо, приводил с собой врача. Если дело оказывалось безнадежным, он поддерживал пострадавшую семью советом и утешением. Когда жена неизлечимо больного человека начинала горевать и рыдать, он ободрял ее такими словами, как эти: "Всегда уповай на милость и любящую доброту Бога. Он не покидал тебя до сих пор и не оставит впредь. Здоровье твоего мужа восстановится, и он сможет обеспечивать свою семью, как и прежде. Но если — да упасет Бог — твой муж умрет, я призываю Небеса в свидетели, что я обеспечу пропитанием тебя и твоих детей". Сказав это, он посылал за нотариусом и заставлял его составить документ, который он подписывал в присутствии свидетелей, обязуясь заботиться о семье, если она лишится главы. Таким образом, он заслужил благословение больного и благодарность скорбящей жены.[11]

Иногда, в случае необходимости, Работа тоже могла быть тяжелой, особенно когда речь шла о том, чтобы помочь бедняку получить причитающееся. Если бы было известно, что одна из сторон по иску, переданному в его трибунал, была склонна к насилию, он окружил бы себя своей армией и внушил бы ему страх, чтобы преступник не мог не показать, что подчиняется его решению.[12]

Он старался привить своим детям свою доброжелательность, приучая их прислуживать бедным. На следующий день после праздника он приносил щедрую жертву Богу, и вместе с кусками мяса на алтаре его приношения делились между нуждающимися. Он говорил: "Берите и угощайтесь, и молитесь за моих детей. Возможно, они согрешили и отреклись от Бога, сказав в глубине своих сердец: "Мы дети этого богатого человека. Все это - наше имущество. Почему мы должны быть слугами бедных?"

САТАНА И ИОВ

Счастливая, богоугодная жизнь, которую Иов вел в течение многих лет, возбудила ненависть сатаны, который затаил на него старую обиду. Возле дома Иова стоял идол, которому поклонялись люди. Внезапно сомнения напали на сердце Иова, и он спросил себя: "Действительно ли этот идол - творец неба и земли? Как я могу узнать правду об этом?" Следующей ночью он услышал голос, зовущий: "Джобаб! Джобаб! Встань, и я скажу тебе, кто тот, кого ты желаешь узнать. Тот, кому люди приносят жертвы, не Бог, он - дело рук искусителя, с помощью которого он обманывает людей". Услышав голос, Иов бросился на землю и сказал: "О Господи, если этот идол - дело рук искусителя, то даруй мне уничтожить его. Никто не может помешать мне, ибо я король этой земли".[13]

Иов, или, как его иногда называют, Иовав, действительно был царем Эдома, земли, где замышляются злые планы против Бога, поэтому его также называют Уз, "совет".[14]

Голос продолжал говорить. Он заявил о себе как об архангеле Божьем и открыл Иову, что он навлечет на себя вражду сатаны разрушением идола и большими страданиями из-за этого. Однако, если бы он оставался непоколебимым перед ними, Бог превратил бы его беды в радости, его имя прославилось бы на протяжении поколений человечества, и он принял бы участие в воскресении к вечной жизни. Иов ответил голосу: "Из любви к Богу я готов претерпеть все до дня моей смерти. Я не отступлю ни перед чем". Тогда Иов встал и в сопровождении пятидесяти человек направился к идолу и разрушил его.

Зная, что сатана попытается приблизиться к нему, он приказал своей охране никого не впускать, а затем удалился в свои покои. Он угадал правильно. Сатана немедленно появился в облике нищего и потребовал разговора с Иовом. Стражник выполнил его приказ и запретил ему входить. Тогда нищенствующий попросил его заступиться за него перед Иовом за кусок хлеба. Иов знал, что это был сатана, и он послал ему сообщение следующего содержания: "Не надейся есть мой хлеб, ибо это запрещено тебе", в то же время вложив кусок подгоревшего хлеба в руку стражника сатаны. Слуге было стыдно давать нищему подгоревший хлеб, и он заменил его хорошим куском. Однако сатана, зная, что слуга не выполнил поручения своего господина, сказал ему об этом в лицо, и он принес подгоревший хлеб и протянул ему, повторяя слова Иова. На это сатана ответил так: "Как хлеб подгорел, так я изуродую твоё тело". Иов ответил: "Делай, как хочешь, и выполняй свой план. Что касается меня, я готов вытерпеть все, что ты ни обрушишь на меня".

Теперь сатана обратился к Богу и молился Ему отдать Иова в его власть, [15] говоря: "Я ходил взад и вперед по земле, и ходил по ней взад и вперед, и я не видел такого благочестивого человека, как Авраам. Ты обещал ему всю землю Палестину, и все же он не обижался на то, что у

него не было даже места для погребения Сарры.[16] Что касается Иова, то это правда, я не нашел никого, кто любил бы Тебя так, как он, но если Ты отдашь его в мои руки, мне удастся отвратить его сердце от Тебя". Но Бог сказал: "Сатана, сатана, что ты хочешь сделать со слугой моим Иовом, подобного которому нет на земле?" Сатана настаивал на своей просьбе, касающейся Иова, и Бог удовлетворил ее, Он дал ему полную власть над имуществом Иова.[17]

Этот день обвинения Иова был Днем Нового года, когда добрые и злые дела человека предстают перед Богом.[18]

СТРАДАНИЯ ИОВА

Наделенный неограниченной властью, сатана попытался лишить Иова всего, чем он владел. Он сжег часть своего скота, а другую часть унесли враги. Что еще больше огорчало Иова, так это то, что получатели его щедрот отвернулись от него и забрали его имущество.[19]

Среди противников, напавших на него, была Лилит, царица Савская.[20] Она жила на большом расстоянии от его резиденции, ей и ее армии потребовалось три года, чтобы добраться от ее дома до его. Она напала на его быков и ослов и завладела ими, предварительно убив людей, на попечение которых их доверил Иов. Одному мужчине удалось спастись в одиночку. Раненый и покрытый синяками, в нем оставалось жизни только на то, чтобы рассказать Иову о своих потерях, а затем он упал замертво. Овцы, которых царица Савская не тронула, были уведены халдеями. Первым намерением Иова было начать войну против этих мародеров, но когда ему сказали, что часть его имущества была сожжена небесным огнем, он воздержался и сказал: "Если небеса отвернутся от меня, я ничего не смогу сделать".[21]

Недовольный результатом, сатана переоделся персидским царем, осадил город, где жила резиденция Иова, захватил его и обратился к жителям, говоря: "Этот человек Иов присвоил все блага в мире, ничего не оставив другим, и он также разрушил храм нашего бога, и теперь я отплачу ему за его злые дела. Пойдем со мной и разграбим его дом". Сначала люди отказались прислушаться к словам сатаны. Они боялись, что сыновья и дочери Иова позже восстанут против них и отомстят за обиды своего отца. Но после того, как сатана разрушил дом, в котором собрались дети Иова, и они лежали мертвыми в руинах, люди сделали, как он им велел, и разграбили дом Иова.

Видя, что ни потеря всего, что у него было, ни смерть его детей не могут изменить его благочестивое сердце, сатана предстал перед Богом во второй раз и попросил, чтобы сам Иов, сама его личность были отданы в его руки. Бог удовлетворил просьбу сатаны, но он ограничил свою власть телом Иова, его души он не мог коснуться.[22] В некотором смысле сатане было хуже, чем Иову. Он был в положении раба, которому хозяин приказал разбить кувшин и не пролить вино.[23]

Теперь сатана вызвал ужасающую бурю, разразившуюся над домом Иова. Раскаты сбросили его со своего трона, и он пролежал на полу три часа. Тогда сатана поразил его тело проказой от подошвы ноги до макушки. Эта чума вынудила Иова покинуть город и сесть снаружи на кучу пепла, [24] потому что его нижние конечности были покрыты сочащимися нарывами, и выделения вытекали на пепел. Верхняя часть его тела была покрыта коркой сухих фурункулов, и, чтобы облегчить зуд, который они у него вызывали, он пользовался ногтями, пока они не

отвалились вместе с кончиками пальцев, и он взял с собой черепок, чтобы поскрести им себя.[25] Его тело кишело паразитами, но если одно из маленьких созданий пыталось уползти от него, он загонял его обратно, говоря: "Оставайся на месте, куда ты был послан, пока Бог не назначит тебе другого".[26] Его жена, опасаясь, что он не перенесет свои ужасные страдания стойко, посоветовала ему молиться Богу о смерти, чтобы он мог быть уверен, что выйдет отсюда честным человеком.[27] Но он отверг ее совет, сказав: "Если во дни удачи, которая обычно побуждает людей отрицать Бога, я был тверд и не восстал против Него, то, несомненно, я смогу оставаться непоколебимым и в несчастье, которое заставляет людей быть послушными Богу".[28] Иов придерживался своего решения, несмотря на все страдания, в то время как его жена была недостаточно сильна, чтобы смириться со своей участью и подчиниться воле Божьей.

Ее участь действительно была горькой, потому что ей пришлось наняться разносчицей воды к простому крестьянину, и когда ее хозяин узнал, что она делится своим хлебом с Иовом, он уволил ее. Чтобы уберечь своего мужа от голодной смерти, она остригла свои волосы и купила на них хлеб. Это было все, что ей оставалось, чтобы заплатить цену, назначенную торговцем хлебом, не кем иным, как самим сатаной, который хотел подвергнуть ее испытанию. Он сказал ей: "Если бы ты не заслужила этих великих страданий, они не постигли бы тебя". Эти слова были выше сил бедной женщины. Тогда-то она и пришла к своему мужу и среди слез и стонов убеждала его отречься от Бога и умереть. Иова, однако, не смутили ее слова, потому что он сразу догадался, что сатана стоит за спиной его жены и соблазнил ее говорить таким образом. Повернувшись к искусителю, он сказал: "Почему ты не встречаешься со мной откровенно? Оставь свои коварные уловки, негодяй". После этого сатана предстал перед Иовом, признал, что он побежден, и ушел смущенный.[29]

ЧЕТВЕРО ДРУЗЕЙ

Друзья Иова жили в разных местах, с интервалом в триста миль друг от друга. Тем не менее, все они были проинформированы о несчастье своего друга в одно и то же время следующим образом: у каждого в короне были изображения других, и как только кто-либо из них сталкивался с неудачей, это проявлялось на его картине. Таким образом, друзья Иова одновременно узнали о его несчастье и поспешили к нему на помощь.[30]

Эти четверо друзей были родственниками друг другу, и каждый из них был связан с Иовом. Елифаз, царь Фемана, был сыном Исава;[31] Вилдад, Софар и Елиуй были двоюродными братьями, их отцы Шуах, Наамат и Варахель были сыновьями Буза, который был братом Иова и племянником Авраама.[32]

Когда четверо друзей прибыли в город, в котором жил Иов, жители вывели их за ворота и, указав на фигуру, лежащую на куче пепла на некотором расстоянии, сказали: "Вон Иов". Сначала друзья не поверили им и решили повнимательнее присмотреться к этому человеку, чтобы удостовериться в его личности. Но отвратительный запах, исходивший от Иова, был настолько силен, что они не могли приблизиться к нему. Они приказали своим войскам разбросать повсюду благовония и ароматические вещества. Только после того, как это было сделано в течение нескольких часов, они смогли подойти к изгоя достаточно близко, чтобы узнать его.

Елифаз был первым, кто обратился к Иову: "Ты действительно Иов, царь, равный по рангу нам?" И когда Иов сказал "Да", они разразились причитаниями и горькими слезами, и все вместе они спели элегию, армии трех царей, Элифаза, Вилдада и Софара, присоединившись к хору. Снова заговорил Елифаз, он оплакивал печальную судьбу Иова и описывал былую славу своего друга, добавляя припев к каждому предложению: "Куда ушло великолепие престола твоего?"

После долгого слушания стенаний Елифаза и его спутников Иов заговорил, сказав: "Замолчи, и я покажу тебе мой престол и великолепие его славы. Короли погибнут, правители исчезнут, их гордость и блеск пройдут, как тень по зеркалу, но мое царство будет существовать во веки веков, ибо слава и великолепие - в колеснице моего Отца".

Эти слова вызвали гнев Елифаза, и он призвал своих соратников бросить Иова на произвол судьбы и идти своей дорогой. Но Вилдад утихомирил его гнев, напомнив ему, что следует сделать некоторую скидку такому испытуемому, как Иов. Вилдад задал пострадавшему ряд вопросов, чтобы установить его вменяемость. Он хотел выяснить у Иова, как получилось, что Бог, на которого он продолжал возлагать свои надежды, смог причинить такие ужасные страдания. Даже король из плоти и крови не позволил бы своему гвардейцу, который преданно служил ему, попасть в беду. Вилдад пожелал получить от Иова информацию также о движении небесных тел.

У Иова был только один ответ на эти вопросы: человек не может постичь Божественную мудрость, независимо от того, проявляется ли она в неодушевленной и грубой природе или по отношению к людям. "Но, - продолжал Иов, - чтобы доказать вам, что я в здравом уме, послушайте вопрос, который я вам задам. Твердая пища и жидкости соединяются внутри человека и снова разделяются, когда покидают его тело. Кто производит разделение?" И когда Вилдад признал, что не может ответить на этот вопрос, Иов сказал: "Если ты не можешь постичь изменения в своем теле, как ты можешь надеяться постичь движение планет?"

Софар, после того как Иов поговорил таким образом с Вилдадом, убедился, что его страдания никак не повлияли на его разум, и спросил его, позволит ли он лечиться врачам трех царей, его друзьям. Но Иов отверг это предложение, сказав: "Мое исцеление и мое восстановление исходят от Бога, Создателя всех врачей".

Пока три царя беседовали таким образом с Иовом, появилась его жена Зитидос, одетая в лохмотья, и она бросилась к ногам друзей своего мужа, и сквозь слезы заговорила, говоря: "О Елифаз, и вы, другие друзья Иова, вспомните, какой я была в прежние дни, и как я теперь изменилась, представ перед вами в лохмотьях". Вид несчастной женщины тронул их так глубоко, что они могли только плакать, и ни слова не могли выдавить из себя. Однако Элифаз взял свою царскую пурпурную мантию и набросил ее на плечи бедной женщины. Зитидос просила только об одном одолжении: чтобы три царя приказали своим солдатам расчистить руины здания, под которым были погребены ее дети, чтобы она могла достойно похоронить их останки. Соответствующий приказ был отдан солдатам, но Иов сказал: "Не подвергайте себя напрасному беспокойству. Моих детей не найдут, ибо они в безопасности у своего Господа и Создателя". И снова его друзья были уверены, что Иов лишился рассудка. Однако он встал, помолился Богу и в конце своего богослужения велел своим друзьям посмотреть на восток, и когда они выполнили его приказ, то увидели его детей рядом с Правителем небес с венцами славы на головах. Зитидос простерлась ниц и сказала: "Теперь я знаю, что память о мне пребывает у Господа". И она вернулась в дом своего господина, откуда на некоторое время

отлучилась против его воли. Он запретил ей покидать его, потому что боялся, что три короля заберут ее с собой.

Вечером она легла спать рядом с яслями для скота, но больше так и не поднялась, она умерла там от истощения. Жители города устроили по ней большой траур, и элегия, сочиненная в ее честь, была изложена письменно и записана.

РАБОТА ВОССТАНОВЛЕНА

Все больше и больше друзей Иова приходили к выводу, что он навлек на себя Божественное наказание за свои грехи, и по мере того, как он снова и снова подтверждал свою невиновность, они в гневе готовились бросить его на произвол судьбы. Особенно сатана побудил Елиуя произносить оскорбительные слова против Иова, упрекая его в непоколебимой уверенности в Боге. Затем Господь явился им, сначала Иову, и открыл ему, что Елиуй был неправ, и его слова были вдохновлены сатаной. Затем он явился Элифазу и обратился к нему так: "Ты и твои друзья Вилдад и Софар совершили грех, ибо вы не сказали правды о моем слуге Иове. Встань и позволь ему принести за тебя жертву за грех. Только ради него я воздерживаюсь от уничтожения тебя".

Жертва, принесенная Иовом за своих друзей, была милостиво принята Богом, и Елифаз разразился благодарственным гимном Господу за то, что он простил прегрешение его самого и двух его друзей. В то же время он объявил о проклятии Елиуя, орудия сатаны.

Бог еще раз явился Иову и дал ему пояс, состоящий из трех лент, и велел ему обвязать его вокруг талии. Едва он надел его, как вся его боль исчезла, само воспоминание о ней исчезло, и, более того, Бог дал ему увидеть все, что когда-либо было и все, что когда-либо будет.[33]

После семикратных страданий в течение семи лет[34] к Иову вернулись силы. Со своими тремя друзьями он вернулся в город, и жители устроили праздник в его честь и во славу Божию. Все его бывшие друзья снова присоединились к нему, и он возобновил свое старое занятие - заботу о бедных, для чего получал средства от окружающих. Он сказал им: "Дайте мне, каждый из вас, по овце на одежду беднякам и по четыре серебряные или золотые драхмы на другие их нужды". Господь благословил Иова, и за несколько дней его состояние увеличилось вдвое по сравнению с тем, которым он владел до того, как его постигло несчастье. Зитидос умер в годы своих испытаний, и он женился на второй жене, Дине, дочери Иакова, и она родила ему семерых сыновей и трех дочерей.[35] У него никогда не было больше одной жены одновременно, потому что он имел обыкновение говорить: "Если бы было предназначено, чтобы у Адама было десять жен, Бог дал бы их ему. Ему была дарована только одна жена, причем Бог указал, что у него должна быть только одна, и поэтому мне тоже достаточно одной жены".[36]

Когда Иов, прожив долгую и счастливую жизнь, почувствовал приближение своего конца, он собрал вокруг себя своих десятерых детей и рассказал им историю своих дней. Закончив повествование, он напутствовал их такими словами: "Смотрите, я вот-вот умру, и вы встанете на мое место. Не оставляй Господа, будь щедр к бедным, относись с уважением к немощным и не вступай в брак с женщинами язычников".

После этого он разделил свое имущество между сыновьями, а своим дочерям подарил то, что дороже всех земных благ, каждой из них по одной ленте небесного пояса, который он получил

от Бога. Магическая сила этих лент была такова, что как только их обладатели обвязывали их вокруг талии, они превращались в высших существ и серафическими голосами разражались гимнами на манер ангелов.

Три дня Иов лежал в постели, больной, но не страдающий, поскольку небесный пояс защищал его от боли. На четвертый день он увидел, как ангелы спустились, чтобы забрать его душу. Он встал со своей постели, вручил кифару своей старшей дочери Джемайме, "Дэй", кадило второй дочери, Кезии, "Духи", и кимвал третьей, Амалфее, "Рог", и велел им приветствовать ангелов звуками музыки. Они играли, пели и восхваляли Господа на святом языке. Затем появился Он, сидящий в большой колеснице, поцеловал Иова и уехал, унося его душу с собой на восток. Никто не видел, как они уходили, кроме трех дочерей Иова.

Горе людей, особенно бедных, вдов и сирот, было чрезвычайно велико. В течение трех дней они оставляли труп непогребенным, потому что не могли допустить мысли о том, чтобы отделиться от него.

Как имя Иова останется нетленным во все времена по причине благочестия этого человека, [37] так и трое его друзей были вознаграждены Богом за их сочувствие ему в его бедственном положении. Их имена были сохранены, наказание в аду было перенесено на них, и, что лучше всего, Бог излил на них святого духа.[38] Но Сатану, причину страданий Иова, Господь низверг с небес, ибо он был побежден Иовом, который во время своей агонии благодарил и восхвалял Бога за все, что Он сделал для него.[39]

IV МОИСЕЙ В ЕГИПТЕ НАЧАЛО ЕГИПЕТСКОГО РАБСТВА

Как только Иаков умер, глаза израильтян закрылись, так же как и их сердца. Они начали ощущать власть чужака,[1] хотя настоящее рабство поработило их лишь некоторое время спустя. Пока был жив хоть один из сыновей Иакова, египтяне не осмеливались приближаться к израильтянам со злыми намерениями. Только когда Леви, последний из них, ушел из этой жизни, начались их страдания.[2] Перемена в отношении египтян к израильтянам действительно была заметна сразу после смерти Иосифа, но они не сбрасывали полностью свою маску до тех пор, пока Левия не стало. Тогда рабство израильтян разразилось всерьез.

Первым враждебным актом со стороны египтян было лишение израильтян их полей, виноградников и даров, которые Иосиф послал своим братьям. Не довольствуясь этой враждой, они стремились причинить им вред другими способами.[3] Причиной ненависти египтян были зависть и страх. Израильтяне возросли до чудесной степени. После смерти Иакова семьдесят человек, которых он привел с собой, выросли до шестисот тысяч, [4] и их физическая сила и героизм были необычайны и поэтому вызывали тревогу у египтян. В то время было много поводов для проявления доблести. Вскоре после смерти Левия произошла смерть египетского царя Магрона, который был воспитан Иосифом и поэтому не был полностью лишен благодарных воспоминаний о том, что он и его семья совершили для благополучия Египта. Но его сын и

преемник Малол вместе со всем своим двором не знали сыновей Иакова и их достижений, и они без колебаний притесняли евреев.

Окончательный разрыв между ними и египтянами произошел во время войн, которые Малол вел против Цефо, внука Исава. В ходе этого израильтяне спасли египтян от сокрушительного поражения, но вместо того, чтобы быть благодарными, они стремились только к уничтожению своих благодетелей из страха, что гигантская сила евреев может быть обращена против них.[5]

ХИТРОСТЬ ФАРАОНА

Советники и старейшины Египта пришли к фараону и обратились к нему, говоря: "Вот, народ сынов Израилевых больше и могущественнее нас. Ты видел их могучую силу, которую они унаследовали от своих отцов, ибо немногие из них восстали против народа, многочисленного, как морской песок, и ни один не пал. Итак, теперь дай нам совет, что делать с ними, пока мы постепенно не истребим их среди нас, чтобы они не стали слишком многочисленными на земле, ибо, если они умножатся и начнется какая-либо война, они также присоединятся со своей великой силой к нашим врагам и будут сражаться против нас, истребят нас с земли и изгонят их из земли".

Царь ответил старейшинам, сказав: "Это план, предложенный мной против Израиля, от которого мы не отступим. Смотрите, Пифом и Рамсес - города, не укрепленные на случай битвы. Нам надлежит укрепить их. Теперь идите и действуйте хитро против детей Израиля, и провозгласите в Египте и в Гесеме, говоря: "Все вы, люди Египта, Гесем и Патрос! Царь приказал нам построить Пифом и Рамсес и укрепить их на случай битвы. Тем из вас, во всем Египте, из сынов Израилевых и из всех жителей городов, которые желают строить вместе с нами, по приказу царя будет ежедневно выдаваться заработная плата".

"Тогда идите вы первые и начните строить Пифом и Рамсес, и сделайте так, чтобы царское объявление делалось ежедневно, и когда кто-нибудь из сынов Израилевых придет строить, выдавайте им их жалованье ежедневно, и после того, как они будут строить вместе с вами за свое ежедневное жалованье, удаляйтесь от них день за днем и по одному, тайно. Тогда вы восстанете и станете их надсмотрщиками и офицерами, и после этого вы заставите их строить без оплаты. А если они откажутся, то заставьте их строить изо всех сил. Если ты сделаешь это, у нас все пойдет хорошо, потому что таким образом мы укрепим нашу землю, а у детей Израиля это пойдет плохо, потому что их станет меньше из-за работы, потому что ты помешаешь им быть со своими женами".

Старейшины, советники и весь Египет поступили по слову царя. В течение месяца слуги фараона строили вместе с Израилем, затем они постепенно удалились, в то время как дети Израиля продолжали работать, получая свое ежедневное жалованье, ибо некоторые египтяне все еще продолжали эту работу вместе с ними. Через некоторое время все египтяне ушли, и они превратились в офицеров и надсмотрщиков над израильтянами. Затем они воздержались от выплаты им какой-либо платы, и когда некоторые из евреев отказались работать без оплаты, их надсмотрщики побили их и силой заставили вернуться к труду со своими братьями. И сыны Израилевы сильно испугались египтян, и они снова пришли и работали бесплатно, все, кроме колена Левиина, которые не были заняты на этой работе вместе со своими братьями. Дети

Левия знали, что провозглашение царя было сделано для того, чтобы обмануть Израиль, поэтому они воздержались слушать его, и египтяне не приставали к ним позже, поскольку вначале их не было со своими братьями, и хотя египтяне отравляли жизнь другим израильтянам подневольным трудом, они не беспокоили детей Левия. Израильтяне называли Малола, царя Египта, Марор, "Горечь", потому что в его дни египтяне отравляли свою жизнь всевозможным суровым служением.[6]

Но фараон не остался доволен своим провозглашением и тем бедствием, которое оно навлекло на израильтян. Он повесил себе на шею пресс для производства кирпича и сам принимал участие в работах в Питоме и Рамсесе. После этого всякий раз, когда еврей отказывался прийти и помочь со строительством, утверждая, что он не годится для такой тяжелой службы, египтяне возражали, говоря: "Ты хочешь заставить нас поверить, что ты более деликатен, чем фараон?"

Сам царь подбадривал израильтян мягкими словами, говоря: "Дети мои, я умоляю вас выполнить эту работу и воздвигнуть для меня эти маленькие здания. За это я дам тебе великую награду". С помощью таких ухищрений и коварных слов египтянам удалось одержать верх над израильтянами, и как только они оказались в своей власти, они обошлись с ними с нескрываемой жестокостью. Женщин заставляли выполнять мужскую работу, а мужчин - женскую.

Строительство Питома и Рамсеса не принесло египтянам никакой пользы, поскольку едва сооружения были завершены, как они рухнули или их поглотила земля, а еврейские рабочие, помимо того, что им пришлось терпеть лишения во время их возведения, погибли, будучи сброшенными с огромной высоты, когда здания рухнули грудой.[7]

Но египтян мало заботило, получают ли они прибыль от принудительного труда детей Израиля. Их главной целью было воспрепятствовать их размножению, и поэтому фараон издал приказ, согласно которому им не разрешалось спать в их собственных домах, чтобы лишить их возможности вступать в половую связь со своими женами. Офицеры исполнили волю царя, сказав евреям, что причиной была потеря слишком большого количества времени на хождение туда-сюда, что помешало бы им завершить требуемую сказку о кирпичах. Таким образом, еврейских мужей держали отдельно от их жен, и они были вынуждены спать на земле, вдали от своих жилищ.

Но Бог заговорил, сказав: "Их отцу Аврааму Я дал обещание, что сделаю его детей многочисленными, как звезды на небесах, а ты строишь планы, чтобы помешать им размножаться. Посмотрим, чье слово останется в силе, Мое или ваше ". И было так, что чем больше египтяне поражали их, тем больше они умножались и тем больше распространялись по всему миру.[8] И они продолжали увеличиваться, несмотря на повеление фараона о том, что те, кто не завершил требуемое количество кирпичей, должны были быть замурованы в зданиях между слоями кирпичей, и велико было число израильтян, которые погибли таким образом.[9] Кроме того, многие из их детей были зарезаны в качестве жертвоприношений египетским идолам. По этой причине Бог навлек возмездие на идолов во время исхода израильтян из Египта. Они стали причиной смерти еврейских детей, и, в свою очередь, они были разбиты вдребезги и рассыпались в прах".

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ПОВИТУХИ

Когда же теперь, несмотря на все свои невзгоды, сыны Израилевы продолжали размножаться и распространяться по всему миру, так что земля была полна ими, как густым подлеском, — ибо женщины приносили много детей при рождении [11], — египтяне снова предстали перед фараоном и убеждали его изобрести какой-нибудь другой способ избавить землю от евреев, видя, что они сильно увеличиваются, хотя их заставляют тяжело трудиться. Фараон не мог изобрести ничего нового; он попросил своих советников высказать ему свое мнение по этому поводу. Затем один из них, Иов из земли Уц, что в Араме-Нахараиме, сказал следующее: "План, который изобрел царь, возложить на израильтян большое бремя работы, был хорош в свое время, и отныне его также следует выполнять, но чтобы обезопасить нас от страха, что, если начнется война, они могут сокрушить нас своей численностью и изгнать нас из страны, пусть царь издаст указ, согласно которому каждый ребенок мужского пола израильтян должен быть убит при рождении. Тогда нам не нужно их бояться, если нас настигнет война. Теперь пусть царь призовет еврейских повитух, чтобы они пришли сюда, и пусть он прикажет им в соответствии с этим планом".

Совет Иова нашел благосклонность в глазах фараона и египтян". Они предпочитали, чтобы повитухи убивали невинных, потому что боялись Божьего наказания, если сами наложат на них руки. Фараон привел к себе двух повивальных бабок евреев и приказал им убивать всех детей мужского пола, но сохранять дочерей еврейских женщин живыми, " ибо египтяне были так же заинтересованы в сохранении детей женского пола, как и в том, чтобы вызвать смерть детей мужского пола. Они были очень чувственными и стремились иметь к своим услугам как можно больше женщин".

Однако этот план, даже если бы он был приведен в исполнение, не был мудрым, поскольку, хотя мужчина может жениться на многих женах, каждая женщина может выйти замуж только за одного мужа. Таким образом, уменьшение числа мужчин и соответствующее увеличение числа женщин не представляли такой серьезной угрозы для продолжения существования нации израильтян, какой было бы в обратном случае.

Двумя еврейскими повитухами были Иохаведа, мать Моисея, и Мириам, его сестра. Когда они предстали перед фараоном, Мириам воскликнула: "Горе этому человеку, когда Бог обрушит на него возмездие за его злодеяния". Царь убил бы ее за эти дерзкие слова, если бы Иохаведа не смягчила его гнев, сказав: "Почему ты прислушиваешься к ее словам? Она всего лишь ребенок и не ведает, что говорит. И все же, хотя Мириам в то время было всего пять лет, она, тем не менее, сопровождала свою мать и помогала ей ухаживать за еврейскими женщинами, давая пищу новорожденным младенцам, пока Иохаведа мыла их.

Приказ фараона гласил: "При рождении ребенка, если это будет ребенок мужского пола, убейте его; но если это будет ребенок женского пола, тогда вам не нужно убивать его, но вы можете сохранить его живым". Повивальные бабки ответили: "Как нам узнать, мальчик это или девочка?" - потому что царь приказал им убить его во время рождения. Фараон ответил: "Если ребенок выходит из утробы лицом вперед, это ребенок мужского пола, потому что он смотрит на землю, откуда был взят мужчина; но если сначала появляются его ноги, это женщина, потому что он смотрит вверх, на ребро матери, а из ребра была создана женщина".[15]

Король использовал всевозможные приспособления, чтобы заставить повитух подчиняться его желаниям. Он обратился к ним с любовными предложениями, которые они оба отвергли, а затем пригрозил им смертью на костре.[16] Но они сказали про себя: "Наш отец Авраам открыл гостиницу, чтобы он мог накормить путников, хотя они были язычниками, а мы должны были пренебрегать детьми, нет, убивать их? Нет, мы позаботимся о том, чтобы сохранить им жизнь ". Таким образом, они не смогли выполнить то, что приказал фараон. Вместо того, чтобы убивать младенцев, они удовлетворяли все их потребности. Если матери, родившей ребенка, не хватало еды и питья, повитухи шли к состоятельным женщинам и собирали пожертвования, чтобы младенец не страдал от нужды. Они сделали еще больше для малышей. Они обратились с мольбой к Богу, молясь: "Ты знаешь, что мы не исполняем слова фараона, но наша цель - исполнить Твои слова. О, если бы на то была Твоя воля, наш Господь, позволить ребенку появиться на свет целым и невредимым, чтобы на нас не пало подозрение в том, что мы пытались убить его и при этой попытке искалечили ". Господь внял их молитве, и ни один ребенок, рожденный под присмотром Шипры и Пуаха, или Иохаведы и Мириам, как еще называют повитух, не пришел в мир хромым, слепым или страдающим каким-либо другим пороком.[17]

Видя, что его приказание не возымело действия, он во второй раз вызвал повитух и призвал их к ответу за непослушание. Они ответили: "Этот народ сравнивают то с одним животным, то с другим, и, по правде говоря, евреи подобны животным. Они так же мало, как животные, нуждаются в услугах акушерок".[18] Эти две богобоязненные женщины были многими способами вознаграждены за свои добрые дела. Фараон не только не причинил им вреда, но и сделал их предками священников и левитов, царей и принцев. Иохаведа стала матерью священника Аарона и левита Моисея, и от союза Мириам с Халевом произошел царский дом Давида. Рука Божья была видна в ее супружеской жизни. Она заболела тяжелой болезнью, и хотя все, кто ее видел, думали, что смерть непременно настигнет ее, она выздоровела, и Бог вернул ей молодость и наделил необыкновенной красотой, так что ее мужа, который был лишен радостей супружеской жизни во время ее долгой болезни, ожидало новое счастье. Его неожиданные радости были наградой за его благочестие и веру в Бога.[19] И еще одно вознаграждение было даровано Мириам: ей выпала честь родить Бецалеля, строителя Скинии, который был наделен небесной мудростью.[20]

ТРИ СОВЕТНИКА

На сто тридцатом году после ухода Израиля в Египет фараону приснилось, что он сидит на своем троне, и он поднял глаза, и увидел перед собой старика с весами в руке, и он увидел, как тот берет всех старейшин, вельмож и великих людей Египта, связывает их вместе и кладет на одну чашу весов, в то время как на другую кладет нежного козленка. Малыш опустил сковороду, в которой она лежала, до тех пор, пока она не повисла ниже другой вместе со связанными египтянами. Фараон встал рано поутру и созвал всех своих слуг и своих мудрецов, чтобы истолковать его сон, и эти люди сильно испугались его видения. Затем заговорил Валаам, сын Веоров, и сказал: "Это означает не что иное, как то, что великое зло обрушится на Египет, ибо у Израиля родится сын, который уничтожит всю нашу землю и всех ее жителей, и он выведет израильтян из Египта могущественной рукой. Итак, теперь, о царь, прими совет по этому поводу, чтобы надежда Израиля рухнула прежде, чем это зло обрушится на Египет".

Царь сказал Валааму: "Что нам делать с Израилем? Мы испробовали несколько уловок против этого народа, но не смогли одолеть его. А теперь позволь мне услышать твое мнение.

По просьбе Валаама царь послал за двумя своими советниками, мадианитянином Рууилом и узитянином Иовом, чтобы выслушать их совет. Рагуил сказал: "Если царю угодно, пусть он воздержится от евреев и пусть он не простирает на них своей руки, ибо Господь избрал их в древние дни и взял их в качестве Своего удела среди всех народов земли, и кто там осмелился безнаказанно простереть на них свою руку, если бы их Бог не отомстил за зло, причиненное им?" Затем Рууил продолжил перечислять некоторые из великих деяний, которые Бог совершил для Авраама, Исаака и Иакова, и завершил свое наставление словами: "Воистину, твой дед, фараон прежних дней, возвысил Иосифа, сына Иакова, над всеми князьями Египта, потому что он распознал его мудрость, ибо своей мудростью он спас всех жителей той земли от голода, после чего он пригласил Иакова и его сыновей спуститься в Египет, чтобы земля Египет и земля Гесем были избавлены от голода благодаря их добродетелям. Итак, если это кажется благим в твоих глазах, прекрати истреблять сынов Израилевых, и если не будет твоей воли, чтобы они жили в Египте, выпусти их отсюда, чтобы они могли отправиться в землю Ханаанскую, землю, где жили их предки".

Когда фараон услышал слова Иофроруила, он чрезвычайно разгневался на него, и он был с позором отстранен от царя, и он отправился в Мадиям.

Тогда царь обратился к Иову и сказал: "Что скажешь ты, Иов, и каков твой совет относительно евреев?" Иов ответил: "Смотри, все жители земли в твоей власти. Пусть царь делает то, что кажется благим в его глазах".

Валаам был последним, кто заговорил по приказу царя, и он сказал: "От всего, что царь может замыслить против евреев, они будут избавлены. Если ты думаешь ослабить их пылающим огнем, тебе не одолеть их, ибо их Бог избавил Авраама, отца их, из печи, в которую бросили его халдеи. Возможно, ты думаешь уничтожить их мечом, но их отец Исаак был избавлен от того, чтобы быть убитым мечом. И если ты думаешь уменьшить их с помощью тяжелого и изнурительного труда, ты также не победишь, ибо их отец Иаков служил Лавану на всевозможных тяжелых работах, и все же он преуспевал. Если царю угодно, пусть он прикажет бросить в воду всех детей мужского пола, которые родятся в Израиле с этого дня. Таким образом, ты можешь стереть их имя, ибо ни один из них, ни кто-либо из их отцов не был испытан таким образом.[21]

РЕЗНЯ НЕВИННЫХ

Совет Валаама был принят фараоном и египтянами. Они знали, что Бог воздаст мерой за меру, поэтому они верили, что утопление детей мужчин было бы самым безопасным средством истребления евреев, не причинив вреда самим себе, ибо Господь поклялся Ною никогда больше не уничтожать мир водой. Таким образом, они предполагали, что будут освобождены от наказания, в чем, однако, были неправы. Во-первых, хотя Господь поклялся не навлекать потоп на людей, не было ничего, что могло бы навлечь на людей потоп. Более того, клятва Бога распространялась на все человечество, а не на одну нацию. Конец египтян заключался в том, что они встретили свою смерть на волнах Красного моря. "Мера за меру" — как они утопили мужчин, детей израильтян, так и они утонули.[22]

Теперь фараон предпринял шаги, направленные на точное исполнение своего указа. Он послал своих судебных приставов в дома израильтян, чтобы обнаружить всех новорожденных детей, где бы они ни находились. Чтобы быть уверенными, что евреям не удастся спрятать детей, египтяне вынашивали дьявольский план. Их женщины должны были отвести своих малышей в дома израильских женщин, которые подозревались в рождении младенцев. Когда египетские дети начинали плакать или ворковать, еврейские дети, которых держали в укрытии, присоединялись к ним, как это делают младенцы, и выдавали свое присутствие, после чего египтяне хватали их и уносили.[23]

Кроме того, фараон приказал, чтобы израильские женщины нанимали только повитух-египтянок, которые должны были получать точную информацию о времени их родов и проявлять большую осторожность, чтобы ни один ребенок мужского пола не ускользнул от их бдительности живым. Если бы нашлись родители, которые уклонились от приказа и сохранили новорожденного мальчика в тайне, они и все, кто принадлежал к ним, должны были быть убиты.[24]

Стоит ли тогда удивляться, что многие евреи держались подальше от своих жен? Тем не менее те, кто уповал на Бога, не были оставлены Им. Женщины, которые оставались едины со своими мужьями, отправлялись в поле, когда наступало их время родов, рожали своих детей и оставляли их там, а сами возвращались домой. Господь, который поклялся их предкам размножить их, послал одного из Своих ангелов омыть младенцев, помазать их, размять их конечности и перевязать их. Затем он давал им два гладких камешка, из одного из которых они сосали молоко, а из другого мед. И Бог заставил волосы младенцев вырасти до колен и служить им защитной одеждой, а затем Он приказал земле принять младенцев, чтобы они были укрыты в ней до того времени, когда они вырастут, когда она откроет свой рот и извергнет детей, и они прорастут подобно траве полевой и траве лесной. После этого каждый возвращался к своей семье и в дом своего отца.

Когда египтяне увидели это, они вышли, каждый на свое поле, со своей упряжкой волов, и они вспахали землю, как вспахивают ее во время посева. И все же они были не в состоянии причинить вред младенцам сынов Израилевых, которые были поглощены и лежали в недрах земли. Таким образом, народ Израиля чрезвычайно увеличился. И фараон приказал своим военачальникам отправиться в Гесем, чтобы поискать младенцев мужского пола сынов Израилевых, и когда они обнаружили одного, они силой оторвали его от груди матери и бросили в реку". Но никто не настолько доблестен, чтобы быть способным сорвать Божьи замыслы, хотя он и изобретает с этой целью десять тысяч тонких уловок. Ребенок, предсказанный снами фараона и его астрологами, был воспитан и скрывался от царских шпионов. Это произошло следующим образом.[26]

РОДИТЕЛИ МОИСЕЯ

Когда было издано воззвание фараона, согласно которому мужчины-дети евреев должны были быть брошены в реку, Амрам, который был председателем Синедриона, решил, что в сложившихся обстоятельствах мужьям лучше жить совершенно отдельно от своих жен. Он подал пример. Он развелся со своей женой, и все мужчины Израиля сделали то же самое, [27] ибо он занимал очень почетное место среди своего народа, одной из причин было то, что он

принадлежал к колену Левия, племени, которое было верно своему Богу даже в земле Египет, хотя другие племена колебались в своей верности и пытались вступить в союз с египтянами, зайдя так далеко, что отказались от знака завета, данного Авраамом.[28] Чтобы наказать евреев за их нечестие, Бог превратил любовь египтян к ним в ненависть, так что они решили уничтожить их. Помня обо всем, чем он и его народ были обязаны мудрому правлению Иосифа, фараон сначала отказался принять коварные планы, предложенные египтянами против евреев. Он обратился к своему народу: "Вы, глупцы, мы в долгу перед этими евреями за все, что нам доставляет удовольствие, и теперь вы хотите восстать против них?" Но египтян нельзя было отвлечь от их цели разорения Израиля. Они свергли своего царя и держали его в заключении в течение трех месяцев, пока он не заявил, что готов решительно выполнить то, на что они решились, и он стремился всеми мыслимыми средствами привести к гибели детей Израиля. Таково было возмездие, которое они навлекли на себя своими собственными действиями.[29]

Что касается Амрама, то он не только принадлежал к колену Леви, отличавшемуся своим благочестием, но и благодаря своему необычайному благочестию занимал видное место даже среди благочестивых членов племени. Он был одним из четырех непорочных, незапятнанных грехом людей, над которыми смерть не имела бивласти, если бы смертность не была установлена против каждого отдельного человека из-за грехопадения первых мужчины и женщины. Другими тремя, которые вели такую же безгрешную жизнь, были Вениамин, Иессей, отец Давида, и Хилиав, сын Давида.[30] Если Шекина снова приблизилась к месту обитания смертных, то это было связано с благочестием Амрама. Первоначально настоящим местом жительства Шекины было среди людей, но когда Адам совершил свой грех, она удалилась на небеса, сначала на самое низкое из семи небес. Оттуда она была изгнана преступлением Каина и удалилась на второе небо. Грехи поколения Еноха еще больше отдалили ее от людей, она поселилась на третьем небе; затем, последовательно, на четвертом из-за злодеев в поколении всемирного потопа; на пятом - во время строительства Вавилонской башни и смешения языков; на шестом - из-за нечестивых египтян во времена Авраама; и, наконец, на седьмом - из-за мерзостей жителей Содомы. Шесть праведников, Авраам, Исаак, Иаков, Левий, Кааф и Амрам, один за другим перенесли Шекину обратно с седьмого на первое небо, и через седьмого праведника, Моисея, она была спущена на землю и пребывала среди людей, как и прежде.[31]

Проницательность Амрама соответствовала его набожности и учености. Египтянам удалось поработить евреев соблазнительными обещаниями. Сначала они давали им по шекелю за каждый сделанный ими кирпич, соблазняя их на сверхчеловеческие усилия перспективой заработать много денег. Позже, когда египтяне заставили их работать без оплаты, они настояли на том, чтобы иметь столько кирпичей, сколько сделали евреи, когда их труд был оплачен, но они могли требовать от Амрама только один кирпич в день, потому что он был единственным, кого они не ввели в заблуждение своей хитростью. Он довольствовался одним шекелем в день и поэтому ежедневно изготавливал только один кирпич, который они должны были принимать впоследствии как меру его дневной работы.[32]

В качестве спутницы жизни Амрам выбрал свою тетю Иохаведу, которая родилась в один день с ним.[33] Она была дочерью Левия, и своим именем "Божественное великолепие" она была обязана небесному свету, исходившему от ее лица.[34] Она была достойна того, чтобы стать помощницей своего мужа, потому что она была одной из повитух, которые подвергали опасности свои собственные жизни, чтобы спасти маленьких еврейских младенцев. Действительно, если бы Бог не позволил случиться чуду, она и ее дочь Мириам были бы убиты

фараоном за то, что воспротивились его приказу и спасли еврейских детей живыми. Когда король послал своих палачей за двумя женщинами, Бог сделал так, что они стали невидимыми, а судебные приставы вернулись, не выполнив своего поручения.[35]

Первым ребенком от союза Амрама и Иохаведы, его жены, которой на момент замужества было сто двадцать шесть лет, была девочка, и мать назвала ее Мириам, "Горечь", поскольку именно во время ее рождения египтяне начали отравлять жизнь евреев. Вторым ребенком был мальчик по имени Аарон, что означает "Горе этой беременности!", потому что инструкции фараона повитухам убивать еврейских детей мужского пола были озвучены за несколько месяцев до рождения Аарона.[36]

РОЖДЕНИЕ МОИСЕЯ

Когда Амрам расстался со своей женой из-за указа, опубликованного против еврейских детей мужского пола, и его примеру последовали все израильтяне, его дочь Мириам сказала ему: "Отец, твой указ хуже указа фараона. Египтяне стремятся уничтожить только детей мужского пола, но ты включаешь в себя и девочек. Фараон лишает свои жертвы жизни в этом мире, но ты препятствуешь рождению детей, и таким образом ты лишаешь их и будущей жизни. Он замышляет разрушение, но кто знает, может ли намерение нечестивых сохраниться? Ты праведный человек, а деяния праведников исполняются Богом, следовательно, твой указ будет соблюден".

Амрам признал справедливость ее просьбы, отправился в Синедрион и передал дело на рассмотрение этого органа. Выступили члены суда и сказали: "Это ты разлучил мужей и жен, и от тебя должно исходить разрешение на повторный брак". Затем Амрам внес предложение, чтобы каждый из членов Синедриона вернулся к своей жене и тайно женился на ней, но его коллеги отвергли этот план, сказав: "А кто сообщит об этом всему Израилю?"

Соответственно, Амрам публично стоял под свадебным балдахином со своей разведенной женой Иохаведой, в то время как Аарон и Мириам танцевали вокруг него, и ангелы провозгласили: "Да возрадуется мать детей!" Его повторный брак был заключен с большой церемонией, чтобы мужчины, которые плохо следовали его примеру в разводе со своими женами, могли теперь последовать его примеру и снова взять их к себе. Так это и произошло.[37]

Какой бы старой ни была Иохаведа, к ней вернулась ее молодость. Ее кожа стала мягкой, морщины на лице исчезли, вернулись теплые оттенки девичьей красоты, и вскоре она забеременела.[38]

Амрам был очень обеспокоен тем, что его жена ждет ребенка; он не знал, что делать. Он обратился к Богу в молитве и умолял Его проявить сострадание к тем, кто никоим образом не нарушал законы Его богослужения, и даровать им избавление от страданий, которые они терпели, в то время как Он разрушил надежду их врагов, которые жаждали уничтожения их нации. Бог смилостивился над ним, и Он стоял рядом с ним во сне и увещевал его не отчаиваться в Своих будущих милостях. Далее Он сказал, что не забывает их благочестия и всегда будет вознаграждать их за это, как в прежние дни даровал Свою милость их предкам. "Знай же, - продолжал говорить Господь, - что Я обеспечу для вас всех то, что служит вашему

благу, и для тебя в особенности то, что прославит тебя; ибо младенец, из страха перед рождением которого египтяне обрекли израильских детей на уничтожение, будет этим твоим ребенком, и он останется скрытым от тех, кто следит за его уничтожением, и когда он будет воспитан, чудесным образом он избавит еврейский народ от бедствий, в которых он находится по вине египтян. Память о Нем будет прославляться, пока существует мир, и не только среди евреев, но и среди чужеземцев. И все это будет результатом Моего благоволения к тебе и твоему потомству. Также его брат будет таким, что получит Мое священство для себя и для своего потомства после него до скончания мира".

После того, как видение известило его об этих вещах, Амрам проснулся и рассказал все своей жене Иохаведе.[39]

Его дочери Мириам также приснился вещий сон, и она рассказала его своим родителям, сказав: "В эту ночь я видела человека, одетого в тонкую льняную одежду. "Скажи отцу твоему и матери твоей, - сказал он, - что тот, кто родится у них, будет брошен в воды, и через неговоды высохнут, и через него будут совершаться чудеса, и он спасет Мой народ Израиль и будет их вождем навеки". "[40]

Во время своей беременности Иохаведа заметила, что ребенку в ее утробе суждены великие свершения. Все это время она не испытывала боли, а также не страдала, рожая своего сына, ибо благочестивые женщины не подпадают под проклятие, наложенное на Еву, предписывающее скорбь при зачатии и деторождении.[41]

В момент появления ребенка весь дом наполнился сиянием, равным великолепию солнца и луны.[42] Последовало еще большее чудо. Младенцу не было еще и дня от роду, когда он начал ходить и разговаривать со своими родителями, и, как если бы он был взрослым, он отказывался пить молоко из материнской груди.[43]

Иохаведа родила ребенка через шесть месяцев после зачатия. Египетские судебные приставы, которые строго следили за всеми беременными женщинами, чтобы вовремя прибыть на место и забрать своих новорожденных мальчиков, не ожидали ее родов еще три месяца. Эти три месяца родителям удавалось прятать младенца, хотя каждый израильский дом охраняли две египтянки, одна находилась внутри, другая снаружи.[44] По истечении этого времени они решили разоблачить ребенка, так как Амрам боялся, что и он, и его сын будут обречены на смерть, если тайна просочится наружу, и он подумал, что лучше доверить судьбу ребенка Божественному Провидению. Он был убежден, что Бог защитит мальчика и исполнит Свое слово в истине.[45]

МОИСЕЙ, СПАСЕННЫЙ ИЗ ВОДЫ

Соответственно, Иохаведа взяла ковчег, сделанный из тростника, снаружи обмазала его смолой, а изнутри выстелила глиной. Причина, по которой она использовала камыш, заключалась в том, что они плавали на поверхности воды, и она наносила смолу только снаружи, чтобы максимально защитить ребенка от неприятного запаха. Над ребенком, лежавшим в ковчеге, она расстелила крошечный балдахин, чтобы укрыть младенца, со словами: "Возможно, я не доживу до того, чтобы увидеть его под брачным балдахином". И затем она оставила ковчег на берегу Красного моря. Однако его не оставили без охраны. Ее дочь Мириам осталась поблизости, чтобы узнать, исполнится ли пророчество, которое она

произнесла. Перед рождением ребенка его сестра предсказала, что ее мать родит сына, который должен искупить Израиль. Когда он родился, и дом наполнился ярким светом, Амрам поцеловал ее в макушку, но когда его вынудили обнажить ребенка, он ударил ее по голове, говоря: "Дочь моя, что стало с твоим пророчеством?" Поэтому Мириам осталась и прогулялась по берегу, чтобы понаблюдать, какой будет судьба младенца и что произойдет из ее пророчества о нем.[46]

День, когда ребенок был обнажен, пришелся на двадцать первое число месяца Нисан, того самого, в который позже дети Израиля под предводительством Моисея пели хвалебную песнь и благодарность Богу за спасение из вод морских. Ангелы предстали перед Богом и сказали: "О Господь мира, должен ли тот, кому назначено петь хвалебную песнь Тебе в этот день Нисана, чтобы поблагодарить Тебя за спасение его и его народа из моря, должен ли он найти свою смерть в море сегодня?" Господь ответил: "Ты хорошо знаешь, что Я вижу все. Ухищрения человека ничего не могут сделать, чтобы изменить то, что было решено в Моем совете. Не достигают своей цели те, кто использует хитрость и злобу для обеспечения собственной безопасности и пытается навлечь гибель на своих собратьев. Но тот, кто доверится Мне в своей опасности, перенесется из глубочайшего горя к неожиданному счастью. Таким образом, Мое всемогущество проявится в судьбе этого ребенка.[47]

В то время, когда ребенок был брошен, Бог послал на египтян палящий зной, и все они страдали от проказы и жгучих нарывов. Термутис, дочь фараона, искала облегчения от жгучей боли, купаясь в водах Нила.[48] Но физический дискомфорт был не единственной причиной, по которой она покинула дворец своего отца. Она была полна решимости очиститься и от нечистоты идолопоклонства, царившего там.

Когда она увидела маленький ковчежец, плавающий среди флагов на поверхности воды, она предположила, что в нем находится один из маленьких детей, выставленных на всеобщее обозрение по приказу ее отца, и приказала своим служанкам принести его. Но они возразили, сказав: "О наша госпожа, иногда случается, что указ, изданный царем, остается без внимания, но его соблюдают, по крайней мере, его дети и члены его семьи, и ты хочешь нарушить указ своего отца?" Тотчас явился ангел Гавриил, схватил всех служанок, кроме одной, которую он позволил принцессе оставить у себя в услужении, и похоронил их в недрах земли.

Теперь дочь фараона приступила к исполнению своей собственной воли. Она вытянула вперед руку, и хотя ковчег плыл на расстоянии шестидесяти локтей, ей удалось схватить его, потому что ее рука чудесным образом удлинилась. Едва она прикоснулась к нему, как проказа, поражавшая ее, покинула ее. Внезапное выздоровление побудило ее исследовать содержимое ковчега, [49] и когда она открыла его, ее изумление было велико. Она увидела изысканно красивого мальчика, потому что Бог с особой тщательностью создал тело еврейского младенца, [50] и рядом с ним она увидела Шекину. Заметив, что на мальчике был знак Авраамова завета, она поняла, что он был одним из еврейских детей, и, помня указ своего отца относительно детей мужского пола у израильтян, она была готова бросить младенца на произвол судьбы. В этот момент пришел ангел Гавриил и сильно ударил ребенка, и он начал громко плакать голосом, похожим на юношеский. Его неистовый плач и рыдания Аарона, лежавшего рядом с ним, тронули принцессу, и в своем сострадании она решила спасти его. Она приказала привести египтянку, чтобы та покормила ребенка, но малыш отказался брать молоко из ее груди, как отказывался брать его у одной за другой приведенных туда египтянок. Так было predetermined.

Богом, чтобы никто из них не мог позже похвастаться и сказать: "Я вскормил грудью того, кто сейчас разговаривает с Шекиной". И устам не суждено было говорить с Богом, чтобы получать пищу из нечистого тела египтянки.

Теперь Мириам вошла в присутствие Термутиды, как будто она стояла там случайно, чтобы взглянуть на ребенка, [51] и она обратилась к принцессе, сказав: "Напрасно с твоей стороны, о царица, звать кормилиц, которые не приходятся ребенку родственниками, но если ты прикажешь привести еврейку, он может принять ее грудь, видя, что она из его собственного народа". Поэтому Термутис велела Мириам привести еврейку, и крылатыми шагами, мчась, как энергичный юноша, она поспешила и привела обратно свою собственную мать, мать ребенка, ибо знала, что никто из присутствующих не был с ней знаком. Младенец, не сопротивляясь, взял грудь своей матери и крепко сжал ее.[52] Принцесса передала ребенка на попечение Иохаведы, произнеся эти слова, в которых содержалось бессознательное предсказание: "Вот то, что принадлежит тебе". Ухаживай за мальчиком впредь, и я дам тебе две серебряные монеты в качестве платы.[54]

Возвращение ее сына, живого и невредимого, после того, как она разоблачила его, было наградой Иохаведы от Бога за ее услуги в качестве одной из повитух, которые ослушались приказа фараона и спасли еврейских детей живыми.[55]

Подвергая своего сына опасности, Амрам и Иохаведа добились отмены приказа фараона об истреблении еврейских детей мужского пола. В тот день, когда Моисей был отпущен на волю в маленьком ковчеге, астрологи пришли к фараону и сообщили ему радостную весть о том, что опасность, угрожавшая египтянам из-за одного мальчика, чья судьба лежала в воде, теперь предотвращена. Вслед за этим фараон объявил о прекращении утопления мальчиков из его империи. Астрологи что-то видели, но не знали, что именно, и они объявили сообщение, смысла которого не понимали. Вода действительно была судьбой Моисея, но это не означало, что он погибнет в водах Нила. В нем говорилось о водах Меривы, водах раздора, и о том, как они приведут к его смерти в пустыне, прежде чем он выполнит свою задачу по ведению людей в землю обетованную. Фараон, введенный в заблуждение неясным видением своих астрологов, думал, что будущий искупитель Израиля должен погибнуть, утонув, и, чтобы убедиться, что мальчик, появление которого было предсказано астрологами, не избежит своей участи, он приказал бросить в воду всех мальчиков, даже детей египтян, родившихся в течение девяти месяцев.

Благодаря заслугам Моисея шестьсот тысяч человек-детей евреев, рожденных в одну ночь с ним и брошенных в воду в тот же день, были чудесным образом спасены вместе с ним, и поэтому не было праздным хвастовством, если позже он сказал: "Людей, которые вышли из воды благодаря моим заслугам, шестьсот тысяч человек".[56]

МЛАДЕНЧЕСТВО МОИСЕЯ

В течение двух лет ребенок, спасенный дочерью фараона, оставался со своими родителями и родственниками. Они дали ему разные имена. Отец назвал его Хибером, потому что именно ради этого ребенка он "воссоединился" со своей женой. Его мать назвала его Иекутиэль, "потому что, - сказала она, - я возложила свою надежду на Бога, и Он вернул его мне". Для своей

сестры Мириам он был Иередом, потому что она "спустилась" к ручью, чтобы узнать о его судьбе. Его брат Аарон назвал его Аби Заноах, потому что его отец, который "бросил" его мать, забрал ее обратно ради будущего ребенка. Его дед Кохат знал его как Аби Гедора, потому что Небесный Отец "застроил" брешь в Израиле, когда спас его, и таким образом удержал египтян от того, чтобы бросать детей еврейских мужчин в воду. Его няня назвала его Аби Соко, потому что он три месяца прятался в "палатке", спасаясь от преследования египтян. И Израиль назвал его Шемайя бен Нафанаил, потому что в его дни Бог "услышит" вздохи народа и избавит его от угнетателей, и через него Он "даст" им Свой собственный закон.[57]

Его родственники и весь Израиль знали, что ребенку суждены великие свершения, ибо ему едва исполнилось четыре месяца, когда он начал пророчествовать, говоря: "В грядущие дни я получу Тору от пылающего факела".[58]

Когда по прошествии двух лет Иохаведа взяла ребенка во дворец, дочь фараона назвала его Моисеем, потому что она "вытащила" его из воды и потому что в грядущий день он "выведет" детей Израиля из земли Египетской.[59] И это было единственное имя, которым Бог нарек сына Амрама, имя, данное ему дочерью фараона. Он сказал принцессе: "Моисей не был твоим ребенком, и все же ты обращалась с ним как с таковым. За это я буду называть тебя Моей дочерью, хотя ты и не Моя дочь", и поэтому принцесса, дочь фараона, носит имя Бития, "дочь Бога". Позже она вышла замуж за Калеба, и он был для нее подходящим мужем. Как она восстала против нечестивых советов своего отца, так и Халев восстал против советов своих товарищей-посланников, посланных разведать землю Ханаанскую.[60] За спасение Моисея и за другие ее благочестивые поступки ей было позволено войти в Рай живой.[61]

Чтобы с Моисеем обращались при дворе так, как обычно обращаются с принцами, Бития некоторое время притворялась, что ждет ребенка, прежде чем увезти его из родительского дома." Его царственная приемная мать постоянно ласкала и целовала его, и из-за его необычайной красоты она никогда не позволяла ему покидать дворец. Всякий, кто видел его, не мог оторвать от него взгляда, а потому Бития боялась упустить его из виду.[63]

Понимание Моисея было далеко за пределами его лет; его наставники заметили, что он проявлял более острое понимание, чем обычно в его возрасте. Все его поступки в младенчестве обещали стать еще более великими после того, как он достигнет состояния человека, и когда ему было всего три года, Бог даровал ему замечательные размеры. Что же касается его красоты, то она была настолько привлекательна, что часто те, кто встречал его, когда его несли по дороге, были вынуждены оборачиваться и глазеть на него. Они оставляли то, чем занимались, и подолгу стояли неподвижно, глядя ему вслед, ибо красота ребенка была настолько чудесна, что приковывала к себе взгляд зрителя. Дочь фараона, увидев в Моисее необыкновенного юношу, усыновила его как своего сына, потому что у нее не было своего ребенка. Она сообщила своему отцу о своих намерениях относительно него следующими словами: "Я вырастила ребенка божественной формы и с превосходным умом, и поскольку я чудесным образом получила его благодаря щедрости реки, я сочла уместным усыновить его как своего сына и наследника твоего королевства". И сказав это, она вложила младенца в руки своего отца, и он взял его и крепко прижал к своей груди.[64]

МОИСЕЙ , СПАСЕННЫЙ ГАВРИИЛОМ

Когда Моисею шел третий год, фараон однажды обедал с царицей Альфар'анит по правую руку от него, его дочерью Битией с младенцем Моисеем на коленях по левую руку от него, а Валаам, сын Веоров, вместе со своими двумя сыновьями и всеми принцами королевства сидел за столом в присутствии царя. Случилось так, что младенец снял корону с головы короля и надел ее на себя. Когда король и принцы увидели это, они пришли в ужас, и каждый по очереди выразил свое изумление. Царь сказал принцам: "Что скажете вы, и что скажете вы, о вы, принцы, по этому поводу, и что делать с этим еврейским мальчиком в связи с этим поступком?"

Валаам заговорил, говоря: "Вспомни теперь, о мой господин и царь, сон, который приснился тебе много дней назад, и как твой слуга истолковал его тебе. Это дитя евреев, в котором дух Божий. Пусть мой господин царь не воображает в своем сердце, что, будучи ребенком, он совершил это без ведома. Ибо он еврейский мальчик, и с ним мудрость и понимание, хотя он еще ребенок, и с мудростью он сделал это и избрал себе Египетское царство. Ибо такова манера всех евреев обманывать королей и их вельмож, делать все хитро, чтобы заставить царей земли и их людей споткнуться.

"Несомненно, ты знаешь, что так поступил Авраам, их отец, который привел в замешательство армии Нимрода, царя Вавилонского, и Авимелеха, царя Герарского, и завладел землей сынов Хета и всем царством Ханаанским. Их отец Авраам пошел в Египет и сказал о Сарре, своей жене: "Она моя сестра", чтобы заставить Египет и его царя преткнуться.

"Его сын Исаак поступил точно так же, когда отправился в Герар, и он поселился там, и его сила одержала верх над армией Авимелеха, и он намеревался поколебать царство Филистимлян, сказав, что Ревекка, его жена, была его сестрой.

"Иаков также поступил предательски со своим братом и отнял у него право первородства и благословение. Затем он отправился в Паддан-арам, к Лавану, брату своей матери, и хитростью похитил у него его дочерей, а также его скот и все его имущество, и он убежал и вернулся в землю Ханаан, к своему отцу.

"Его сыновья продали своего брата Иосифа, и он пошел в Египет и стал рабом, и его посадили в тюрьму на двенадцать лет, пока бывший фараон не освободил его из тюрьмы и не возвеличил его над всеми князьями Египта за то, что он истолковал сны царя. Когда Бог вызвал голод, обрушившийся на весь мир, Иосиф послал за своим отцом, и тот привел его в Египет, своего отца, своих братьев и всю семью своего отца, и он снабжал их едой без платы или вознаграждения, в то время как он приобрел Египет и сделал рабами всех его жителей.

"Итак, господин мой царь, вот, это дитя восстало вместо них в Египте, чтобы поступать по их делам и потешаться над каждым человеком, будь то царь, принц или судья. Если царю угодно, давайте сейчас прольем его кровь на землю, чтобы он не вырос и не вырвал правительство из твоих рук, и надежда Египта не исчезла после того, как он воцарится. Давайте, более того, призовем всех судей и мудрецов Египта, чтобы мы могли узнать, заслуживает ли смертного приговора это дитя, как я уже сказал, и тогда мы убьем его".

Фараон послал и призвал всех мудрецов Египта, и они пришли, и ангел Гавриил был переодет одним из них. Когда их спросили об их мнении по этому поводу, заговорил Гавриил и сказал: "Если королю угодно, пусть он положит перед ребенком камень оникс и горящий уголь, и если

он протянет руку и схватит камень оникс, тогда мы узнаем, что ребенок мудро сделал все, что он делал, и мы убьем его. Но если он протянет руку и схватит горящий уголь, тогда мы узнаем, что он сделал это неосознанно, и он будет жить".

Совет показался королю хорошим, и когда они положили камень и уголь перед ребенком, Моисей протянул руку к ониксовому камню и попытался схватить его, но ангел Гавриил отвел его руку от него и положил ее на горящие угли, и уголь обжег руку ребенка, и он поднял ее и прикоснулся ко рту, и обжег часть его губ и часть языка, и на всю свою жизнь он стал медлительным в речи и с заплетающимся языком.

Видя это, царь и князья поняли, что Моисей поступил неразумно, сняв корону с головы царя, и они воздержались от убийства его.[65] Сам Бог, защитивший Моисея, обратил разум царя к благодати, и его приемная мать похитила его, и она дала ему образование с большой заботой, так что евреи зависели от него и лелеяли надежду, что он совершит великие дела. Но египтяне с подозрением относились к тому, что могло последовать из такого образования, как у него.[66]

За большие деньги в Египет были приглашены учителя из соседних стран, чтобы дать образование ребенку Моисею. Некоторые приехали по собственной воле, чтобы обучить его наукам и свободным искусствам. Благодаря своим замечательным способностям он вскоре превзошел своих учителей в знаниях. Его обучение казалось процессом простого вспоминания, и когда среди ученых возникали расхождения во мнениях, он инстинктивно выбирал правильное, поскольку его разум отказывался запоминать что-либо ложное.[67]

Но он заслуживает большей похвалы за свою необычную силу воли, чем за свои природные способности, поскольку ему удалось преобразовать изначально злой нрав в благородный, возвышенный характер, и этому изменению, как он сам признал позже, способствовала его решимость. После чудесного исхода израильтян из Египта царь Аравии послал художника к Моисею написать его портрет, чтобы он всегда имел перед собой подобие божественного человека. Художник вернулся со своим произведением, и король собрал своих мудрецов, в особенности тех, кто был сведущ в науке физиогномики. Он показал им портрет и предложил им оценить его. Единодушное мнение состояло в том, что он изображал человека алчного, надменного, чувственного, короче говоря, обезображенного всеми возможными уродливыми чертами. Король был возмущен тем, что они притворяются мастерами физиогномики, видя, что они объявили изображение Моисея, святого, божественного человека, изображением злодея. Они защищали себя, в свою очередь обвиняя художника в том, что он не создал подлинного портрета Моисея, иначе они не пришли бы к тому ошибочному суждению, которое высказали. Но художник настаивал на том, что его работа очень похожа на оригинал.

Не в силах решить, кто прав, арабский царь отправился к Моисею и не мог не признать, что написанный для него портрет был шедевром. Моисей, каким он увидел его во плоти, был тем самым Моисеем с холста. Не могло быть никаких сомнений в том, что высоко превозносимые знания экспертов по физиогномике были пустой болтовней. Он рассказал Моисею, что произошло, и что он думает об этом. Он ответил: "Твой художник и твои эксперты в равной степени мастера, каждый в своей области. Если бы мои прекрасные качества были продуктом природы, я был бы не лучше полена, которое навсегда остается таким, каким природа создала его изначально. Не стыдясь, я признаюсь тебе, что от природы я обладал всеми предосудительными чертами, которые твои мудрецы прочли в моем изображении и приписали мне, возможно, даже в большей степени, чем они думают. Но я справился со своими злыми

побуждениями с помощью своей сильной воли, и характер, который я приобрел благодаря суровой дисциплине, стал противоположностью тому характеру, с которым я родился. Благодаря этой перемене, произведенной во мне моими собственными усилиями, я заслужил почет и одобрение как на земле, так и на небесах".[68]

ЮНОСТЬ МОИСЕЯ

Однажды — это было после того, как он вырос и вышел за пределы детских лет, — Моисей отправился в землю Гесем, в которой жили дети Израиля. Там он увидел бремя, под которым стонал его народ, и спросил, почему на них была возложена такая тяжелая служба. Израильтяне рассказали ему обо всем, что произошло, рассказали ему о жестоком указе, изданном фараоном незадолго до его рождения, и рассказали ему о нечестивых советах, данных Валаамом как против них самих, так и против его личности, когда он был всего лишь маленьким мальчиком и возложил корону Фараона себе на голову. Гнев Моисея возгорелся против злобного советника, и он попытался придумать способ обезвредить его. Но Валаам, пронюхав о его недобрых чувствах, бежал из Египта вместе со своими двумя сыновьями и отправился ко двору эфиопского царя Киканоса.[69]

Вид его поработанного народа тронул Моисея до слез, и он заговорил, говоря: "Горе мне за ваши страдания! Я скорее умру, чем увижу, как ты так жестоко страдаешь". Он не брезговал помогать своим несчастным братьям в их тяжелой работе, насколько это было в его силах. Он отбросил все мысли о своем высоком положении при дворе, взвалил на свои плечи часть бремени, возложенного на израильтян, и трудился вместо них. В результате он не только оказал помощь тяжело нагруженным рабочим, но и завоевал благосклонность фараона, который верил, что Моисей принимает участие в работе, чтобы способствовать исполнению царского приказа. И Бог сказал Моисею: "Ты оставил все свои другие занятия и присоединился к детям Израиля, к которым ты относишься как к братьям; поэтому я тоже отложу сейчас все небесные и земные дела и буду беседовать с тобой".[70]

Моисей продолжал делать все, что в его силах, чтобы облегчить страдания своих братьев в меру своих возможностей. Он обратился к ним с ободряющими словами, сказав: "Мои дорогие братья, стойко переносите свою участь! Не теряйте мужества, и пусть ваш дух не изнемогает от усталости вашего тела. Наступят лучшие времена, когда скорбь сменится радостью. За облаками следует солнечный свет, за бурями - затишье, все вещи в мире стремятся к своим противоположностям, и нет ничего более непостоянного, чем судьба человека".[71]

Царскую милость, которую царь оказывал ему во все возрастающей мере, он использовал, чтобы облегчить бремя, возложенное на сынов Израилевых. Однажды он предстал перед фараоном и сказал: "О мой господин, у меня есть к тебе просьба, и я надеюсь, что ты не откажешь в ней". "Говори", - ответил царь. "Общепризнанный факт, - сказал Моисей, - что если рабу не давать отдыхать хотя бы один день в неделю, он умрет от перенапряжения. Твои еврейские рабы наверняка погибнут, если ты не дашь им хоть на день отдохнуть от работы". Фараон исполнил просьбу Моисея, и царский указ был опубликован по всему Египту и в Гесеме следующего содержания: "К сынам Израиля! Так говорит царь: делай свою работу и выполняй свою службу в течение шести дней, но на седьмой день ты должен отдыхать; в этот день ты не должен работать. Так вы должны поступать на все времена, согласно повелению царя и

повелению Моисея, сына Битии". И днем, назначенным Моисеем в качестве дня отдыха, была суббота, позже данная Богом израильтянам как день субботний.[72]

Пока Моисей жил в Гесеме, произошел инцидент огромной важности. Для надзора за службой сынов Израилевых над каждым десятком был поставлен офицер из их числа, и десять таких офицеров находились под наблюдением египетского надсмотрщика. У одного из этих еврейских военачальников, по имени Дафан, была жена Шеломит, дочь Дибрия из колена Дана, которая отличалась необычайной красотой, но была склонна к большой болтовне. Всякий раз, когда египетский надсмотрщик, приставленный к ее мужу, приходил к ним домой по делам, связанным с его офисом, она вежливо подходила к нему и вступала с ним в беседу. Прекрасная израильтянка разжигала безумную страсть в его груди, и он искал и нашел хитрый способ удовлетворить свое похотливое желание. Однажды он появился на рассвете в доме Дафана, пробудил его ото сна и приказал поторопить свой отряд на работу. Едва муж скрылся из виду, как он совершил задуманное злодейство и обесчестил женщину, и плодом этой незаконной связи стал богохульник, имя Которого Моисей приказал казнить во время похода через пустыню.

В тот момент, когда египтянин выскользнул из комнаты Шеломита, Дафан вернулся домой. Раздосадованный тем, что о его преступлении стало известно пострадавшему мужу, надсмотрщик заставлял его работать с чрезмерной энергией и наносил ему удар за ударом с намерением убить его.[73] Юному Моисею случилось посетить место, где работал подвергавшийся жестокому обращению и пыткам еврей. Дафан поспешил к нему и пожаловался на все обиды и страдания, которые причинил ему египтянин.[74] Полный гнева, Моисей, которому святой дух сообщил об увечье, нанесенном еврейскому офицеру египетским надсмотрщиком, закричал на последнего, говоря: "Мало того, что ты обесчестил жену этого человека, ты еще хочешь убить его?" И, обратившись к Богу, он заговорил дальше: "Что станет с Твоим обещанием Аврааму, что его потомство будет многочисленно, как звезды, если его дети будут преданы смерти? И что станет с откровением на Синае, если дети Израиля будут истреблены?"

Моисей хотел посмотреть, выйдет ли кто-нибудь вперед и, движимый рвением к делу Божьему и Божьему закону, заявит о своей готовности отомстить за оскорбление. Он ждал напрасно. Тогда он решил действовать сам. Вполне естественно, что он не решался лишить жизни человека. Он не знал, нельзя ли привести злодея к покаянию, а затем вести благочестивую жизнь. Он также подумал, что, возможно, среди потомков египтянина найдутся такие, ради которых их нечестивый предок мог бы по праву претендовать на милосердие. Святой дух развеял все его сомнения. Ему было дано понять, что не было ни малейшей надежды на то, что добро придет либо от самого злоумышленника, либо от кого-либо из его потомков. Тогда Моисей пожелал воздать ему за его злодеяния. Тем не менее, сначала он посоветовался с ангелами, чтобы услышать, что они хотели сказать, и они согласились, что египтянин заслуживал смерти, и Моисей поступил в соответствии с их мнением.

Для достижения его цели не требовалось ни физической силы, ни оружия. Он просто произнес Имя Бога, и египтянин превратился в труп. Обращаясь к стоявшим поблизости израильтянам, Моисей сказал: "Господь сравнил вас с песком на морском берегу, и поскольку песок бесшумно перемещается с места на место, я молю вас сохранить знание о том, что произошло, в тайне внутри себя. Пусть об этом ничего не будет слышно".

Пожелание, высказанное Моисеем, не было выполнено. Убийство египтянина не осталось секретом, и теми, кто предал его, были израильтяне Дафан и Авирам, сыновья Паллу из колена Рувима, печально известные своей наглостью и упрямством. На следующий день после того, как произошло происшествие с египтянами, два брата по злому умыслу начали драку друг с другом только для того, чтобы втянуть Моисея в ссору и создать повод для его предательства. План удался на славу. Увидев, что Дафан поднял руку на Авирама, чтобы нанести ему удар, Моисей воскликнул: "О, ты негодяй, поднимающий руку на израильтянина, даже если он ничем не лучше тебя". Дафан ответил: "Юноша, кто поставил тебя судьей над нами, ты, который еще не достиг зрелости? Мы очень хорошо знаем, что ты сын Иохаведы, хотя люди называют тебя сыном принцессы Битии, и если ты попытаешься сыграть роль нашего учителя и судьи, мы опубликуем за границей то, что ты сделал с египтянкой. Или, может быть, ты вынашиваешь намерение убить нас, как убил его, произнеси Имя Бога?"

Не удовлетворившись этими насмешками, благородная пара братьев отправилась к фараону и сказала ему: "Моисей бесчестит твою царскую мантию и твою корону", на что фараон ответил: "Пусть это принесет ему много пользы!" Но они продолжили разговор. "Он помогает твоим врагам, фараон", - продолжили они, на что он ответил, как и прежде: "Пусть это принесет ему много пользы!" И все же они продолжали: "Он не сын твоей дочери". Эти последние слова не преминули произвести впечатление на фараона.[75] Был отдан королевский приказ об аресте Моисея, и он был приговорен к смерти от меча.

Ангелы пришли к Богу и сказали: "Моисей, фамилляр Твоего дома, взят под стражу", и Бог ответил: "Я поддерживаю его дело". "Но, — настаивали ангелы, - его смертный приговор был вынесен - да, они ведут его на казнь", и снова Бог ответил, как и прежде: "Я поддерживаю его дело".

Моисей взошел на эшафот, и ни с чем не сравнимый меч десять раз приставляли к его шее, но он всегда соскальзывал, потому что шея его была твердой, как слоновая кость. И произошло еще большее чудо. Бог ниспослал ангела Михаила в облике палача, и человек-палач, которому фараон поручил казнь, был преобразован в образ Моисея. Этого поддельного Моисея ангел убил тем самым мечом, которым палач намеревался умертвить намеченную жертву. Тем временем Моисей обратился в бегство. Фараон приказал преследовать его, но все было напрасно. Войска короля были частично поражены слепотой, частично немотой. Немые не могли дать никакой информации о месте пребывания Моисея, а слепые, хотя и знали, где оно находится, не могли добраться до него.[76]

ПОЛЕТ

Ангел Божий отвел Моисея в место, удаленное на сорок дней пути от Египта, настолько далекое, что всякий страх был изгнан из его разума.[77] Действительно, он никогда не беспокоился о себе, а только о будущем Израиля. Порабощение его народа всегда было для него неразгаданной загадкой. Почему Израиль, спрашивал он себя, должен страдать больше, чем все другие народы? Но когда его личные трудности приобщили его к сплетням и клевете в спину, которые преобладали среди израильтян, тогда он спросил себя, заслуживает ли этот народ искупления?[78] Религиозные условия среди сынов Израиля были в то время такого рода, что не позволяли им надеяться на Божественную помощь. Они отказались слушать Аарона и пятерых сыновей Зары, которые действовали среди них как пророки и наставляли их к страху

Божьему. Именно из-за их нечестия тяжелая рука фараона давила на них все сильнее и сильнее, пока Бог не смилостивился над ними и не послал Моисея освободить их из египетского рабства.[79]

Когда ему удалось вырваться из рук палача, Моисей понятия не имел, что его ждет царский трон. Тем не менее, это было так. В это время разразилась война между Эфиопией и народами Востока, которые до тех пор были ей подвластны. Царь Киканос выступил против врага с огромной армией. Он оставил Валаама и двух сыновей Валаама, Ианнеса и Иамврия, охранять свою столицу и заботиться о людях, оставшихся дома. Отсутствие царя дало Валааму возможность привлечь своих подданных на свою сторону, и он был посажен на трон, а двое его сыновей были поставлены над армией в качестве генералов. Чтобы отрезать Киканоса от его столицы, Валаам и его сыновья окружили город, чтобы никто не мог войти в него против их воли. С двух сторон они сделали стены выше, с третьей вырыли сеть каналов, по которым направили воды реки, опоясывающей всю землю Эфиопии, а с четвертой стороны своим магическим искусством собрали большое количество змей и скорпионов. Таким образом, никто не мог ни уйти, ни войти.

Тем временем Киканосу удалось подчинить себе непокорные народы. Когда он вернулся во главе своей победоносной армии и издали увидел высокую городскую стену, он и его люди сказали: "Жители города, видя, что война надолго задержала нас за границей, возвели стены и укрепили их, чтобы цари Ханаана не смогли войти". Приблизившись к городским воротам, которые были заперты, они крикнули стражникам, чтобы те открыли их, но по указанию Валаама им не разрешили пройти. Завязалась перестрелка, в которой Киканос потерял сто тридцать человек. На следующий день сражение было продолжено, король со своими войсками расположился на том берегу реки. В этот день он потерял тридцать своих всадников, которые, вскочив на коней, попытались переплыть реку. Тогда король приказал построить плоты для перевозки своих людей. Когда суда достигли каналов, они погрузились под воду, и вода, кружась круг за кругом, словно приводимая в движение мельничными колесами, унесла двести человек, по двадцать с каждого плота. На третий день они приступили к нападению на город с той стороны, где кишели змеи и скорпионы, но им не удалось добраться до него, и рептилии убили сто семьдесят человек. Король воздержался от нападения на город, но в течение девяти лет окружал его, так что никто не мог выйти или войти внутрь.

Пока продолжалась осада, Моисей, спасаясь бегством, предстал в царском лагере перед фараоном и сразу же снискал расположение Киканоса и всей его армии. Он привлекал всех, кто его видел, потому что был стройен, как пальма, лицо его сияло, как утреннее солнце, а сила его была равна силе льва. Привязанность короля к нему была так глубока, что он назначил его главнокомандующим своими войсками.

По прошествии девяти лет Киканос стал жертвой смертельной болезни и скончался на седьмой день своей болезни. Его слуги забальзамировали его, похоронили напротив городских ворот, ведущих в землю Египта, и над его могилой воздвигли великолепное сооружение, прочное и высокое, на стенах которого выгравировали все великие деяния и битвы умершего царя.

Теперь, после смерти Киканоса, его люди были сильно опечалены из-за войны. Один сказал другому: "Посоветуй нам, что нам делать на этот раз? Мы жили в пустыне, вдали от наших домов, девять лет. Если мы будем сражаться против города, многие из нас падут мертвыми; и если мы останемся здесь, осаждая его, мы тоже умрем. Ибо теперь все князья Арамаи дети Востока

услышат, что наш царь мертв, и они нападут на нас внезапно, и они будут сражаться с нами до тех пор, пока не останется ни одного остатка. Итак, давайте пойдем и поставим над собой царя, а сами останемся здесь, осаждая город, пока он не сдастся нам".

КОРОЛЬ ЭФИОПИИ

Они не могли найти никого, кроме Моисея, достойного стать их царем. Они поспешили и сняли с каждого человека его верхнюю одежду, и бросили все это кучей на землю, устроив возвышение, на вершине которого они поставили Моисея. Тогда они затрубили в трубы и возгласили перед ним: "Да здравствует король! Да здравствует король!" И весь народ и знать поклялись ему отдать Адонию в жены, эфиопскую царицу, вдову Киканоса. И они поставили Моисея царем над собой в тот день.

Они также издали воззвание, приказывающее каждому отдать Моисею все, что у него есть, и на возвышении расстелили лист, на который каждый бросил что-нибудь, этот - золотое кольцо в носу, тот - монету, а также камни оникс, бделлий, жемчуг, золото и серебро в великом изобилии.

Моисею было двадцать семь лет, когда он стал царем Эфиопии, и правил он сорок лет. На седьмой день его правления весь народ собрался и предстал перед ним, чтобы спросить его совета относительно того, что делать с городом, который они осаждали. Король ответил им и сказал: "Если вы прислушаетесь к моим словам, город будет передан в наши руки. Провозгласи громким голосом по всему лагерю, всему народу, говоря: "Так говорит царь! Ступай в лес и принеси сюда птенцов аиста, каждому по одному птенцу в руку. И если найдется какой-нибудь человек, который нарушит слово царя не приносить птицу, он умрет, и царь заберет все принадлежащее ему". И когда ты принесешь их, они будут в твоём распоряжении. Ты будешь растить их, пока они не вырастут, и научишь летать, как летает ястреб.

Все люди поступили по слову Моисея, и после того, как молодые аисты выросли до полного размера, он приказал морить их голодом в течение трех дней. На третий день царь сказал им: "Пусть каждый наденет свои доспехи и опоясается своим мечом. Каждый сядет на своего коня, и каждый посадит своего аиста себе на руку, и мы восстанем и сразимся с городом напротив места змей".

Когда они пришли в назначенное место, царь сказал им: "Пусть каждый отправит своего молодого аиста, чтобы он спустился на змей". Так они и сделали, и птицы налетели, пожрали всех рептилий и уничтожили их. После того, как змеи были устранены таким образом, люди сразились с городом, покорили его и убили всех его жителей, но из осаждавших его людей не погиб ни один.

Когда Валаам увидел, что город попал в руки осаждающих, он применил свое магическое искусство, которое позволило ему летать по воздуху, и он взял с собой двух своих сыновей, Ианнеса и Иамврия, и своих восьмерых братьев, и все они нашли убежище в Египте.

Видя, что король спас их, а город был взят по его доброму совету, люди привязались к нему больше, чем когда-либо. Они возложили ему на голову царскую корону, и дали ему в жены Адонию, вдову Киканоса. Но Моисей боялся сурового Бога своих отцов, и он не вошел к Адонии и не обратил на нее своего взора, ибо он помнил, как Авраам заставил своего слугу Елиезера

поклониться, сказав ему: "Ты не возьмешь жены моему сыну из дочерей Хананеев, среди которых я живу". Он также вспомнил, что сделал Исаак, когда Иаков бежал от своего брата Исава, как он приказал своему сыну, сказав: "Не бери жены из дочерей Ханаана и не вступай в брак ни с кем из сыновей Хама, ибо Господь, наш Бог, отдал Хама, сына Ноя, и все его потомство в рабы детям Сима и Иафета навеки".

В то время Арам и дети Востока услышали, что Киканос, царь Эфиопии, умер, и они восстали против эфиопов, но Моисей выступил с могучей армией сражаться против мятежных народов, и он покори́л их, сначала детей Востока, а затем Арама.

Моисей продолжал процветать в своем царстве. Он управлял государством справедливо и непорочно, и его народ любил и боялся его.

Однажды, на сороковом году его правления, когда он сидел на своем троне, окруженный всей знатью, царица Адония, сидевшая перед ним, встала и сказала: "Что это за дело, которое вы, народ Эфиопии, делали все эти дни? Конечно, ты знаешь, что за те сорок лет, что этот человек бат правил тобой, он ни разу не приблизился ко мне и не поклонялся богам Эфиопии. Итак, пусть этот человек больше не царствует над вами, ибо он не из нашей плоти. Вот, Монархос, мой сын вырос, пусть он царствует над вами. Лучше тебе служить сыну твоего господина, чем чужеземцу, рабу царя Египетского".

Целый день народ и знать спорили друг с другом, стоит ли прислушиваться к словам королевы. Офицеры армии остались верны Моисею, но жители городов высказались за коронацию сына своего бывшего господина в качестве царя. На следующее утро они восстали и поставили Монархоса, сына Киканоса, царем над собой, но они побоялись поднять руку на Моисея, ибо Господь был с ним. Они также помнили клятву, данную ими Моисею, и поэтому не причинили ему никакого вреда. Более того, они преподнесли ему много подарков и отпустили его с великой честью.

Когда Моисей покинул Эфиопию на шестьдесят седьмом году своей жизни, это было время, назначенное Богом в незапамятные времена, чтобы вывести Израиль из-под гнета сынов Хама. Но, опасаясь возвращаться в Египет из-за фараона, Моисей отправился в Мадиям.[80]

ДЖЕТРО

В городе Мадиямском, названном так в честь сына Авраама от Кетуры,[81] человек по имени Иофор прожил много лет, выполняя священническое служение перед идолами. Со временем он все больше и больше убеждался в тщетности идолопоклонства. Его священство стало ему противно, и он решил отказаться от своей обязанности. Он предстал перед своими горожанами и сказал: "До сих пор я служил вам перед идолами, но я стал слишком стар для исполнения своих служебных обязанностей. Поэтому выбирай, кого бы ты выбрал на моем месте". Говоря таким образом, он раздал людям все принадлежности, относящиеся к идолопоклонству, и велел им передать их тому, кому по своему усмотрению они должны доверить его должность. Заподозрив скрытые мотивы Джетро, люди наложили на него запрет, и никто не осмелился оказать ему ни малейшей услуги. Даже пастухи не хотели пасти его стада, и ему ничего не оставалось, как возложить эту работу на своих семерых дочерей.[82]

Превращение Иофора из священника-идолопоклонника в богобоязненного человека передается его семью именами. Его звали Джетер, потому что Тора содержит "дополнительный" раздел о нем; Джетро, он "переполнен" добрыми делами. Хобаб, "возлюбленный сын Божий"; Рууил, "друг Божий"; Хебер, "сподвижник Божий"; Путиэль, "тот, кто отрекся от идолопоклонства"; и Кени, тот, кто был "ревностен" к Богу и "приобрел" Тору.[83]

Из-за враждебных отношений между Иофором и жителями города его дочери имели обыкновение появляться у водопоя раньше, чем туда приходили другие пастухи. Но уловка не удалась. Пастухи прогоняли их прочь и сами поили свои стада из корыт, которые наполнили девушки. Когда Моисей прибыл в Мадиям, он остановился у колодца, и его опыт был таким же, как у Исаака и Иакова. Подобно им, он нашел там свою помощницу. Элиэзер выбрал Ревекку в жены Исааку, когда она была занята тем, что набирала для него воду; Иаков первым увидел Рахиль, когда она поила своих овец, и у этого колодца в Мадии Моисей встретил свою будущую жену Сепфору.

Грубость пастухов достигла своего апогея в самый день прибытия Моисея. Сначала они лишили девушек воды, которую те набрали для себя, и попытались применить к ним насилие, а затем бросили их в воду с намерением убить. В этот момент появился Моисей, вытащил дев из воды и напоил стада, сначала стада Иофора, а затем стада овец, хотя последние не заслуживали его добрых услуг. Правда, он оказал им услугу без особых хлопот для себя, потому что ему нужно было только набрать полное ведро, и вода лилась так обильно, что ее хватало для всех стад,[84] и она не переставала течь до тех пор, пока Моисей не отошел от колодца,[85] — того самого колодца, у которого Иаков встретил Рахиль, свою будущую жену, и того самого колодца, который Бог создал в начале мира, открытие которого Он совершил в сумерках кануна первой субботы.[86]

Дочери Иофора поблагодарили Моисея за помощь, которую он им оказал. Но Моисей отверг их благодарность, сказав: "Вы должны быть благодарны египтянину, которого я убил, из-за которого мне пришлось бежать из Египта. Если бы не он, меня бы сейчас здесь не было".[87]

МОИСЕЙ ЖЕНИТСЯ НА СЕПФОРЕ

Одна из семи дев, которых Моисей увидел у колодца, привлекла его внимание, в частности, своим скромным поведением, и он сделал ей предложение руки и сердца. Но Сепфора оттолкнула его, сказав: "У моего отца в саду есть дерево, которым он испытывает каждого мужчину, изъявляющего желание жениться на одной из его дочерей, и как только жених прикасается к дереву, оно пожирает его".

Моисей: "Откуда у него это дерево?"

Сепфора: "Это жезл, который Святой, да будет Он благословен, создал в сумерках кануна первой субботы и дал Адаму. Он передал его Еноху, от него оно перешло к Ною, затем к Симу, Аврааму и Исааку и, наконец, к Иакову, который привез его с собой в Египет и передал своему сыну Иосифу. Когда Иосиф умер, египтяне разграбили его дом, а жезл, который был у них добычей, они принесли во дворец фараона. В то время мой отец был одним из самых выдающихся священных писцов короля, и поэтому у него была возможность увидеть жезл. Ему очень захотелось обладать ею, и он украл ее и принес к себе домой. На этом жезле

выгравировано Неизреченное Имя, а также десять казней, которые Бог наведет на египтян в будущем. Много лет он лежал в доме моего отца. Однажды он гулял по своему саду, неся его в руках, и воткнул в землю. Когда он попытался вытащить его снова, то обнаружил, что оно проросло и распускает цветы. Это стержень, с помощью которого он пробует любого, кто желает жениться на его дочерях. Он настаивает, чтобы наши поклонники попытались вытащить его из земли, но как только они к нему прикоснутся, оно их пожрет.

Рассказав ему об отцовском жезле, Сепфора отправилась домой в сопровождении своих сестер, и Моисей последовал за ними.[88]

Джетро был немало удивлен, увидев, что его дочери так скоро вернулись с водопоя. Как правило, придирки, от которых им приходилось страдать со стороны пастухов, задерживали их допоздна.[89] Как только он услышал их рассказ о египтянине-чудотворце, он воскликнул: "Возможно, он один из потомков Авраама, от которого исходит благословение для всего мира".[90] Он упрекнул своих дочерей за то, что они не пригласили незнакомца, оказавшего им столь ценную услугу, войти в их дом, и приказал им привести его в надежде, что он возьмет одну из своих дочерей в жены.[91]

Моисей все это время стоял снаружи и позволил дочерям Иофора описать его как египтянина, не протестуя и не утверждая его еврейское происхождение. За это Бог наказал его, заставив умереть за пределами земли обетованной. Иосиф, публично заявивший, что он еврей, нашел свое последнее пристанище в земле евреев, а Моисей, который, по-видимому, не возражал против того, чтобы его считали египтянином, должен был жить и умереть за пределами этой земли.[92]

Сепфора поспешила исполнить желание своего отца, и не успела она ввести его в дом[93], как Моисей попросил ее руки. Иофор ответил: "Если ты сможешь принести мне жезл из моего сада, я отдам ее тебе". Моисей вышел, [94] нашел сапфировый жезл, который Бог даровал Адаму, когда тот был изгнан из Рая, жезл, который попал к Иофору после многочисленных превратностей судьбы и который он посадил в саду. Моисей вырвал его с корнем и отнес Иофору, [95] которому сразу пришла в голову мысль, что он был пророком в Израиле, относительно которого все мудрецы Египта предсказывали, что он уничтожит их землю и ее жителей. Как только эта мысль пришла ему в голову, он схватил Моисея и бросил его в яму, ожидая, что там он встретит смерть.

И действительно, он погиб бы, если бы Сепфора не придумала хитрость, чтобы спасти ему жизнь. Она сказала своему отцу: "Будь на то твоя воля, прислушайся к моему совету. У тебя нет жены, но только семь дочерей. Хочешь ли ты, чтобы мои шесть сестер руководили твоим домом? Тогда я отправлюсь за границу с овцами. Если нет, пусть мои сестры пасут стада, а я позабочусь о доме". Ее отец сказал: "Ты хорошо сказала. Твои шесть сестер пойдут с овцами, а ты останешься в доме и будешь заботиться о нем и обо всем, что принадлежит мне в нем".

Теперь Сепфора могла снабжать Моисея всевозможными лакомствами, пока он лежал в яме, и делала это в течение семи лет. По истечении этого срока она сказала своему отцу: "Я вспоминаю, что однажды давным-давно ты бросил в ту яму человека, который принес для тебя твой жезл из сада, и тем самым ты совершил великий проступок. Если тебе угодно, открой яму и загляни в нее. Если человек мертв, выброси его труп, чтобы он не наполнил дом зловонием. Но

если бы он был жив, тогда ты должен был бы убедиться, что он один из тех, кто полностью благочестив, иначе он умер бы от голода".

Ответом Иофора было: "Ты говорил мудро. Ты помнишь его имя?" И Сепфора ответила: "Я помню, он называл себя Моисеем, сыном Амрама". Иофор, не теряя времени, открыл яму и крикнул: "Моисей! Моисей!" Моисей ответил и сказал: "Вот я!" Иофор вытащил его из ямы, поцеловал и сказал: "Благословен Бог, который охранял тебя в яме семь лет. Я признаю, что Он убивает и возрождается, что ты один из совершенно благочестивых, что через тебя Бог в грядущее время уничтожит Египет, выведет Свой народ из этой земли и утопит фараона и всю его армию в море".[96]

После этого Иофор дал много денег Моисею, и тот отдал ему в жены свою дочь Сепфору с условием, что дети, рожденные от этого брака в доме Иофора, будут разделены на два равных класса: один должен быть израильтянином, другой египтянином. Когда Сепфора родила ему сына, Моисей обрезал его[97] и назвал Гирсомом в память о чуде, которое Бог сотворил для него, ибо, хотя он жил в "чужой" земле, Господь не отказал ему в помощи даже "там".[98]

Сепфора два года нянчила своего первенца, а на третий год родила второго сына. Вспомнив свой договор с Иофором, Моисей понял, что его тесть не позволит ему сделать обрезание и этому сыну, и он решил вернуться в Египет, чтобы иметь возможность воспитать своего второго сына как израильтянина. По пути туда сатана явился ему в облике змея и проглотил Моисея до самых конечностей. По этому знаку Сепфора поняла, что все произошло из-за того, что ее второй сын не был обрезан, и поспешила исправить упущение. Как только она окропила ноги своего мужа кровью от обрезания, послышался небесный голос, взывающий к змею, повелевающий ему: "Извергни его!" - и Моисей вышел и встал на ноги. Таким образом, Сепфора дважды спасла Моисею жизнь, сначала из ямы, а затем от змея.[99]

Когда Моисей прибыл в Египет, к нему подошли Дафан и Авирам, вожди израильтян, и они сказали: "Ты пришел сюда, чтобы убить нас, или ты намереваешься сделать с нами то же самое, что ты сделал с египтянином?" Это сразу же привело Моисея обратно в Мадиям, и там он оставался еще два года, пока Бог Не явил Себя на Хориве и не сказал ему: "Иди и выведи Моих детей из земли Египетской.[100]

КРОВАВОЕ ЛЕКАРСТВО

Последние годы израильского рабства в Египте были самыми тяжелыми. Чтобы наказать фараона за его жестокость по отношению к сынам Израилевым, Бог поразил его язвой проказы, которая покрыла все его тело, от макушки до подошв ног. Вместо того чтобы быть наказанным своей болезнью, фараон оставался непреклонным и пытался восстановить свое здоровье, убивая израильских детей. Он посоветовался со своими тремя советниками, Валаамом, Иофором и Иовом, как ему исцелиться от постигшей его ужасной болезни. Валаам заговорил, сказав: "Ты сможешь восстановить свое здоровье, только если будешь убивать израильских детей и купаться в их крови". Иофор, не желая участвовать в таком зверстве, оставил царя и бежал в Мадиям. Иов, с другой стороны, хотя он также не одобрял совет Валаама, хранил молчание и никоим образом не протестовал против него, [101] за что Бог наказал его годом страданий.[102] Но после этого Он наделил его всеми благами этой жизни и даровал ему много

лет, чтобы этот благочестивый язычник мог быть вознагражден в этом мире за свои добрые дела и не имел права настаивать на блаженстве будущей жизни.[103]

Во исполнение кровавого совета, данного Валаамом, фараон приказал своим приставам отрывать израильских младенцев от груди их матерей и закалывать их, и в крови этих невинных он искупался. Болезнь мучила его в течение десяти лет, и каждый день из-за него убивали израильского ребенка. Все это было напрасно; действительно, по прошествии времени его проказа превратилась в фурункулы, и он страдал еще больше, чем раньше.

Пока он был в этой агонии, ему сообщили, что дети Израиля в Гесеме были беспечны и праздны в своем принудительном труде. Эта новость усугубила его страдания, и он сказал: "Теперь, когда я болен, они отворачиваются и насмеваются надо мной. Запрягай мою колесницу, и я отправлюсь в Гесем и увижу насмешки, которыми сыны Израилевы насмеваются надо мной". И они взяли и посадили его на коня, потому что он не мог взобраться на него сам. Когда он и его люди подъехали к границе между Египтом и Гесемом, царский конь въехал в узкое место. Другие лошади, быстро пробегая через перевал, давили друг на друга до тех пор, пока лошадь царя не упала, пока он не насытился на нее, и когда она упала, колесница перевернулась ничком, и лошадь тоже легла на него. Плоть царя была сорвана с него, ибо это было от Господа, Он слышал крики Своего народа и их страдания. Слуги царя взвалили его на плечи, принесли обратно в Египет и положили на его постель.

Он знал, что пришел его конец, и королева Альфар'анит и его вельможи собрались у его постели и рыдали вместе с ним.

Принцы и его советники посоветовали королю выбрать преемника, который будет править вместо него, кого бы он ни выбрал из числа своих сыновей. У него было три сына и две дочери от королевы Альфар'анит, не считая детей от наложниц. Имя его первенца было Атро, имя второго - Адикам, а третьего - Морион. Старшую дочь звали Бития, а другую - Акузит. Первенец из сыновей короля был идиотом, опрометчивым и беспечным во всех своих поступках. Адикам, второй сын, был хитрым и умным человеком, сведущим во всей мудрости Египта, но неуклюжим на вид, мясистым и низкорослым; его рост составлял локоть с небольшим, а борода ниспадала до лодыжек.

Царь решил, что Адикам будет править вместо него после его смерти. Когда этому второму его сыну было всего десять лет, он отдал ему в жены Гедиду, дочь Абилата, и она родила ему четырех сыновей. После этого Адикам пошел и взял еще трех жен, и родил восемь сыновей и трех дочерей.

Болезнь короля сильно усилилась, и его плоть издавала зловоние, подобное трупу, брошенному в поле летом, под палящим солнцем. Когда он увидел, что его расстройство овладело им сильной хваткой, он приказал привести к нему своего сына Адикама, и они сделали его царем страны вместо него.

По прошествии трех лет старый царь умер в позоре, вызывая отвращение у всех, кто его видел, и они похоронили его в усыпальнице царей Египта в Зоане, но они не забальзамировали его, как это было обычно у царей, потому что его плоть была гнилой, и они не могли приблизиться к его телу из-за зловония, и они похоронили его в спешке. Так Господь воздал ему злом за зло, которое он причинил в свои дни Израилю, и он умер в ужасе и позоре, царствовав девяносто четыре года.

Адикаму было двадцать лет, когда он наследовал своему отцу, и правил он четыре года. Народ Египта называл его фараоном, как это было в обычае у всех их царей, но мудрецы звали его Акуз, потому что Акуз на египетском языке означает "короткий", а Адикам был чрезвычайно неуклюжим и низкорослым. Новый фараон превзошел своего отца Малола и всех прежних царей в нечестии, и он еще больше усугубил иго на сынах Израиля. Он пошел в Гесем со своими слугами и увеличил их труд, и он сказал им: "Завершайте свою работу, ежедневную задачу, и пусть ваши руки не расслабляются от работы с этого дня и впредь, как вы делали во дни моего отца". Он поставил над ними начальников из числа сынов Израилевых, а над этими начальниками он поставил надсмотрщиков из числа своих слуг. И он положил перед ними меру кирпичей в соответствии с количеством, которое они должны были делать изо дня в день, и всякий раз, когда обнаруживался какой-либо недостаток в количестве их ежедневных кирпичей, надсмотрщики фараона шли к женщинам из сынов Израилевых и забирали у них их младенцев, столько, сколько кирпичей не хватало в мере, и этих младенцев они клали в здание вместо недостающих кирпичей. Надсмотрщики заставили каждого израильтянина поместить в здание своего собственного ребенка. Отец прижимал своего сына к стене и замазывал его известковым раствором, все это время плача, его слезы текли на своего ребенка.

Сыны Израилевы каждый день вздыхали о своих тяжких страданиях, ибо они думали, что после смерти фараона его сын облегчит их тяжелый труд, но новый царь оказался хуже своего отца. И Бог увидел бремя сынов Израилевых и их тяжелую работу, и Он решил избавить их.[104]

Однако Бог решил избавить детей Израиля не ради них самих, ибо у них не было добрых дел, и Господь предвидел, что, как только они будут искуплены, они восстанут против Него и даже будут поклоняться золотому тельцу. И все же Он сжалился над ними, ибо Он помнил Свой завет с Отцами, и Он смотрел на их раскаяние в своих грехах, и принял их обещание исполнить слово Божье после их выхода из Египта еще до того, как они услышат его.[105]

В конце концов, дети Израиля были не совсем лишены достоинств. В высокой степени они обладали качествами необычайного совершенства. Между ними не было кровосмесительных отношений, они не были злоязычны, они не меняли своих имен, они цеплялись за еврейский язык, никогда от него не отказываясь, [106] и между ними царила великая братская привязанность. Если кому-то случалось закончить рассказ о своих кирпичах раньше соседей, у него была привычка помогать остальным. Поэтому Бог сказал: "Они заслуживают того, чтобы Я проявил к ним милосердие, ибо, если человек проявляет милосердие к другому, я проявляю милосердие к нему".[107]

ВЕРНЫЙ ПАСТЫРЬ

Когда Иофор отдал свою дочь Сепфору Моисею в жены, он сказал своему будущему зятю: "Я знаю, что твой отец Иаков взял своих жен, дочерей Лавана, и ушел с ними против воли их отца. Теперь поклянись, что ты не сделаешь того же со мной", и Моисей поклялся не покидать его без его согласия, [108] и он остался с Иофором, который сделал его пастырем своих стад. По тому, как он ухаживал за овцами, Бог увидел, что он пригоден быть пастырем Своего народа, ибо Бог никогда не дает человеку высоких должностей, пока не испытает его в мелочах. Таким образом, Моисей и Давид были испытаны как пастухи стад, и только после того, как они доказали свои способности как таковые, Он дал им власть над людьми.

Моисей с любовной заботой присматривал за стадами. Сначала он вывел молодых животных на пастбище, чтобы у них была нежная, сочная трава в пищу; затем он вывел животных постарше и позволил им пощипать подходящую для них траву; и, наконец, пришли сильные животные, достигшие полного роста, и им он дал оставшуюся жесткую траву, которую другие не могли есть, но которая давала им хорошую пищу. Тогда Бог сказал: "Тот, кто понимает, как пасти овец, обеспечивая для каждой то, что для нее полезно, тот будет пасти Мой народ".

Однажды козленок убежал от стада, и когда Моисей последовал за ним, он увидел, как оно останавливалось у всех источников воды, и он сказал ему: "Бедный козленок, я не знал, что ты хочешь пить и бежишь за водой! Ты устал, я устаю", - и он понес его обратно к стаду на плече. Тогда Бог сказал: "Ты сострадаешь стаду, принадлежащему человеку из плоти и крови! Пока ты жив, ты будешь пасти Израиль, Мое стадо".[109]

Моисей не только следил за тем, чтобы стадам, находившимся под его опекой, не причинялся вред, но и следил за тем, чтобы они не причиняли вреда людям. Он всегда выбирал открытый луг в качестве места для выпаса, чтобы его овцы не паслись в частных поместьях.[110]

У Джетро не было причин быть недовольным услугами, оказанными ему его зятем. За те сорок лет, что Моисей был его пастухом, ни одна овца не подверглась нападению диких зверей, и стада невероятно умножились.[111] Однажды он сорок дней гонял овец по пустыне, не находя для них места для выпаса. Тем не менее он не потерял ни одной овцы.

Тоска Моисея по пустыне была непреодолимой. Его пророческий дух побудил его предвидеть, что там проявятся его собственное величие и величие Израиля. В пустыне проявятся чудеса Бога, хотя в то же время это будет могила человеческого стада, которая будет доверена ему в будущем, а также его собственное последнее пристанище. Таким образом, в самом начале своей карьеры он предчувствовал, что пустыня станет ареной его деятельности, что не только сбылось при нынешнем порядке вещей, но и сбудется в последние дни, когда он снова появится в пустыне, чтобы повести в землю обетованную восставшее из могил поколение, которое он вывел из египетского рабства.[112]

Блуждая по пустыне, он достиг горы Хорив, которая называется шестью именами, каждое из которых передает одно из ее отличий. Это "гора Божья", на которой Господь открыл Свой закон; "Басбан", потому что Бог "пришел туда"; "гора горбов", потому что Господь объявил все другие горы непригодными для откровения, как "горбатые" животные объявлены непригодными для жертвоприношений; "гора обители", потому что это гора, которую Бог пожелал сделать Своей "обителью"; Синай, потому что "ненависть" Бога к язычникам началась в то время, когда Израиль получил на ней закон; и Хорив, "меч", потому что там Израиль получил закон. меч закона был обращен на грешников.[113]

ГОРЯЩИЙ ТЕРНОВЫЙ КУСТ

Когда Моисей приблизился к горе Хорив, он сразу понял, что это святое место, так как заметил, что пролетающие птицы не садились на него. При его приближении гора начала двигаться, как бы собираясь выйти ему навстречу, и снова погрузилась в тишину, только когда его нога коснулась ее.[114] Первое, что заметил Моисей, был чудесный горящий куст, верхняя часть которого представляла собой пылающее пламя, не пожирившее куст и не мешавшее ему

распускаться при горении, ибо небесный огонь обладает тремя особыми качествами: он производит цветы, он не пожирает объект, вокруг которого он играет, и он черного цвета. Огонь, который Моисей увидел в кустарнике, был явлением ангела Михаила, который спустился как предтеча самой Шекины, которая вскоре должна была спуститься. Таково было желание Бога побеседовать с Моисеем, который, однако, не был склонен допускать какого-либо прерывания порученной ему работы. Поэтому Бог поразил его чудесным явлением горящего тернового куста. Это заставило Моисея остановиться, и тогда Бог заговорил с ним.

Были веские причины выбрать терновый куст в качестве сосуда для Божественного видения. Он был "чистым", поскольку язычники не могли использовать его для изготовления идолов. Решение Бога поселиться в низкорослом терновом кустарнике дало Моисею знание о том, что Он страдает вместе с Израилем. Более того, Моисея учили, что в природе нет ничего, даже незначительного тернового куста, что могло бы существовать без присутствия Шекины. Кроме того, терновый куст можно рассматривать как символ Израиля в нескольких отношениях. Как терновый куст - самый низкий из всех видов деревьев, так и положение Израиля в изгнании самое низкое по сравнению со всеми другими народами, но как терновый куст не выпускает птицу, которая садится на него, не поранив себе крылья, так и народы, поработившие Израиль, будут наказаны. Точно так же, как садовая изгородь сделана из тернового куста, так и Израиль формирует изгородь для мира, сад Божий, ибо без Израиля мир не смог бы выстоять. Более того, как на терновом кусте растут как шипы, так и розы, так и в Израиле есть благочестивые и нечестивые члены, и как терновому кусту требуется достаточно воды для своего роста, так и Израиль может процветать только благодаря Торе, небесной воде. А терновый куст, лист которого состоит из пяти листочков, должен был указать Моисею, что Бог решил искупить Израиль только ради заслуг пяти благочестивых людей: Авраама, Исаака, Иакова, Аарона и Моисея. Числа, представленные буквами, составляющими еврейское слово, обозначающее терновый куст, Сенех, в сумме составляют сто двадцать, чтобы показать, что Моисей достигнет возраста ста двадцати лет и что Шехина будет покоиться на горе Хорив сто двадцать дней. Наконец, чтобы проиллюстрировать скромность Моисея, Бог спустился с возвышенных небес и обратился к нему с низкого тернового куста, а не с вершины высокой горы или величественного кедра.[115]

ВОЗНЕСЕНИЕ МОИСЕЯ

Видение горящего куста явилось одному Моисею; другие пастухи, бывшие с ним, ничего этого не видели. Он сделал пять шагов в направлении куста, чтобы рассмотреть его с близкого расстояния, и когда Бог увидел лицо Моисея, искаженное горем и тревогой из-за страданий Израиля, Он сказал: "Этот человек достоин пастырства Моего народа".[116]

Моисей все еще был новичком в пророчестве, поэтому Бог сказал Себе: "Если я откроюсь ему громким голосом, я встревожу его, но если я откроюсь Ему тихим голосом, он не будет ценить пророчество", после чего он обратился к нему голосом своего отца Амрама. Моисей был вне себя от радости, услышав речь своего отца, ибо это придало ему уверенности в том, что он все еще был жив. Голос дважды позвал его по имени, и он ответил: "Вот я! Чего желает мой отец?" Бог ответил, сказав: "Я не твой отец. Я лишь хотел не пугать тебя, поэтому я говорил голосом твоего отца. Я Бог твоего отца, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова". Эти слова очень

обрадовали Моисея, ибо имя его отца Амрама не только произносилось на одном дыхании с именами трех Патриархов, но и стояло перед их именами, как будто он занимал более высокое положение, чем они.

Моисей не сказал ни слова. В безмолвном благоговении перед Божественным видением он закрыл свое лицо, и когда Бог раскрыл миссию, которую Он возложил на него, - вывести израильтян из земли Египетской, - он смиренно ответил: "Кто я такой, чтобы идти к фараону и выводить детей Израиля из Египта?" Тогда Бог сказал: "Моисей, ты кроток, и я вознагражу тебя за твою скромность. Я предам всю землю Египетскую в руки твои, и, кроме того, Я позволю тебе взойти к престолу Моей славы и взглянуть на всех ангелов небесных".

После этого Бог повелел Метатрону, Ангелу Лица, проводить Моисея в небесные сферы под звуки музыки и пения, и, кроме того, он повелел ему призвать тридцать тысяч ангелов, которые служили бы его личной охраной, пятнадцать тысяч справа от него и пятнадцать тысяч слева от него. В крайнем ужасе Моисей спросил Метатрона: "Кто ты?" и ангел ответил: "Я Енох, сын Иареда, твоего предка, и Бог поручил мне сопровождать тебя к Его трону". Но Моисей возразил, сказав: "Я всего лишь плоть и кровь, и я не могу смотреть на лик ангела", после чего Метатрон превратил плоть Моисея в огненные факелы, его глаза - в колеса Меркабы, его силу - в ангельскую, а язык - в пламя, и он вознес его на небеса со свитой из тридцати тысяч ангелов, половина из которых двигалась справа от них, а половина - слева.

На первом небе Моисей увидел потоки воды, и он заметил, что все небо состояло из окон, у каждого из которых стояли ангелы. Метатрон назвал и указал ему на все небесные окна: окно молитвы и окно прощения; окно плача и радости; изобилия и голода; богатства и бедности; войны и мира; зачатия и рождения; ливней и мягких дождей; греха и покаяния; жизни и смерти; мора и исцеления; болезни и здоровья; и многих других окон.

На втором небе Моисей увидел ангела Нуриэля, стоявшего на высоте трехсот парасангов, со своей свитой из пятидесяти мириад ангелов, созданных из воды и огня, и все они были обращены лицами к Шекине, когда пели хвалебную песнь Богу. Метатрон объяснил Моисею, что это были ангелы, поставленные над облаками, ветрами и дождями, которые быстро возвращаются, как только они исполнили волю своего Создателя, на свое место на втором из небес, чтобы возносить там хвалу Богу.

На третьем небе Моисей увидел ангела, такого высокого, что человеку потребовалось бы пятьсот лет, чтобы подняться до его роста. У него было семьдесят тысяч голов, у каждой головы было столько ртов, у каждого рта столько языков, и у каждого языка столько изречений, и он вместе со своей свитой из семидесяти тысяч мириад ангелов, созданных из белого огня, восхвалял Господа. "Они, - сказал Метатрон Моисею, - называются Эрелим, и они поставлены над травой, деревьями, плодами и зерном, но как только они исполнили волю своего Создателя, они возвращаются на отведенное им место и возносят хвалу Богу".

На четвертом небе Моисей увидел Храм, столпы его были сделаны из красного огня, шесты из зеленого огня, пороги из белого огня, доски и застёжки из пылающего огня, врата из карбункулов и вершины из рубинов. Ангелы входили в Храм и возносили там хвалу Богу. В ответ на вопрос Моисея Метатрон сказал ему, что они управляют землей, солнцем, луной, звездами и другими небесными телами. и все они поют песни перед Богом. На этом небе Моисей заметил также две великие планеты, Венеру и Марс, каждая размером со всю землю, и относительно них

он спросил, с какой целью они были созданы. Метатрон объяснил в этой связи, что Венера лежит на солнце, чтобы охлаждать его летом, иначе оно опалило бы землю, а Марс лежит на Луне, чтобы передавать ей тепло, чтобы она не заморозила землю.

Прибыв на пятое небо, Моисей увидел сонмы ангелов, нижняя часть которых была из снега, а верхняя - из огня, и все же снег не растаял, а огонь не погас, ибо Бог установил совершенную гармонию между двумя стихиями. Этим ангелам, называемым Ишимами, со дня своего сотворения нечего было делать, кроме как восхвалять Господа.

На шестом небе были миллионы и мириады ангелов, восхвалявших Бога, их звали Ирин и кадишим, "Наблюдатели" и "Святые", а их вождь был сделан из града, и он был таким высоким, что потребовалось бы пятьсот лет, чтобы пройти расстояние, равное его росту.

На последнем небе Моисей увидел двух ангелов, каждый высотой в пятьсот парсангов, выкованных из цепей черного и красного огня, ангелов Аф, "Гнев", и Хема, "Ярость", которых Бог создал в начале мира, чтобы исполнить Свою волю. Моисей встревожился, когда посмотрел на них, но Метатрон обнял его и сказал: "Моисей, Моисей, любимец Божий, не бойся и не ужасайся", - и Моисей успокоился. На седьмом небе был еще один ангел, отличавшийся внешне от всех остальных и имевший устрашающее выражение лица. Его рост был так велик, что потребовалось бы пятьсот лет, чтобы преодолеть равное ему расстояние, и от макушки до подошв он был усеян горящими глазами, при виде которых зритель падал ниц в благоговейном страхе. "Это, - сказал Метатрон, обращаясь к Моисею, - Самаэль, который забирает душу у человека". "Куда он теперь идет?" - спросил Моисей, и Метатрон ответил: "За душой Иова благочестивого". Вслед за этим Моисей помолился Богу такими словами: "О, да будет воля Твоя, Боже мой и Бог моих отцов, не допустить, чтобы я попал в руки этого ангела".

Здесь, на самом высоком небе, он увидел также серафимов с их шестью крыльями. Двумя они закрывают свое лицо, чтобы не смотреть на Шекину; и двумя - свои ноги, которые, будучи подобны ногам тельца, они прячут, чтобы сохранить в тайне преступление Израиля с золотым тельцом. С третьей парой крыльев они летают и совершают служение Господу, все время восклицая: "Свят, свят, свят Господь саваоф; вся земля полна славы Его". Крылья этих ангелов необъятных размеров, человеку потребовалось бы пятьсот лет, чтобы пересечь их вдоль и поперек, как от одного конца земли до другого.

И Моисей увидел на седьмом небе святых Хайот, которые поддерживают престол Божий; и он увидел также ангела Загзагеля, князя Торы и мудрости, который преподает Тору на семидесяти языках душам людей, и с тех пор они бережно относятся к содержащимся в ней заповедям как к законам, открытым Богом Моисею на Синае. От этого ангела с рогами славы сам Моисей узнал все десять тайн".

Увидев, что есть на семи небесах, он обратился к Богу, сказав: "Я не покину небеса, пока Ты не даруешь мне дар", и Бог ответил: "Я дам тебе Тору, и люди назовут ее Законом Моисея".[117]

МОИСЕЙ ПОСЕЩАЕТ РАЙ И АД

Когда Моисей собирался покинуть небеса, небесный голос возвестил: "Моисей, ты пришел сюда, и ты увидел престол Моей славы. Теперь ты увидишь также Рай и ад", - и Бог послал

Гавриила с поручением показать ему ад. Испуганный его пламенем, когда он увидел его, входя во врата ада, Моисей отказался идти дальше. Но ангел ободрил его, сказав: "Есть огонь, который не только сжигает, но и пожирает, и этот огонь защитит тебя от адского пламени, так что ты сможешь ступить на него, и все же ты не будешь обожжен".

Когда Моисей вошел в ад, огонь отошел на расстояние пятисот парасангов, и Ангел Ада, Насаргиил, спросил его: "Кто ты?" и он ответил: "Я Моисей, сын Амрама".

Насаргиэль: "Это не твое место, тебе место в Раю".

Моисей: "Я пришел сюда, чтобы увидеть проявление силы Божьей".

Тогда Бог сказал Ангелу Ада: "Пойди и покажи ад Моисею и как там обращаются с нечестивыми". Он немедленно пошел с Моисеем, идя перед ним, как ученик перед своим учителем, и таким образом они вместе вошли в ад, и Моисей увидел людей, подвергающихся пыткам со стороны Ангелов Разрушения: некоторые из грешников были подвешены за веки, некоторые за уши, некоторые за руки, а некоторые за языки, и они горько плакали. А женщин подвешивали за волосы, за грудь и другими способами, и все это на огненных цепях. Насаргиэль объяснил: "Они подвешены за глаза, потому что они с вождением смотрели на жен своих соседей и с алчностью смотрели на имущество своих братьев. Это висит у них на ушах, потому что они слушали пустые и напрасные речи и отвратили свое ухо от слушания Торы. Это висит у них на языках, потому что они говорили клевету и приучили свой язык к глупой болтовне. Они подвешены за ноги, потому что они ходили с ними, чтобы шпионить за своими братьями, но они не ходили в синагогу, чтобы вознести молитву своему Создателю. Их вешают за руки, потому что вместе с ними они отнимали имущество у своих соседей и совершали убийства. Этим женщин подвешивают за волосы иза грудь, потому что они обнажали их в присутствии молодых людей, так что те зарождали к ним желание и впадали в грех".

Моисей услышал, как ад заплакал громким и горьким плачем, говоря Насаргиэлю: "Дай мне чего—нибудь поесть, я голоден".— Насаргиэль: "Что мне дать тебе?" —Ад: "Отдай мне души благочестивых".-Насаргиэль: "Святой, да будет Он благословен, не отдаст тебе души благочестивых".

Моисей увидел место под названием Алука, где грешники были подвешены за ноги головами вниз, а их тела покрыты черными червями, каждый длиной в пятьсот парасангов. Они сокрушались и зывали: "Горе нам от наказания в аду. Дай нам смерть, чтобы мы могли умереть!" Насаргиэль объяснил: "Это грешники, которые ложно клялись, оскверняли субботу и святые дни, презирали мудрецов, называли своих соседей неприличными прозвищами, обижали сироту и вдову и давали ложные показания. Поэтому Бог отдал их этим червям".

Моисей пошел оттуда в другое место, и там он увидел грешников, распростертых ничком, а две тысячи скорпионов хлестали, жалили и мучили их, в то время как замученные жертвы горько плакали. У каждого из скорпионов было семьдесят тысяч голов, у каждой головы семьдесят тысяч ртов, у каждой пасти семьдесят тысяч жал, и у каждого жала семьдесят тысяч мешочков с ядом, которые грешники вынуждены выпивать, хотя страдания настолько невыносимы, что их глаза плавятся в глазницах. Насаргиэль объяснил: "Это грешники, из-за которых израильтяне потеряли свои деньги, которые возвысили себя над обществом, которые публично опозорили своих соседей, которые отдали своих братьев-израильтян в руки язычников, которые отрицали Тору Моисея и которые утверждали, что Бог не является Творцом мира".

Затем Моисей увидел место под названием Тит ба-Явен, в котором грешники стоят по пояс в грязи, в то время как Ангелы Разрушения с утра до вечера хлещут их огненными цепями и выбивают им зубы огненными камнями, а за ночь они отрастают у себя зубы снова, длиной с парасанг, только для того, чтобы на следующее утро сломать их заново. Насаргиэль объяснил: "Это грешники, которые ели падаль и запрещенное мясо, которые давали займы свои деньги в ростовщичестве, которые писали Имя Бога на амулетах для язычников, которые использовали фальшивые гири, которые крали деньги у своих братьев-израильтян, которые ели в День Искупления, которые ели запрещенный жир, а также животных и рептилий, которые являются мерзостью, и которые пили кровь".

Тогда Насаргиил сказал Моисею: "Приди и посмотри, как грешники горят в аду", и Моисей ответил: "Я не могу пойти туда", но Насаргиил ответил: "Пусть свет Шекины предшествует тебе, и огонь ада не будет иметь власти над тобой". Моисей уступил, и он увидел, как грешники были сожжены, одна половина их тел была погружена в огонь, а другая половина - в снег, в то время как черви, расплодившиеся в их собственной плоти, ползали по ним, и Ангелы Разрушения беспрестанно избивали их. Насаргиэль объяснил: "Это грешники, совершившие кровосмешение, убийство и идолопоклонство, проклявшие своих родителей и учителей и которые, подобно Нимроду и другим, называли себя богами". В этом месте, которое называется Абаддон, он видел, как грешники тайком брали снег и клали его себе под мышки, чтобы облегчить боль, причиняемую палящим огнем, и он был убежден, что поговорка верна: "Нечестивые не исправляют своих поступков даже у врат ада".

Когда Моисей покидал ад, он молился Богу: "Да будет воля Твоя, о Господь, Бог мой и Бог отцов моих, спасти меня и народ Израиля от мест, которые я видел в аду". Но Бог ответил ему и сказал: "Моисей, передо Мной нет уважения к людям и нет принятия даров. Тот, кто творит добрые дела, попадает в Рай, а тот, кто творит зло, должен отправиться в ад".

Теперь по повелению Бога Гавриил повел Моисея в Рай. Когда он вошел, к нему подошли два ангела и сказали ему: "Твое время еще не пришло покидать мир", и Моисей ответил: "То, что ты говоришь, правда, но я пришел увидеть награду благочестивых в Раю". Тогда ангелы вознесли хвалу Моисею, говоря: "Радуйся, Моисей, раб Божий! Радуйся, Моисей, рожденный женщиной, который был признан достойным вознестись на семь небес! Да здравствует нация, к которой ты принадлежишь!"

Под древом жизни Моисей увидел ангела Шамшиила, князя Рая, который провел его по нему и показал ему все, что там есть. Он увидел семьдесят тронов, сделанных из драгоценных камней, стоящих на ножках из чистого золота, каждый трон окружали семьдесят ангелов. Но один из них был больше всех остальных, и его окружали сто двадцать ангелов. Это был трон Авраама, и когда Авраам увидел Моисея и услышал, кто он такой и какова цель его посещения Рая, он воскликнул: "Хвалите Господа, ибо Он благ, ибо милость Его пребывает вовеки".

Моисей спросил Шамшиэля о размерах Рая, но даже тот, кто является его князем, не смог ответить на этот вопрос, потому что нет никого, кто мог бы оценить его. Его нельзя ни измерить, ни постичь, ни пронумеровать. Но Шамшиил объяснил Моисею о престолах, что они отличаются один от другого: некоторые из серебра, некоторые из золота, некоторые из драгоценных камней, жемчуга, рубинов и карбункулов. Троны из жемчуга предназначены для ученых, которые день и ночь изучают Тору ради нее самой; троны из драгоценных камней - для благочестивых, троны из рубинов - для праведных, троны из золота - для раскаявшихся

грешников и троны из серебра - для праведных прозелитов. "Величайший из них всех, - продолжал Шамшиэль, - это трон Авраама, следующие по размеру троны Исаака и Иакова, затем идут троны пророков, святых и праведников, каждый в соответствии с достоинством человека, его рангом и добрыми делами, которые он совершил при жизни". Тогда Моисей спросил, для кого предназначен медный трон, и ангел ответил: "Для грешника, у которого есть благочестивый сын. Благодаря заслугам своего сына он получает это как свою долю".

Моисей снова взглянул и увидел источник живой воды, бьющий из-под древа жизни и разделяющийся на четыре потока, которые проходили под престолом славы и оттуда охватывали Рай из конца в конец. Он также увидел четыре реки, текущие под каждым из тронов благочестивых: одну из меда, вторую из молока, третью из вина и четвертую из чистого бальзама.

Созерцая все эти желанные и приятные вещи, Моисей почувствовал великую радость и сказал: "О, как велика Твоя благодать, которую Ты приготовил для боящихся Тебя, которую Ты сотворил для тех, кто уповал на Тебя, перед сынами человеческими!" И Моисей покинул Рай и вернулся на землю.

В момент его ухода небесный глас громко воззвал: "Моисей, слуга Господень, ты, верный в доме Его, подобно тому, как ты видел награду, уготованную благочестивым в мире грядущем, так и ты будешь достоин увидеть жизнь мира, которая будет в будущем времени. Ты и весь Израиль, вы увидите восстановление Храма и пришествие Мессии, узрите красоту Господа и медитируйте в Его Храме".[118]

В грядущем мире Моисей, помимо того, что разделит радости Израиля, продолжит свою деятельность в качестве учителя Израиля, ибо люди предстанут перед Авраамом и попросят его наставить их в Торе. Он пошлет их к Исааку, сказав: "Иди к Исааку, он изучил Тору больше, чем когда-либо изучал я", но Исаак, в свою очередь, пошлет их к Иакову, сказав: "Иди к Иакову, он больше беседовал с мудрецами, чем когда-либо я". И Иаков пошлет их к Моисею, сказав: "Иди к Моисею, он был наставлен в Торе Самим Богом".[119]

В мессианское время Моисей будет одним из семи пастухов, которые станут лидерами Израиля при Мессии.[120]

МОИСЕЙ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ МИССИИ

Когда Моисей отвернулся, чтобы увидеть великое зрелище - куст не сгорел, - он услышал голос, зовущий его: "Не приближайся сюда". Эти слова должны были передать, что достоинство, которое должно было быть возложено на него, Бог предназначал лично для Моисея, а не для его потомков, и далее его предупредили, чтобы он не присваивал почести, предназначенные для других, такие как священство, которое должно было принадлежать Аарону и потомкам Аарона, или царственность, которая должна была принадлежать Давиду и дому Давидову.[121]

Снова раздался голос: "Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, - святая земля". Эти слова выражали желание Бога, чтобы он разорвал все узы, связывающие его с земными заботами, он даже должен был отказаться от своей супружеской жизни. После этого ангел Михаил обратился к Богу: "О Владыка мира, неужели Твоей целью является уничтожение

человечества? Благословение может восторжествовать, только если мужчина и женщина соединены, и все же Ты повелеваешь Моисею разлучиться со своей женой ". Бог ответил, сказав: "Моисей зачал детей, он исполнил свой долг перед миром. Я хочу, чтобы он сейчас объединился с Шекиной, чтобы она могла спуститься на землю ради него".[122]

Далее Бог заговорил, обращаясь к Моисею: "Ты видишь только то, что должно произойти в ближайшем будущем, что Израиль получит Тору на горе Синай, но Я вижу, что будет после, когда люди будут поклоняться быку, фигуру которого они увидят на Моей колеснице, даже когда Мое откровение будет сделано на Синае. Таким образом, они вызовут Мой гнев. Тем не менее, хотя я знаю всю порочность их сердец, в которых они восстанут против Меня в пустыне, я искуплю их сейчас, ибо я даю человеку то отношение, которого он заслуживает за свои нынешние поступки, а не то, которого он заслужит в будущем. Я обещал их отцу Иакову: "Я сойду с тобою в Египет, и я также обязательно верну тебя обратно", и теперь я отправляюсь туда, чтобы воспитать Израиль в соответствии с Моими словами Иакову и привести их в землю, в которой Я клялся их отцам, что их потомство унаследует ее. Пока время скорби, которое Я назначил его семени в Моем откровении Аврааму, не прошло, Я не прислушивался к мольбам и стенаниям его детей, но теперь пришел конец. Поэтому иди к фараону, чтобы он отпустил Мой народ. Если ты не осуществишь искупление, никто другой этого не сделает, ибо никто другой не может этого сделать. На тебя надеется Израиль, и на тебя ожидает Израиль. Дело только в твоих руках".

Моисей, однако, отказался взять эту миссию на себя. Он сказал Богу: "Твоим обещанием Иакову было: "Я непременно выведу тебя обратно из Египта". Ты взялся сделать это Сам, и теперь Твоя цель - отправить меня туда. И как, в самом деле, было возможно для меня осуществить это великое дело - вывести детей Израиля из Египта? Как я мог обеспечить их едой и питьем? Среди них много рожениц, много беременных женщин и маленьких детей. Откуда мне добыть лакомства для тех, кто вынашивает младенцев, откуда сладости для беременных и откуда лакомые кусочки для малышей? И как я могу рискнуть отправиться к египетским разбойникам и убийцам? ибо Ты повелеваешь мне отправиться к моим врагам, к тем, кто подстерегает меня, чтобы лишить жизни. Почему я должен рисковать безопасностью своей личности, если я не знаю, обладает ли Израиль заслугами, делающими его достойным искупления?" Я тщательно подсчитал годы и обнаружил, что с момента заключения завета частей с Авраамом прошло всего двести десять лет, и в то время Ты предопределил четыреста лет угнетения для его потомства".[124]

Но Бог отверг все его возражения. Он обратился к Моисею, сказав: "Я буду с тобою. Все, чего ты пожелаешь, Я сделаю, чтобы искупление воистину осуществилось через Меня, в соответствии с Моим обещанием Иакову. Малышей, которых Израиль выведет из Египта, Я обеспечу пищей на тридцать дней. Это докажет тебе, каким образом Я буду удовлетворять потребности всех. И поскольку я буду рядом с тобой, тебе не нужно бояться никого из мужчин. Что касается твоего сомнения, заслуживает ли Израиль искупления, то вот Мой ответ: им будет разрешено выйти из Египта из-за заслуг, которые они приобретут на этой горе, где они получают Тору через тебя.[125] И твое исчисление конца неверно, ибо четыреста лет рабства начались с рождения Исаака, а не с нисхождения Иакова в Египет. Следовательно, пришел назначенный конец".[126]

Теперь, убежденный в неизменной решимости Бога использовать его как Свое орудие в искуплении Израиля из Египта, Моисей умолял Бога передать ему знание Своего Великого Имени, чтобы он не был посрамлен, если дети Израиля попросят об этом. Бог ответил, сказав:

"Ты желаешь знать Мое Имя? Мое Имя соответствует Моим деяниям. Когда я сужу Свои создания, Меня называют Элохим, "судья"; когда Я поднимаюсь на битву с грешниками, я Господь Зебаот, "Господь саваоф"; когда Я с долготерпением жду исправления грешника, Меня зовут Эль Шаддай; когда Я проявляю милосердие к миру, я Адонай. Но детям Израиля ты должен сказать, что Я Тот, Кто был, есть и который всегда будет, и Я Тот, кто с ними в их рабстве сейчас, и Тот, кто будет с ними в рабстве грядущего времени".

В ответ на последние слова Бога Моисей сказал: "Довольно для сего дня зла его", и Бог согласился с этим. Он признал, что было бы неуместно навязывать Израилю знание о будущих страданиях в настоящем, которое само по себе было полно зла и печали. И Господь сказал Моисею: "Мои слова о будущем предназначались только тебе, а не им. Кроме того, скажи детям Израиля, что по Моему велению ангел может простереть свою руку с небес и коснуться ею земли, и три ангела могут найти место под одним деревом, и Мое величие может наполнить весь мир, ибо, когда на то была Моя воля, оно появилось у Иова в волосах, и, опять же, когда я пожелал иначе, оно появилось в терновом кусте".[127]

Но самым важным сообщением Бога Моисею относительно Божественных Имен были следующие слова: "В милосердии Я сотворил мир; в милосердии Я направляю его; и с милосердием Я вернусь в Иерусалим. Но детям Израиля ты должен сказать, что Моя милость к ним - ради заслуг Авраама, Исаака и Иакова".

Когда Моисей услышал эти слова, он обратился к Богу, сказав: "Есть ли люди, которые грешат после смерти?" и когда Бог заверил его, что мертвые не могут грешить, Моисей снова спросил: "Почему же тогда Ты сначала открыл Мне Себя как Бог моего отца, а теперь обходишь его стороной?" После чего Бог сказал: "Вначале Моей целью было обратиться к тебе с лестными словами, но теперь ты слышишь полную и точную истину: Я всего лишь Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова".[128]

Моисей молился Богу, умоляя Его открыть ему Свое Великое и Святое Имя, чтобы он мог воззвать к Нему с Ним и обеспечить исполнение всех своих желаний. Господь удовлетворил молитву Моисея, и когда небожители узнали, что Он открыл тайну Невыразимого Имени, они воскликнули: "Благословен Ты, Господи, милостивый Податель знания!"[129]

Бог всегда заботится о чести старейшин народа, и Он повелел Моисею собрать израильтян и объявить им о приближающемся искуплении. И поскольку Бог заранее знал, как проявится упрямство фараона, Он сразу же сообщил об этом Моисею, чтобы тот позже не упрекал Бога в холодности египетского царя.[130]

МОИСЕЙ НАКАЗАН ЗА СВОЕ УПРЯМСТВО

Несмотря на все эти предосторожности, Моисей еще не был готов принять миссию, которую Бог хотел возложить на него. Он продолжал настаивать на своих страхах, говоря: "Но, вот, они не поверят мне и не прислушаются к моему голосу, ибо они скажут: "Господь не явился тебе.[] И Господь сказал ему: "Что это у тебя в руке?" И он сказал: "Розга". И Господь сказал: "Ты заслуживаешь быть наказанным ею. Если ты не собирался брать Мою миссию на себя, тебе следовало сказать об этом с самого начала. Вместо этого ты медлил со своим отказом, пока Я не открыл тебе великую тайну Невыразимого Имени, чтобы ты мог узнать ее, если дети Израиля

спросят тебя об этом. И теперь ты говоришь: "Я не пойду". Теперь, следовательно, если ты не исполнишь Мое поручение тебе, оно будет исполнено этим жезлом. Моим желанием было выделить тебя и сделать Своим орудием для совершения многих чудес.[131] Но ты заслуживаешь наказания за то, что заподозрил Моих детей в неверии. Дети Израиля - верующие и сыновья верующих, но ты покажешь себя маловерным в своей карьере, и поскольку ты следуешь примеру змея-клеветника, то будешь наказан проказой, как был наказан змей".

Теперь Господь повелел Моисею сунуть руку за пазуху и снова вынуть ее, и когда он вынул ее, вот, рука его была покрыта проказой и бела, как снег. И Бог повелел ему снова засунуть руку себе за пазуху, и она снова превратилась в его другую плоть. Помимо наказания за его поспешные слова, язва на его руке должна была научить его тому, что, как прокаженный оскверняет, так египтяне осквернили Израиль, и как Моисей был исцелен от своей нечистоты, так и Бог очистит детей Израиля от скверны, которую навлекли на них египтяне.

Второе чудо, связанное с жезлом Моисея, также имело двойное значение, поскольку указывало на грядущее искупление Израиля и преподало Моисею особый урок. По велению Бога Моисей бросил свой жезл на землю, и он превратился в змея, чтобы показать ему, чтокогда он клеветал на Израиль, он следовал примеру оскорбительного змея, а также чтобы показать ему, что великий дракон, обитающий посреди рек Египта, хотя сейчас он вонзает свои зубы в Израиль, станет безвредным, подобно деревянному жезлу, который не имеет силы укусить.

И снова, через третье чудо, которое ему было велено совершить, Бог поведал Моисею о том, что произойдет в последние годы его собственной жизни. Знак, который Он дал ему, состоял в том, чтобы сообщить ему, что до того, как придет вода, из скалы в Мерибе потечет кровь, когда Моисей ударит по ней после произнесения поспешных, нетерпеливых слов, которым было суждено обрушиться на него смерть.[132]

В течение семи дней Бог убеждал Моисея взять на себя миссию, которую Он хотел от него выполнить. Он прибегнул к убеждению, чтобы язычники не сказали, что Он злоупотреблял Своей властью Правителя мира, заставляя людей служить Ему против их воли. Но Моисей оставался непреклонным, его нельзя было переубедить.[133] Он сказал: "Ты поступаешь несправедливо по отношению ко мне, посылая меня к фараону. Во дворце египетского царя есть люди, которые умеют говорить на семидесяти языках мира. Независимо от того, на каком языке говорит человек, есть кто-то, кто его понимает. Если я приду как Твой представитель, и они обнаружат, что я не способен разговаривать на семидесяти языках, они будут насмехаться надо мной и скажут: "Вот этот человек, он выдает себя за посла Создателя мира, а сам не может говорить на семидесяти языках". На это Бог ответил следующим образом: "Адам, которого никто не учил, мог давать имена животным на семидесяти языках. Разве не я заставил его заговорить?"[134]

Моисей все еще не был удовлетворен, он продолжал выдвигать возражения и сказал: "О Господь мира, Ты хотел возложить на меня задачу наказать Египет и спасти Израиль, и я готов быть Твоим посланником. Но подобает ли мужчине выполнять два поручения одновременно? Нет, милорд, для этого нужны двое мужчин. Бог дал ответ и сказал: "Моисей, я хорошо знаю, кого ты имеешь в виду, когда просишь быть твоим спутником в миссии, которую я возлагаю на тебя. Поэтому знай, что святой дух уже сошел на твоего брата Аарона, и даже сейчас он ожидает тебя на пути в Египет, и когда его взор остановится на тебе, он возрадуется".

Более того, Бог обратился к Моисею, сказав: "Когда Я явился тебе в первый раз, ты был кроток и закрыл лицо свое, чтобы не видеть видения. Откуда теперь эта твоя наглость, что ты обращаешься ко Мне как к слуге своего господина? Ты говоришь слишком много слов. Возможно, ты думаешь, что у Меня нет посланников, воинств, серафимов, офанимов, ангелов-попечителей и колес Меркабы, которых я мог бы послать в Египет, чтобы привести оттуда Моих детей, что ты говоришь: "Отправь рукой того, кого Ты пошлешь". На самом деле, ты заслуживаешь сурового наказания. Но что я могу сделать, видя, что я - Повелитель милосердия? Если ты останешься безнаказанным, ты обязан этим своему отцу Амраму, который оказал большие услуги во имя сохранения израильского народа в Египте".

Но Моисей ответил: "О Владыка мира, я, пророк и сын пророка, послушался Твоих слов только после долгих колебаний, и я не могу ожидать, что фараон, нечестивый человек и сын нечестивого человека, и египтяне, непослушный народ и сыновья непослушного народа, прислушаются к моим словам. О Владыка мира, Ты посылаешь меня в Египет, чтобы освободить шестьдесят мириад Твоего народа от гнета египтян. Если бы речь шла о том, чтобы освободить паруиз ста человек, это было бы достаточно трудным предприятием. Насколько серьезнее задача освобождения шестидесяти мириад людей из-под власти фараона! Если бы Ты призвал египтян отказаться от своих злых путей вскоре после того, как они начали поработать Израиль, они могли бы прислушаться к Твоим увещаниям. Но если бы я пошел и заговорил с ними сейчас, после того как они правили Израилем эти двести десять лет, фараон сказал бы: "Если раб служил своему господину десять лет, и ни с чьей стороны не было слышно никакого протеста, как может человеку внезапно прийти в голову мысль освободить его?" Воистину, о Владыка мира, задача, которую Ты возложил на меня, слишком тяжела для моих сил".[135]

Моисей сказал далее: "Я не красноречивый человек и не вижу, какую пользу могут принести слова в этом вопросе. Ты посылаешь меня к тому, кто сам является рабом, к фараону из колена Хама, а раба словами не исправишь. Я соглашусь выполнить Твое поручение только в том случае, если Ты дашь мне право наказать фараона грубой силой". На эти слова, сказанные Моисеем, Бог дал ответ: "Пусть тебя не беспокоит, что ты не умеешь красноречиво говорить. Это Я создал уста всех говорящих, и Я сделал людей немыми. Одного я заставляю видеть, другого я делаю слепым; одного я заставляю слышать, другого я делаю глухим. Если бы я так захотел, ты был бы человеком красноречивым. Но я хотел показать чудо через тебя. Когда бы я ни пожелал, слова, которые я вложу в твои уста, произнесутся без колебаний. Но то, что ты говоришь о рабе, что его нельзя исправить словами, - правда, и поэтому я даю тебе Свой жезл для наказания фараона".

Но Моисей по-прежнему стоял на своем. Он выдвинул другие возражения. "Его внук, - сказал он, - ближе к мужчине, чем его племянник. Тем не менее, когда Лот был взят в плен, Ты послал ангелов на помощь племяннику Авраама. Но теперь, когда на карту поставлена жизнь шестидесяти мириад прямых потомков Авраама, Ты посылаешь меня, а не ангелов. Когда египетская рабыня Агарь была в бедственном положении, Ты послал пять ангелов, чтобы они были рядом с ней, и чтобы искупить шестьдесят мириад детей Сарры, Ты посылаешь меня.[136] О Господь, пошли, я молю Тебя, рукой того, кого Ты пошлешь в грядущие дни". На это Бог ответил, сказав: "Я сказал, что пошлю тебя не к Израилю, а к фараону, и того, о ком ты упомянул, я пошлю к Израилю в конце дней — Илия явится им перед великим и ужасным днем".[137]

Если Моисей отказался выполнить поручение Господа, на то была причина. Бог открыл ему сокровища Торы, мудрости и познаний, а также будущее всего мира. Теперь он увидел во внутренней комнате Бога ряды ученых и судей, толкующих Тору сорока девятью различными способами, когда они сидели во дворе из тесаных камней; и он увидел, кроме того, рабби Акибу, объясняющего значение коронок на буквах. Тогда Моисей сказал: "Я не хочу быть посланником Бога. Пусть лучше Он пошлет одного из этих великих ученых". Затем Бог приказал Ангелу Мудрости отнести Моисея в место, где собралось множество ученых, все толкующих Тору и все использующих формулу: Это Галака, открытая Моисею на горе Синай. Теперь Моисей осознал, что даже величайшие ученые будущих поколений будут зависеть от него, и тогда, наконец, он был готов выполнить миссию, которую Бог пожелал возложить на него.[138]

Но Моисею пришлось дорого заплатить за то, что он колебался при исполнении Божественного повеления. Бог сказал ему: "Было назначено, что ты будешь священником, а Аарон - левитом. За то, что ты отказался исполнить Мою волю, ты будешь левитом, а Аарон будет священником", — наказание, которое пало не на Моисея лично, а только на его потомков, все из которых левиты. Что касается его самого, то он совершал священническое служение в Скинии.[139]

Моисей сказал Богу: "Ты говоришь со мной вот уже много дней, тем не менее я все еще медлителен в речи и у меня медлительный язык". За это он получил еще одно наказание. Бог сказал ему: "Я мог бы превратить тебя в нового человека и исцелить тебя от твоей несовершенной речи, но из-за того, что ты произнес такие слова, я воздерживаюсь от исцеления тебя".[140]

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ

Когда Моисей, наконец, сдался и объявил себя готовым отправиться в Египет в качестве Божьего посланника, его принятие все еще было обусловлено обещанием Бога исполнить все его желания, и Бог даровал все, что он желал, кроме бессмертия и вхождения в Святую Землю.[141] Бог также развеял его опасения относительно опасности, которая угрожала ему со стороны его бывших врагов Дафана и Авирара, из-за которых ему пришлось бежать из Египта. Он сказал ему, что они опустились до положения бедных и незначительных людей, лишенных возможности причинить ему вред.[142]

Моисей был верен клятве, которую он дал своему тестю Иофору, никогда не возвращаться в Египет без его согласия. Поэтому его первой заботой было вернуться в Мадьям и получить его разрешение, которое Иофор дал добровольно. Тогда Моисей мог отправиться в свое путешествие. Он задержался только для того, чтобы забрать с собой свою жену и детей, что заставило его тестя сказать: "Те, кто в Египте, должны покинуть его, и ты хочешь взять с собой еще больше?" Моисей ответил: "Очень скоро рабы, находящиеся в рабстве в Египте, будут искуплены, и они выйдут из земли, и соберутся на горе Синай, и услышат слова: "Я Господь, Бог твой", и разве мои сыновья не должны присутствовать там?" Иофор признал справедливость слов Моисея и сказал ему: "Иди с миром, войди в Египет с миром и оставь землю в мире".[143]

Наконец Моисей отправился в свое путешествие в Египет в сопровождении своей жены и детей. Он был восседал на том самом осле, который привез Авраама в Акеду на горе Мориа, осле, на котором Мессия появится верхом в конце дней.[144] Даже сейчас, в начале своего путешествия,

Моисей относился к своей миссии без особого энтузиазма. Он ехал неторопливо, думая: "Когда я прибуду в Египет и объявлю детям Израиля, что срок египетского рабства подошел к концу, они скажут: "Мы очень хорошо знаем, что наше рабство должно длиться четыреста лет, а конца еще нет", но если бы я выдвинул это возражение перед Богом, Он разразился бы гневом против меня. Для меня лучше потратить на дорогу туда как можно больше времени".

Бог был недоволен Моисеем за эту уловку, и Он обратился к нему со словами: "Иосиф давным-давно пророчествовал, что угнетение Египта продлится всего двести десять лет". За недостаток веры Моисей был наказан, когда находился на пути в Египет.[145] Появились ангелы Аф и Хема и проглотили все его тело до ног,[146] и они оставили его только после того, как Сепфора, проворная, как "птичка",[147] обрезала своего сына Гирсома и коснулась ног своего мужа кровью от обрезания. Причина, по которой их сын до тех пор оставался необрезанным, заключалась в том, что Иофор, когда давал согласие на брак своей дочери с Моисеем, поставил условие, что первый сын от их союза должен воспитываться как язычник.[148]

Когда ангелы освободили Моисея, он напал на них и убил Хему, чье воинство ангелов, однако, устояло перед нападавшим.[149]

Божественный голос, услышанный Моисеем в Мадиае, говорящий ему вернуться к своим братьям в Египте, в то же время достиг ушей Аарона, жившего в Египте, и повелел ему "пойти в пустыню навстречу Моисею". Бог чудесно говорит Своим голосом, и поэтому одно и то же откровение могло быть понято по-разному в Мадиае и по-другому в Египте.

Приветствие двух братьев было очень сердечным. Между ними не было места зависти. Аарон радовался, что Бог избрал его младшего брата икупителем Израиля, а Моисей радовался, что его старший брат был божественно назначен первосвященником в Израиле. Бог знал их сердца, ибо в то время, когда Он поручил ему египетскую миссию, Моисей сказал: "Все эти годы Аарон был активным пророком в Израиле, и должен ли я теперь вторгаться в его владения и причинять ему беспокойство?" Но Бог успокоил его, сказав: "Моисей, твой брат Аарон, несомненно, не будет огорчен, он скорее обрадуется твоей миссии, да, он выйдет и встретит тебя".

Аарон открыто демонстрировал свою радость от того, что снова увидел своего брата после многолетней разлуки. Что же касается его радости по поводу отличия, оказанного Моисею, то она была слишком велика, чтобы выразить ее во всей глубине и размахе. За свой добрый, щедрый дух он получил награду от Бога в том, что ему было позволено носить урим и Туммим на своем сердце, "ибо, - сказал Бог, - сердце, радующееся возвышению брата, будет носить урим и Туммим".[150]

Аарон побежал навстречу своему брату, обнял его и спросил, где он провел все годы их разлуки. Когда ему сказали об этом в Мадиае, он продолжал расспрашивать его, говоря: "Кто эти, которые путешествуют с тобою?"

Моисей: "Моя жена и мои сыновья".

Аарон: "Куда ты идешь с ними?"

Моисей: "В Египет".

Аарон: "Что? Велика наша скорбь по тем, кто был в Египте с самого начала, а ты еще больше забираешь с собой в эту землю?"

Моисей признал, что Аарон был прав, и отослал свою жену и сыновей обратно к своему тестю Иофору.[151]

Он был не менее великодушен, чем Аарон. Если старший брат не испытывал зависти к достоинству младшего брата, то младший брат не утаивал от другого полученные им учения и откровения. Сразу после встречи с Аароном Моисей рассказал ему все, чему научил его Бог, даже ужасную тайну Невыразимого Имени, сообщенную ему на горе Хорив.[152]

Повинуясь повелению Божьему, собрались старейшины народа, и перед ними Моисей совершил чудеса, которые должны были стать его верительными грамотами как искупителя, посланного для освобождения народа. Тем не менее, дела, которые он совершил, не так убедили их в реальности миссии, как слова, в которых Бог возвестил ему о приближающемся искуплении, которые он повторял им в уши. Старейшины знали, что Иаков передал Иосифу тайный знак, обозначающий искупителя, а Иосиф, в свою очередь, доверил его своим братьям перед своей смертью. Последний оставшийся в живых из братьев, Ашер, открыл это своей дочери Сера в следующих словах: "Тот, кто придет и провозгласит искупление словами Бога: "Я, несомненно, посетил тебя и видел то, что делается с тобой в Египте", - он и есть истинный искупитель". Когда Моисей вернулся, Сера была еще жива, и старейшины отправились к ней и пересказали ей слова Моисея, возвещающие об искуплении. Когда она услышала, что его слова совпадали с теми, которые процитировал Ашер, она поняла, что он был обещанным искупителем, и все люди поверили в него.

После этого Моисей пригласил старейшин пойти с ним к фараону, но у них не хватило смелости предстать перед царем. Хотя они отправились в путь вместе с Моисеем, по дороге они незаметно сошли один за другим, и когда Моисей и Аарон предстали перед царем, они оказались одни, покинутые всеми остальными. Старейшины не выходили на свободу. Их наказанием было то, что Бог не позволил им взойти на святую гору с Моисеем. Они осмелились сопровождать его на пути к Богу лишь постольку, поскольку сопровождали его на пути к фараону, а затем им пришлось задержаться, пока он не пришел снова.[153]

МОИСЕЙ И ААРОН ПЕРЕД ФАРАОНОМ

День, когда Моисей и Аарон предстали перед фараоном, пришелся на годовщину его рождения, и его окружало множество царей, ибо он был правителем всего мира, и именно по этому случаю цари земли пришли выразить ему почтение. Когда слуги доложили о Моисее и Аароне, фараон осведомился, принесли ли ему короны эти два старика, и, получив отрицательный ответ, приказал не допускать их к нему, пока он не увидит и не отпустит всех остальных, желающих выразить ему свое почтение.[154]

Дворец фараона был окружен огромной армией. В нем было построено четыреста входов, по сто с каждой стороны, и каждый из них охраняли шестьдесят тысяч солдат. Моисей и Аарон были поражены этим проявлением силы и испугались. Но явился ангел Гавриил и провел их во дворец, не замеченный никем из стражи, и фараон назначил суровое наказание невнимательным стражам за то, что они впустили стариков без его разрешения. Их отпустили, а

на их места поставили других. Но то же самое произошло и на следующий день. Моисей и Аарон были во дворце, и новая стража не смогла помешать им пройти. Фараон спросил своих слуг, как двум старикам удалось войти, и они сказали: "Мы этого не знаем! Через двери они не входили. Конечно, они, должно быть, волшебники".[155]

Мало того, что дворец охранялся целой армией, у каждого входа стояли по два льва, и в страхе быть разорванным на куски никто не осмеливался приблизиться к дверям, и никто не мог войти внутрь, пока не пришел укротитель львов и не увел зверей. Теперь Валаам и все другие священные писцы Египта посоветовали, чтобы смотрители выпустили львов при приближении Моисея и Аарона. Но их советы не принесли никакой пользы. Стоило Моисею только поднять свой жезл, и львы радостно бросились к нему и последовали за ним по пятам, резвясь, как собаки перед своим хозяином, возвращающимся домой.[156]

Во дворце Моисей и Аарон обнаружили семьдесят секретарей, занятых перепиской фараона, которая велась на семидесяти языках. При виде посланников Израиля они восторжеслись в великом благоговении, ибо эти двое мужчин были похожи на ангелов. Ростом они были подобны ливанским кедром, их лица излучали великолепия, подобное солнцу, зрачки их глаз были подобны сфере утренней звезды, их бороды были подобны пальмовым ветвям, а их рты выпускали пламя, когда они открывали их для речи. В ужасе секретари побросали перо и бумагу и пали ниц перед Моисеем и Аароном.

Теперь два представителя сынов Израилевых предстали перед фараоном и сказали: "Бог Евреев встретился с нами; пойдём, молим тебя, на три дня пути в пустыню и принесем жертву Господу, Богу нашему, чтобы Он не поразил нас моровой язвой или мечом". Но фараон ответил, сказав: "Каково имя вашего Бога? В чём состоит Его сила и могущество? Сколько стран, сколько провинций, сколько городов находится под Его властью? В скольких кампаниях Он одержал победу? Сколько земель Он подчинил Себе? Сколько городов Он захватил? Когда Он отправляется на войну, сколько воинов, всадников, колесниц и возничих Он ведёт вперёд?" На что Моисей и Аарон ответили: "Его сила и Его могущество наполняют весь мир. Его голос высекает пламя огня; Его слова сокрушают горы на куски. Небо - Его престол, а земля - подножие Его ног. Его лук - огонь, Его стрелы - пламя, Его копья - факелы, Его щит - облака, а Его меч - молнии. Он сотворил горы и долины, Он породил духов и души, Он распростёр землю словом, Он сотворил горы Своей мудростью, Он формирует эмбрион в утробе матери, Он покрывает небеса облаками, по Его слову роса и дождь нисходят на землю, Он заставляет растения расти из земли, Он питает и поддерживает весь мир, от рогов на костях до яиц паразитов. Каждый день Он заставляет людей умирать, и каждый день Он призывает людей к жизни".

Фараон ответил и сказал: "Он мне не нужен. Я сотворил себя, и если вы говорите, что Он вызывает выпадение росы и дождя, то у меня есть Нил, река, которая берёт своё начало под деревом жизни, и земля, пропитанная его водами, приносит плоды такого размера, что требуются два осла, чтобы нести их. и это блюдо неопишимо вкусное, потому что у него триста различных вкусов".[157]

Тогда фараон послал принести из своих архивов книги хроник своего царства, в которых записаны имена богов всех народов, чтобы посмотреть, есть ли среди них имя Бога евреев. Он зачитал: "Боги Моава, боги Аммона, боги Сидона — я не нахожу упоминания о вашем Боге в архивах!" Моисей и Аарон воскликнули: "О глупец! Ты ищешь Живых в могилах мертвых. Те,

которые ты читал, - это имена немых идолов, но наш Бог есть Бог жизни и Царь вечной жизни".[158]

Когда фараон произнес слова: "Я не знаю Господа", Сам Бог ответил, сказав: "О ты, негодяй! Ты говоришь Моим послам: "Я не знаю силы и могущества вашего Бога"? Вот, Я заставлю тебя встать, чтобы показать тебе Мою силу и чтобы Мое Имя было провозглашено по всей земле".[159]

Тщетно перебирая в своем списке богов народов упоминания о Боге евреев, фараон привел в пример египетских мудрецов и сказал им: "Слышали ли вы когда-нибудь имя Бога этого народа?" Они ответили: "Нам сказали, что Он сын мудрых, сын древних царей". Тогда заговорил Бог, говоря: "О вы, глупцы! Вы называете себя мудрецами, но Меня вы называете только сыном мудрых. Воистину, Я сведу на нет всю вашу мудрость и ваше понимание".[160]

Фараон упорствовал в своем упрямстве даже после того, как Моисей и Аарон совершили чудо с жезлом. В то время, когда двум евреям удалось проникнуть во дворец, охраняемый львами, фараон послал за своими магами во главе с Валаамом и двумя его сыновьями Ианнесом и Иамврием, и когда они предстали перед ним, он рассказал им о необычном происшествии, о том, как львы преследовали двух стариков, как собаки, и ластились к ним. По мнению Валаама, они были такими же волшебниками, как он сам и его спутники, и он молился царю, чтобы они предстали перед ним вместе, чтобы проверить, кто из них главный волшебник, египтяне или евреи.

Фараон призвал Моисея и Аарона и сказал им: "Кто поверит вам, когда вы скажете, что вы посланники Бога, какими вы притворяетесь, если вы не убеждаете людей, совершая чудеса?" Вслед за этим Аарон бросил свой жезл на землю, и он превратился в змею.[161] Фараон громко рассмеялся. "Что, - воскликнул он, - это все, что может сделать ваш Бог? Торговцы обычно везут товары туда, где их нет, но стал бы кто-нибудь возить рассол в Испанию или рыбу в Акчо? Похоже, ты не знаешь, что я искусен во всех видах магии!" Он приказал привести маленьких школьников, и они повторили чудо, сотворенное Моисеем и Аароном; более того, его совершила собственная жена фараона. Ианний и Иамврий, сыновья Валаама, высмеяли Моисея, сказав: "Вы носите солому в Ефраим!"[162] на что Моисей ответил: "На место, где много овощей, туда носите овощи".

Чтобы показать египтянам, что Аарон может делать со своим жезлом нечто такое, чему не могли подражать их маги, Бог заставил змея, в которого превратился Его жезл, поглотить все жезлы магов. Но Валаам и его сподвижники сказали: "В этом подвиге нет ничего чудесного. Ваш змей всего лишь пожрал наших змей, что соответствует закону природы: одно живое существо пожирает другое. Если ты хочешь, чтобы мы признали, что дух Божий действует в тебе, тогда брось свой жезл на землю, и если, будучи деревянным, он поглотит наши деревянные жезлы, тогда мы признаем, что дух Божий пребывает в тебе". Аарон выдержал испытание. После того, как его жезл принял свою первоначальную форму, он поглотил жезлы египтян,[163] и все же его масса не увеличилась. Это заставило фараона задуматься, не поглотит ли этот чудесный жезл Аарона также его самого и его трон. Тем не менее он отказался повиноваться велению Бога отпустить Израиля, сказав: "Если бы здесь был сам Иаков-Израэль до меня, я бы взвалил ему на плечо совок и ведро". И Моисею и Аарону он сказал: "Поскольку вы, как и все остальное племя Левиино, не принуждены трудиться, поэтому вы говорите: "Пойдем и принесем жертву Господу".

Если бы вы попросили тысячу человек или две тысячи, я бы выполнил вашу просьбу, но я никогда не соглашусь отпустить шестьсот тысяч человек".

СТРАДАНИЯ УСИЛИВАЮТСЯ

Помимо отказа отпустить сынов Израилевых, он приказал в тот самый день, когда Моисей и Аарон были у него на аудиенции, чтобы от людей потребовали рассказать предписанную историю изготовления кирпичей, хотя надсмотрщики не давали им соломы для изготовления кирпичей, как раньше. Другим указом было то, что детям Израиля не разрешалось отдыхать в субботу, поскольку фараон знал, что они использовали свободное время для чтения свитков, в которых описывалось их искупление. Все это было частью Божьего плана, угнетение Израиля должно было усиливаться по мере приближения конца. Когда они бродили взад и вперед по земле Египта, собирая солому, необходимую им для изготовления кирпичей, египтяне жестоко обращались с ними, если ловили их на своих полях. Такие недобрые поступки, совершенные всем народом, лишили их возможности возложить всю вину за порабощение Израиля на фараона. Все египтяне проявляли жестокость по отношению к израильтянам во время их походов за соломой, и поэтому Божественное наказание снизошло на всех одинаково.

Это ужасное время крайних страданий Израиля длилось шесть месяцев. Тем временем Моисей отправился в Мадиям, оставив Аарона одного в Египте. Когда Моисей вернулся в конце правления террора, двое израильских офицеров подошли к нему и Аарону и осыпали их бранью за то, что они скорее увеличили беды их народа, чем уменьшили их. Они заговорили, говоря: "Если вы действительно послы Бога, то пусть Он рассудит между нами и фараоном. Но если вы стремитесь осуществить искупление Израиля за свой собственный счет, то пусть Бог рассудит между вами и Израилем. Вы несете ответственность за широко распространенное злование, исходящее сейчас от трупов израильтян, которые использовались в качестве кирпичей для строительства, когда наш рассказ еще не был завершен. У египтян было лишь слабое подозрение, что мы ждем нашего искупления. Это ваша вина, если они сейчас полностью осознают это. Мы находимся в затруднительном положении бедной овцы, которую утащил волк. Пастух преследует разбойника, настигает его и пытается вырвать овцу из его пасти, и несчастная жертва, которую волк тащит то в одну сторону, то в другую пастух, разрывается на куски. Так Израиль живет между тобой и фараоном".

Двумя офицерами, произнесшими эти язвительные слова, были Дафан и Авирам, и это был не первый и не последний раз, когда они причинили вред Моисею. Другие израильские офицеры были мягкими и добрыми; они скорее позволяли надсмотрщикам избивать себя, чем подталкивать рабочих из своего собственного народа, находящихся под их наблюдением.

Жестокие страдания, которым подвергся его народ, побудили Моисея обратиться к Богу так: "Я прочитал книгу Бытия до конца и нашел в ней приговор, обреченный на порождение потопа. Это был справедливый суд. Я нашел также наказания, назначенные поколению смешения языков и жителям Содомы. Они тоже были справедливы. Но что этот народ Израиля сделал Тебе, что его угнетают больше, чем какую-либо другую нацию в истории? Не потому ли, что Авраам сказал: "Откуда мне знать, что я унаследую землю?" а Ты упрекнул его за его маловерие, сказав: "Знай наверняка, что потомство твое будет пришельцем в земле, которая им не принадлежит"? Почему же тогда потомки Исава и Измаила тоже не находятся в рабстве? Разве

они также не принадлежат к семени Авраама? Но если Ты скажешь: "Какое мне до этого дело?" - тогда я спрошу Тебя, почему Ты послал меня сюда в качестве Своего посланника? Твоего великого, возвышенного и ужасного Имени бояться по всей земле, но фараон услышал, как я произнес его, и отказывается повиноваться. Я знаю, что Ты искупишь Израиль в Свое время, и для Тебя не имеет значения, что сейчас они замуровывают живых израильтян в этих зданиях".

Будь Он только Богом справедливости, Господь убил бы Моисея за дерзость его последних слов, но ввиду того, что он говорил так только из сострадания к Израилю, Господь обошелся с ним милостиво. Он ответил Моисею, сказав: "Ты увидишь, что я сделаю с фараоном", - словами, передающими Моисею, что, хотя он и будет свидетелем наказания фараона, он не будет присутствовать при наказании тридцати одного царя Ханаана. Таким образом, он был упрекнут за неподобающий язык, который он использовал, обращаясь к Богу.[164] В то же время слова Бога были ответом на другую речь Моисея. Он сказал: "О Владыка мира, я хорошо знаю, что Ты выведешь Своих детей из Египта. О, если бы Ты воспользовался другим инструментом, ибо Я недостоин быть искупителем Твоих детей". Бог ответил на это: "Да, Моисей, ты достоин этого. Через тебя Мои дети будут выведены из Египта. Ты увидишь, что Я сделаю с фараоном".[165]

В то же время Бог призвал его к ответу за то, что у него было так мало веры. Он сказал: "О, ради усопших, подобных им больше не найти! Я явился Аврааму, Исааку и Иакову как Эль-Шаддай, Бог Всемогущий, но я не был известен им под Моим именем Адонай, Бог Всемиловитый, как Я явился тебе. Тем не менее они не стали клеветать на Мои поступки. Я сказал Аврааму: "Тебе я отдам землю", но когда он собирался похоронить Сарру, ему пришлось заплатить серебро и купить место для упокоения ее тела; и все же он не придрался ко Мне. Я сказал Исааку: "Тебе и твоему потомству Я отдам все эти земли", но когда он захотел воды для питья, ему пришлось сразиться с пастухами Герара; и все же он не придрался ко Мне. Я сказал Иакову: "Землю, на которой ты живешь, я отдам тебе и твоему потомству", но когда он захотел разбить свой шатер, ему пришлось приобрести участок земли за сотню монет; и все же он не придрался ко Мне. Никто из них не поинтересовался Моим Именем. Но ты потребовал узнать это с самого начала, когда Я пожелал отправить тебя в Египет, и после того, как я открыл это тебе, ты заговорил, сказав: "Ты сказал мне, что Тебя называют Сострадательным и Милостивым, Долготерпеливым и Милосердствующим, но как только я произнес это Имя перед фараоном, несчастье обрушилось на народ Израиля". Теперь я желаю выполнить Мой завет с тремя Патриархами и дать их потомству землю обетованную в награду за беспрекословную веру Отцов, а также в знак благодарности. награда людям, которые, несмотря на свои страдания, не придрались к Моим поступкам. За это я отдам им землю, которой они не заслуживают по другим причинам. Я клянусь, что поступлю так!" Бог произнес эту клятву, чтобы изгнать всякий страх из разума Моисея, чтобы Он мог действовать только в соответствии со Своим атрибутом справедливости и таким образом на некоторое время отсрочить искупление Израиля из-за грехов народа.[166]

Теперь искупление Израиля стало решенным фактом. Но прежде чем Моисей и Аарон смогли приступить к работе по освобождению своего народа, Бог обратил их внимание на различные моменты, которые Он повелел им учитывать в своем начинании. Он обратился к ним со словами: "Мои дети порочны, страстны и доставляют много хлопот. Вы должны быть готовы терпеть их оскорбления, вплоть до того, что они будут забрасывать вас камнями. Я посылаю тебя к фараону, и хотя я накажу его по заслугам, все же ты не должен терять уважения, подобающего ему как правителю. Более того, будьте осторожны, советуйтесь со старейшинами народа, [167]

и пусть вашим первым шагом к искуплению будет заставить людей отказаться от поклонения идолам".

Последнее было самой трудной задачей, и слова Бога об этом вырвали у Моисея восклицание: "Смотри, дети Израиля не хотят слушать меня. Как же тогда фараон должен был слушать меня?"[168] Это был третий раз, когда Моисей отказался выполнить поручение Бога. Теперь Божественное терпение истощилось, и Моисей был подвергнут наказанию. Сначала Бог открыл Себя только Моисею, и первоначальное намерение состояло в том, чтобы он один совершал все чудеса, но отныне слово Божье было обращено также к Аарону, и ему было дано участвовать в совершении чудес.[169]

МЕРА ЗА МЕРУ

Бог разделил десять наказаний, назначенных Египту, на четыре части: три язвы Он наложил на Аарона, три - на Моисея, одну - на двух братьев вместе взятых и три Он приберег для Себя. Аарону было поручено управлять теми, которые произошли от земли и воды, элементами, состоящими из более или менее твердых частей, из которых сформированы все телесные, отличительные сущности, в то время как тремя вверенными Моисею были те, которые произошли от воздуха и огня, элементов, наиболее плодovitых в жизни.[170]

Господь - человек войны, и как царь из плоти и крови придумывает различные уловки против своего врага, так и Бог нападал на египтян различными способами. Он навлек на них десять бедствий. Когда провинция восстает, ее суверенный господин первым делом посылает против нее свою армию, чтобы окружить ее и перекрыть подачу воды. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он выводит на поле брани против них шумящих. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он приказывает пустить в них дротики. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он приказывает своим легионам напасть на них. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он вызывает среди них кровопролитие и резню. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он направляет на них струю горячей нефти. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он швыряет в них снаряды из своих баллист. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он приставляет к их стенам штурмовые лестницы. Если люди раскаиваются, хорошо; если нет, он бросает их в темницы. Если народ раскаивается, хорошо; если нет, он убивает их магнатов.

Так Бог поступил с египтянами. Сначала Он перекрыл им водоснабжение, превратив их реки в кровь. Они отказались отпустить израильтян, и Он отправил шумных, квакающих лягушек в их внутренности. Они отказались отпустить израильтян, и Он напустил на них вшей, которые пронзали их плоть, как стрелы. Они отказались отпустить израильтян, и Он послал против них варварские легионы, смешанные орды диких зверей. Они отказались отпустить израильтян, и Он навлек на них резню, очень жестокую язву. Они отказались отпустить израильтян, и Он вылил на них нефть, сжигая бленды. Они отказались отпустить израильтян, и Он обрушил на них Свои снаряды, град. Они отказались отпустить израильтян, и Он прислонил к стене штурмовые лестницы для саранчи, которая взбиралась по ним, как настоящие воины. Они отказались отпустить израильтян, и Он бросил их во тьму подземелья. Они отказались отпустить израильтян, и Он убил их магнатов, их перворожденных сыновей.[171]

Бедствия, которые Бог наслал на египтян, соответствовали деяниям, которые они совершили против детей Израиля. Поскольку они заставляли израильтян черпать для них воду, а также препятствовали им совершать ритуальные омовения, Он превратил их воду в кровь.

Из-за того, что они сказали израильтянам: "Идите и наловите для нас рыбы", Он натравил на них лягушек, заставив их копошиться в их корытах и спальнях и прыгать, квакая, в их внутренностях. Это была самая суровая из всех десяти напастей.

Поскольку они сказали израильтянам: "Идите, подметите и очистите наши дома, наши дворы и наши улицы", Он превратил пыль в воздухе в вшей, так что паразиты лежали кучами высотой в локоть, и когда египтяне надели свежую одежду, они сразу же были заражены насекомыми.

Четвертая чума была нашествием на землю орд всевозможных диких животных: львов, волков, пантер, медведей и других. Они наводнили дома египтян, и когда те закрыли свои двери, чтобы не впустить их, Бог вызвал из-под земли маленькое животное, и оно проникло в окна, и распахнуло двери, и проложило путь медведям, пантерам, львам и волкам, которые ворвались внутрь и пожирали людей вплоть до младенцев в их колыбелях. Если египтянин доверял израильтянину погулять с десятью своими детьми, приходил лев и уносил одного из детей, медведь уносил второго, змея - третьего и так далее, и в конце концов израильтянин возвращался домой один. Это бедствие было наведено на них, потому что у них была привычка приказывать израильтянам идти и ловить волков и львов для своих цирков, и они посылали их с такими поручениями, чтобы заставить их поселиться в отдаленных пустынях, где они были бы разлучены со своими женами и не могли бы продолжать свой род.

Затем Бог навел тяжкий мор на их скот, потому что они принудили израильтян служить им пастухами и выделили им отдаленные места для выпаса, чтобы держать их подальше от своих жен. Поэтому пришли муравьи и унесли весь скот в стадах, за которыми ухаживали израильтяне.

Шестая язва была нарывом, прорывавшимся наружу с язвами на людях и животных. Это было наказанием египтян за то, что они говорили детям Израиля: "Идите и приготовьте для нас омовение на радость нашей плоти и нашим костям". Поэтому они были обречены страдать от фурункулов, которые воспаляли их плоть, и из-за зуда они не могли перестать чесаться. Пока египтяне страдали таким образом, дети Израиля пользовались их банями.

Из-за того, что они послали израильтян в поля пахать и сеять, на них был ниспослан град, и их деревья и посевы были уничтожены.

У них было обыкновение говорить израильтянам: "Идите, сажайте для нас деревья и берегите плоды на них". Поэтому Бог привел саранчу к границе Египта, чтобы она съела остатки того, что уцелело, что осталось у них от града, ибо зубы саранчи - это зубы льва, и у нее челюсти большого льва.

Из-за того, что они хотели бросить израильтян в темницы, Бог навлек на них тьму, тьму ада, так что им пришлось пробираться ощупью. Тот, кто сидел, не мог подняться на ноги, а тот, кто стоял, не мог сесть. Наведение темноты служило другой цели. Среди израильтян было много нечестивых людей, которые отказывались покидать Египет, и Бог решил убрать их с пути. Но чтобы египтяне не могли сказать, что они стали жертвами чумы, как и они сами, Бог убил их под покровом темноты, и в темноте они были похоронены своими собратьями-израильтянами, и

египтяне ничего не знали о том, что произошло. Но число этих нечестивых людей было очень велико, и дети Израиля, которым удалось покинуть Египет, составляли лишь малую часть первоначального израильского населения.

Десятой чумой было умерщвление первенцев, и она обрушилась на египтян из-за их намерения убить мужчин-детей израильтян при их рождении, и, наконец, фараон и его войско утонули в Красном море, потому что египтяне выставили мужчин-детей израильтян в воде.[172]

Каждое из язв, обрушившихся на Египет, имело другую параллель в жестоком обращении с израильтянами. Первый был наказанием за высокомерные слова, сказанные фараоном: "Моя река Нил принадлежит мне, и я создал ее для себя".

Чума лягушек, которую Бог обрушил на египтян, "потому что, - сказал Он, - лягушки, которые иногда обитают в воде, отомстят египтянам за то, что они желали уничтожить нацию, предназначенную быть носителями Торы, а Тора подобна воде".

Бог наслал на них паразитов, сказав: "Пусть вши, сделанные из праха земного, отомстят египтянам за то, что они желали уничтожить народ, семя которого подобно праху земному".

Полчища зверей, львов и волков, а также стаи змей обрушились на них, "потому что, - сказал Бог, - эти животные отомстят египтянам за то, что они желали уничтожить нацию, подобную львам, волкам и змеям".

На них была наведена смертельная язва, "потому что, - сказал Бог, - смерть отомстит египтянам за то, что они желали уничтожить народ, которому грозит смерть за прославление Имени Божьего".

Их заставили страдать от горящих язв, "потому что, - сказал Бог, - нарывы, поднимающиеся из золы печи, отомстят египтянам за то, что они желали уничтожить нацию, чей предок Авраам вошел в огненную печь для прославления Имени Божьего".

Он повелел обрушить на них град, "потому что, - сказал Он, - белый град отомстит египтянам за то, что они желали уничтожить нацию, грехи которой будут белыми".

На них напала саранча, "потому что, - сказал Бог, - саранча, которая является Моим великим войском, отомстит египтянам за то, что они желали уничтожить народ, называемый Моим воинством".

"Тьма, - сказал Бог, - отделившаяся от света, придет и отомстит египтянам за желание уничтожить нацию, над которой сияет свет Господень, в то время как густая тьма покрывает другие народы".

Десятое бедствие, умерщвление первенца, навлек Бог, сказав: "Я отомщу египтянам за то, что они желали уничтожить нацию, которая является Моим первенцем. Как ночь разделилась для Авраама, чтобы его враги могли быть побеждены, так и я пройду через Египет посреди ночи, и как Авраам был испытан десятью искушениями, так и я пошлю десять язв на Египет, врага его детей".[173]

ЯЗВЫ , ПРИНЕСЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ААРОНА

С момента наложения первой из язв до прохождения последней, после которой египтяне уступили все, что требовали Моисей и Аарон, прошел целый год, ибо двенадцать месяцев - это срок, установленный Богом для искупления грехов. Всемирный потоп длился один год; Иов страдал один год; грешники должны терпеть адские муки в течение одного года, а суд над Гогом в конце времен будет исполняться в течение одного года.[174]

Однажды утром Моисей объявил фараону о первой чуме, когда царь прогуливался по берегу реки. Эта утренняя прогулка позволила ему прибегнуть к обману. Он называл себя богом и притворялся, что не испытывает человеческих потребностей. Чтобы поддерживать иллюзию, он каждое утро отправлялся на берег реки и наслаждался там природой, оставаясь один и никем не замеченный. Именно в такое время перед ним предстал Моисей и воззвал к нему: "Есть ли бог, у которого есть человеческие нужды?" "Воистину, я не бог, - ответил фараон, - я только притворяюсь им перед египтянами, которые такие идиоты, что их следует считать ослами, а не людьми".[175]

Затем Моисей сообщил ему, что Бог превратит воду в кровь, если он откажется отпустить Израиль. В этом предупреждении мы можем увидеть разницу между Богом и человеком. Когда смертный вынашивает намерение нанести вред врагу, он подстерегает момент, когда сможет нанести неожиданный удар. Но Бог откровенен. Он публично предупреждал фараона и египтян всякий раз, когда надвигалась чума, и каждое предупреждение повторялось Моисеем в течение трех недель, хотя сама чума продолжалась всего одну неделю.

Поскольку фараон не принял это предупреждение близко к сердцу, чума, объявленная Моисеем, обрушилась на него и его народ - воды превратились в кровь. Это хорошо известная поговорка: "Бейте идолов, и священники будут в ужасе". Бог поразил реку Нил, которой египтяне поклонялись как своему богу, чтобы уstrasить фараона и его народ и заставить их исполнить Божественную волю.

Чтобы вызвать чуму, Аарон взял свой жезл и простер руку над водами Египта. Моисей не принимал участия в совершении чуда, ибо Бог сказал ему: "Вода, которая охраняла тебя, когда ты был беззащитен в Ниле, не пострадает из-за тебя".

Едва Аарон исполнил Божественное повеление, как вся вода Египта превратилась в кровь, даже та, что хранилась в деревянных и каменных сосудах. Сама слюна египтянина превращалась в кровь, как только он выпускал ее изо рта,[176] и кровь капала также с идолов египтян.[177]

Превращение воды в кровь задумывалось главным образом как наказание угнетателям, но в то же время было источником прибыли для угнетенных. Это дало израильтянам возможность накопить огромное богатство. Египтяне платили им большие суммы за их воду, потому что если египтянин и израильтянин черпали воду из одного корыта, то часть, уносимая египтянином, неизбежно оказывалась бесполезной, она превращалась в кровь. Конечно, ничто не помогло египтянам в их бедственном положении, потому что, хотя они пили воду из той же чаши, что и израильтяне, у них во рту она превращалась в кровь.

Однако эта чума не произвела впечатления на фараона как наказание, наложенное именем Бога, потому что с помощью Ангелов Разрушения египетские маги произвели то же самое явление превращения воды в кровь. Поэтому он не внял словам Моисея.[178]

Следующим было нашествие лягушек, и снова чудо сотворил Аарон. Он простер руку со своим жезлом над реками и вызвал появление лягушек на земле Египта. Моисею, жизнь которого была сохранена водой, помешали отравить своего спасителя пресмыкающимися. Сначала появилась только одна лягушка, но она начала квакать, призывая столько товарищей, что вся земля Египта кишела ими. Где бы ни появлялся египтянин, появлялись лягушки, и каким-то таинственным образом они могли пронзать самые твердые металлы, и даже мраморные дворцы египетской знати не давали от них защиты. Если к ним приближалась лягушка, стены немедленно раскалывались на части. "Расступись, - зывали лягушки к камню, - чтобы я мог исполнить волю моего Создателя", и сразу же в мраморе появлялась трещина, через которую проникали лягушки, а затем они нападали на египтян, калечили и сокрушали их. В своем рвении исполнить Божью волю лягушки бросились в раскаленное пламя печей для выпечки и пожрали хлеб. Столетия спустя Навуходоносор приказал трем святым детям, Анании, Мишаэлю и Азарии, поклоняться его идолам под страхом смерти в горячей печи, и они сказали: "Если лягушки, которые не были обязаны прославлять Имя Божье, тем не менее бросились в огонь, чтобы исполнить Божественную волю относительно наказания египтян, насколько больше мы должны быть готовы подвергнуть наши жизни огню для вящей славы Его Имени!"[179] И ревностным лягушкам не разрешили. остаться без награды. В то время как остальные были уничтожены фараоном и египетскими домами в момент, назначенный последним пострадавшим от чумы, Бог спас тех, кто находился в пекарных печах живыми, огонь не имел силы причинить им ни малейшего вреда.[180]

Итак, хотя египетские маги также вызывали лягушек на землю Египта с помощью демонов, фараон, тем не менее, заявил, что готов отпустить народ для принесения жертвы Господу. Разница между этой чумой и первой заключалась в том, что вода, превратившаяся в кровь, не причинила ему никаких личных неудобств, в то время как стаи лягушек причиняли физические страдания, и он дал обещание Моисею отпустить Израиль, в надежде избавить себя от боли, которую он испытывал. И Моисей, в свою очередь, пообещал умолять Бога о нем на следующий день. Это не могло быть сделано сразу, потому что семидневный срок еще не истек. Молитва, вознесенная Моисеем от имени фараона, была удовлетворена, все лягушки погибли, и их уничтожение было слишком быстрым, чтобы они успели вернуться в воду. Вследствие этого вся земля наполнилась зловонием от разлагающихся лягушек, ибо их было так много, что каждый египтянин собрал их по четыре кучи.[181] Хотя лягушки заполнили все рыночные площади, конюшни и жилища, они отступали перед евреями, как будто они были способны различать эти два народа и знали, над кем из них следует надругаться, а к кому относиться с уважением.[182] Помимо того, что евреев в земле Египта было так много, лягушки держались в пределах этой земли, в том числе в нет смысла прокладывать траншеи на территории соседних стран. Действительно, они были средством мирного урегулирования старого пограничного спора между Египтом и Эфиопией. Где бы они ни появлялись, до сих пор простирались египетские владения; все за их пределами принадлежало Эфиопии.

Фараон был подобен нечестивцам, которые зывают к Богу в своей беде, а когда их дела идут лучше, возвращаются к своим старым, нечестивым путям. Как только лягушки покинули его, его дома, его слуг и его народ, он снова ожесточил свое сердце и отказался отпустить Израиль. После этого Бог наслал чуму вшей, последнюю из тех, что были принесены в Египет при посредничестве Аарона. Моисей не мог участвовать в этом, "ибо, - сказал Бог, - земля, которая дала тебе защиту, когда она позволила тебе спрятать убитого египтянина, не пострадает от твоей руки".[183]

Египетские маги хвастались, что им удалось вызвать первые две язвы, — это было пустое хвастовство, ибо они вызвали их не своими чарами, а только потому, что Моисей пожелал, чтобы они сделали это, — Бог пристыдил их третьей язвой. Они тщетно пытались имитировать это.[184] Демоны не могли помочь им, ибо их сила ограничена созданием вещей размером больше ячменного зерна, а вши меньше. Магам пришлось признать: "Это перст Божий". Их неудача раз и навсегда положила конец их попыткам поступать так, как поступал Моисей.

Но сердце фараона ожесточилось, и Бог обратился к Моисею, говоря: "Этот нечестивый человек остается ожесточенным сердцем, несмотря на три язвы. Четвертое будет намного хуже тех, что ему предшествовали. Поэтому иди к нему и предупреди его, что для него было бы хорошо отпустить Мой народ, чтобы чума не постигла его".[185]

ЯЗВЫ , ПРИНЕСЕННЫЕ ЧЕРЕЗ МОИСЕЯ

Королю также было объявлено о четвертой чуме ранним утром на берегу реки. Фараон регулярно ходил туда, потому что он был одним из магов, которым для их заклинаний нужна вода.[186] Ежедневные утренние визиты Моисея начинали раздражать его, и он рано уходил из дома в надежде обойти своего наставника. Но Бог, который знает мысли человека, послал Моисея к фараону в самый момент его выхода.

Предупреждение о неминуемой чуме не возымело никакого эффекта на фараона, и Бог наслал на Египет четвертую чуму, [187] смешанную орду диких животных, львов, медведей, волков и пантер, а также такое количество хищных птиц различных видов, что свет солнца и луны был затемнен, когда они кружили в воздухе. Эти звери напали на египтян в наказание за то, что они хотели заставить семя Авраама смешаться с другими народами. Бог отомстил, обрушив на них смесь, которая стоила им жизни.[188]

Как фараон был первым из египтян, кто вынашивал злые планы против сынов Израилевых, так и он был первым, на кого снизошло наказание. Смешанная орда зверей вошла в его дом первой, а затем и в дома остальных египтян. Гесем, земля, населенная израильтянами, была полностью пощажена, потому что Бог разделил эти два народа. Это правда, израильтяне совершили достаточно грехов, чтобы заслужить наказание, но Святой, да будет Он благословен, позволил египтянам действовать в качестве выкупа за Израиль.

Фараон снова выразил свою готовность позволить детям Израиля приносить жертвы своему Богу, но они должны были оставаться на земле и совершать это, а не выходить наружу, в пустыню. Моисей указал фараону, как неприлично было бы израильтянам приносить в жертву на глазах у его народа животных, которым египтяне поклонялись как богам. Тогда фараон согласился отпустить их за пределы своей земли, только они не должны были уходить очень далеко, и Моисей, чтобы ввести его в заблуждение, попросил трехдневного путешествия в пустыню. Но, опять же, когда Моисей воззвал к Богу от имени фараона, и орда диких зверей исчезла, царь ожесточил свое сердце и не отпустил народ.

Прекращение четвертой эпидемии было таким же чудом, как и сама чума. Те самые животные, которые были убиты египтянами в целях самообороны, вернулись к жизни и покинули землю вместе с остальными. Это было предписано для того, чтобы злостные угнетатели не извлекли из

наказания такой выгоды, как стоимость шкур и мяса убитых животных. С бесполезными лягушками все было иначе, они умерли на месте, и их тушки остались там, где они упали.[189]

Пятая язва, насланная Богом на египтян, была ужасной эпидемией, которая косила главным образом крупный рогатый скот, но не пощадила полностью людей. Этот мор был особой напастью, но он также сопровождал все другие напасти, и из-за него погибло много египтян.[190] Израильтяне снова остались невредимыми. Действительно, если израильтянин имел справедливые права на животное, принадлежащее египтянину, его тоже щадили, и такая же удача ждала и такой скот, который был общей собственностью израильтян и египтян.

Шестая язва, нарывная язва, была вызвана Моисеем и Аароном вместе чудесным образом. Каждый взял по горсти золы из печи, затем Моисей взял содержимое двух куч во впадинку одной из своих ладоней и высыпал пепел острием к небу, и он взлетел так высоко, что достиг Божественного престола. Вернувшись к земле, она рассеялась по всей земле Египта на пространстве, равном четыремстам квадратным парасангам. Мелкая пыль из пепла вызывала проказу на коже египтян[191] и язвы особого рода, мягкие внутри и сухие сверху.[192]

Первые пять эпидемий маги пытались имитировать, и отчасти им это удалось. Но во время этого шестого нашествия они не смогли устоять перед Моисеем, и с тех пор они отказались от попыток поступать так, как он. Их ремесло все это время было вредным для них самих. Хотя они могли вызывать язвы, они не могли подражать Моисею в том, что заставляло их исчезать. Они засовывали руки себе за пазуху и вытаскивали их, побелевших от проказы, точь-в-точь как Моисей, но их плоть оставалась прокаженной до дня их смерти. И то же самое происходило со всеми другими бедствиями, которым они подражали: до своего смертного дня они были поражены болезнями, которые сами же и вызывали.[193]

Поскольку фараон сознательно ожесточал свое сердце каждой из первых пяти язв и отказывался отказаться от своего греховного намерения, Бог впоследствии наказал его так мудро, что он не смог бы исправить свои поступки, даже если бы захотел. Бог сказал: "Даже если он сейчас захочет покаяться, я ожесточу его сердце до тех пор, пока он не выплатит весь свой долг".

Фараон заметил, что всякий раз, когда он шел по берегу Нила, Моисей перехватывал его. Поэтому он отказался от своей утренней прогулки. Но Бог повелел Моисею рано утром разыскать царя в его дворце и призвать его покаяться в своих злодеяниях. Поэтому Моисей обратился к нему от имени Бога со следующими словами: "О ты, негодяй! Ты думаешь, что я не могу стереть тебя с лица земли. Подумай, если бы я захотел этого, вместо того чтобы убивать скот, я мог бы поразить тебя и твой народ моровой язвой, и ты был бы отрезан от земли. Я нанес чуму только в той степени, в какой это было необходимо, чтобы показать тебе Мою силу и чтобы Мое Имя было провозглашено по всей земле. Но ты не перестаешь топтать ногами Мой народ. Смотрите, завтра, когда солнце пройдет эту точку, - после чего Моисей провел пальцем по стене, — Я пролью очень сильный град, такой, который будет только один раз, когда Я уничтожу Гога градом, огнем и серой".

Но Божья любящая доброта настолько велика, что даже в Своем гневе Он проявляет милосердие к нечестивым, и поскольку Его главной целью было не причинять вред людям и животным, а повреждать растительность на полях египтян, Он велел Моисею увещевать фараона послать и поторопить свой скот и все, что у него было в поле. Но предупреждение

дошло до невнимательных ушей. Иов был единственным, кто принял это близко к сердцу, в то время как фараон и его народ не поверили слову Господа. Поэтому Господь позволил граду поражать как людей, так и скот, вместо того чтобы ограничиться травами и деревьями в поле, как Он намеревался с самого начала.

Как правило, огонь и вода - стихии, враждующие друг с другом, но во время града, обрушившегося на землю Египта, они примирились. Огонь покоился в градинах, как горящий фитиль плавает в масле лампы; окружающая жидкость не может погасить пламя. Египтяне были поражены либо градом, либо огнем. Как в том, так и в другом случае их плоть была опалена, и тела многих убитых градом были сожжены огнем. Градины громоздились стеной, так что туши убитых животных невозможно было убрать, и если людям удавалось разделить мертвых животных и унести их мясо, хищные птицы нападали на них по пути домой и уносили их добычу. Но растительность в поле пострадала даже больше, чем люди и звери, потому что град обрушился, как топор, на деревья и сломал их. То, что пшеница и полба не были раздавлены, было чудом.

Теперь, наконец, фараон признал это и сказал: "Господь праведен, а я и мой народ нечестивы. Он был праведен, когда велел нам поспешить с нашим скотом из-под града, а я и мой народ были нечестивы, ибо мы не вняли Его предупреждению, и люди и звери были найдены в поле под градом и убиты ". Он снова умолял Моисея умолять Бога за него, чтобы Он отвратил чуму, и он пообещал отпустить детей Израиля. Моисей согласился исполнить его волю, сказав, однако: "Не думай, что я не знаю, что произойдет после прекращения чумы. Я знаю, что ты и твои слуги, вы будете бояться Господа Бога, как только Его наказание будет снято, так же мало, как вы боялись Его раньше. Но чтобы показать Его величие, я буду молиться Ему, чтобы град прекратился".

Моисей отошел на небольшое расстояние от фараона за город и простер руки к Господу, ибо он не желал молиться Богу внутри, где было много идолов и истуканов. Град сразу же остался висеть в воздухе. Часть его упала, когда Иисус Навин сражался с аморреями, а остальное Бог ниспослет в Своей ярости на Гога. Также громы прекратились по заступничеству Моисея и были отложены на более позднее время, ибо это был шум, который Господь заставил услышать войско сирийцев при осаде Самарии, а потому они встали и бежали в сумерках.[194]

Как и предвидел Моисей, так и случилось. Как только град прекратился, фараон отказался от своего решения и отказался отпустить Израиль. Моисей, не теряя времени, объявил ему о восьмом нашествии саранчи. Заметив, что его слова произвели впечатление на советников царя, он повернулся и вышел от фараона, чтобы дать им возможность обсудить этот вопрос между собой. И действительно, его слуги убеждали фараона отпустить израильтян и служить Господу, их Богу. Но, опять же, когда Моисей настоял на том, чтобы пойти всем народом, молодыми и старыми, сыновьями и дочерьми, фараон возразил, сказав: "Я знаю, что обычно молодые мужчины и старики принимают участие в жертвоприношениях, но, конечно, не маленькие дети, и когда ты требуешь и их присутствия, ты выдаешь свои злые намерения. Это всего лишь притворство, твои слова о том, что ты отправишься в трехдневное путешествие по дикой местности, а затем вернешься. Ты хочешь сбежать и никогда не возвращаться. Я больше не буду иметь к этому никакого отношения.[195] Мой бог Баал-цефон выступит против тебя на пути и помешает тебе в твоём путешествии". Последние слова фараона были смутным

предчувствием. Как маг, он предвидел, что, выйдя из Египта, дети Израиля окажутся в отчаянном положении перед святилищем Ваал-цефона.[196]

Фараон не удовлетворился простым отказом в просьбе Моисея и Аарона. Он приказал насильно изгнать их из дворца. Затем Бог послал нашествие саранчи, о котором Моисей объявил ранее. Они съели всю траву на земле и все плоды с деревьев, которые оставил град, и не осталось ни одной зелени. И снова фараон послал за Моисеем и Аароном, чтобы попросить у них прощения как за свой грех против Господа Бога, заключающийся в том, что он не послушал Его слова, так и за свой грех против них, заключающийся в том, что он преследовал их и намеревался проклясть их. Моисей, как и прежде, помолился Богу за фараона, и его прошение было удовлетворено, чума была устранена, причем довольно удивительным образом. Когда стаи саранчи начали затемнять землю, египтяне ловили их и консервировали в рассоле в качестве лакомства для употребления в пищу. И ныне, Господь обратил чрезвычайно сильный западный ветер, который поднял саранчу и погнал ее в Красное море. Даже те, кого они держали в своих горшках, разлетелись в разные стороны, и они не получили ожидаемой прибыли.[197]

Предпоследняя чума, как и все предшествовавшие ей, продолжалась семь дней. Все это время земля была окутана тьмой, только она не всегда была одинаковой степени плотности. В течение первых трех дней она была не такой густой, но египтяне могли менять позу, когда им этого хотелось. Если они сидели, они могли подняться, а если стояли, то могли сесть. На четвертый, пятый и шестой дни темнота была настолько плотной, что они не могли сдвинуться с места. Они либо сидели все это время, либо стояли; какими были в начале, такими и оставались до конца. Последний день тьмы настиг египтян не на их собственной земле, а у Красного моря, когда они преследовали Израиль. Тьма была не обычного, земного рода; она исходила из ада, и ее можно было почувствовать. Она была толщиной с динар, и все время, пока она господствовала, небесный свет освещал жилища сынов Израилевых, благодаря чему они могли видеть, что делали египтяне под покровом темноты. Это было для них большим преимуществом, потому что, когда они собирались покинуть страну и просили своих соседей одолжить им одежду, золотые и серебряные украшения для путешествия, египтяне пытались отрицать, что у них есть что-либо в наличии. Но сыны Израилевы, разыскав все свои сокровища в дни тьмы, могли с точностью описать предметы, в которых они нуждались, и обозначить места, где они прятались. Египтяне рассудили, что слова израильтян можно воспринимать безоговорочно в том виде, в каком они их произносили, ибо, если бы у них была хоть малейшая мысль обмануть их, попросить взаймы, когда они намеревались сохранить то, что попало им в руки, они могли бы незаметно взять в дни тьмы все, что пожелают. Поэтому египтяне без колебаний одалживали детям Израиля все сокровища, о которых они просили.[198]

Тьма была такой природы, что ее нельзя было рассеять искусственными средствами. Свет костра, разожженного для хозяйственных нужд, либо погас из-за сильной бури, либо стал невидимым и растворился в густоте темноты. Зрение, это самое незаменимое из всех внешних чувств, хотя и не пострадало, было лишено своей функции, поскольку ничего нельзя было различить, а все остальные чувства были подавлены, подобно предметам, чей лидер пал. Никто не мог говорить или слышать, и никто не мог отважиться принять пищу, но они лежали в тишине и голоде, их внешние чувства были погружены в транс. Так они и оставались, подавленные несчастьем, пока Моисей снова не сжалился над ними и не взмолился за них Богу, который даровал ему силу восстановить хорошую погоду, свет вместо тьмы и день вместо ночи.[199]

Напуганный этим несчастьем, фараон позволил людям уйти, как малышам, так и мужчинам и женщинам, только попросил их оставить свои стада. Но Моисей сказал: "Пока ты жив, наш скот тоже пойдет с нами. Да, если только копыто животного принадлежит израильтянину, животное не должно быть оставлено в Египте". Эта речь привела фараона в такое бешенство, что он пригрозил Моисею смертью в тот день, когда тот снова увидит его лицо.

В этот самый момент Господь явился Моисею и повелел ему сообщить фараону о последнем бедствии - умерщвлении первенца. Это был первый и последний раз, когда Бог явил Себя в царском дворце. В этот раз он выбрал резиденцию фараона, чтобы Моисей не был заклемен как лжец, поскольку на угрозу фараона убить его, если тот снова увидит его лицо, он ответил словами: "Ты хорошо сказал; я больше не увижу твоего лица".

Громким голосом Моисей провозгласил последнюю казнь, завершив свое объявление словами: "И все эти рабы твои придут ко мне и поклонятся Мне, говоря: "Выйди ты"; и весь народ, который следует за тобою; и после этого я выйду". Моисей достаточно хорошо знал, что сам фараон придет и будет убеждать его вести Израиль вперед со всей возможной поспешностью, но он упомянул только слуг царя, а не самого царя, потому что он никогда не забывал об уважении, подобающем правителю.[200]

ПЕРВАЯ ПАСХА

Когда приблизилось время, когда, согласно обетованию, данному Аврааму, его дети будут искуплены, стало ясно, что в их активе нет благочестивых поступков, ради которых они заслуживали освобождения из рабства. Поэтому Бог дал им две заповеди: одна повелевала им принести в жертву пасхального агнца, а другая - обрезать своих сыновей.[201] Вместе с первым они получили календарь, используемый среди евреев, ибо праздник Пасхи должен отмечаться в пятнадцатый день месяца Нисан, и с этого месяца должен начинаться год. Но расчеты для календаря настолько сложны, что Моисей не мог понять их, пока Бог не показал ему ясно движение луны. Были еще три вещи, столь же трудные, которые Моисей смог понять только после того, как Бог дал ему ясно увидеть их. Это были приготовление святого масла для помазания, устройство подсвечника в Скинии и животные, мясо которых разрешено или запрещено.[202] Также определение новолуния было предметом особого Божественного учения. Чтобы Моисей мог точно знать процедуру, Бог явился ему в одежде с бахромой по углам, велел Моисею встать по правую руку от Него, а Аарону - по левую, а затем, сославшись на Михаила и Гавриила как на свидетелей, Он задал ангелам пытливые вопросы о том, каким им показалось новолуние. Затем Господь обратился к Моисею и Аарону, сказав: "Так Мои дети провозгласят новолуние по свидетельству двух свидетелей и через председателя суда.[203]

Когда Моисей предстал перед детьми Израиля и передал им Божественное послание, сказав им, что их искупление произойдет в этом месяце Нисан, они сказали: "Как это возможно, что мы будем искуплены? Разве весь Египет не полон наших идолов? И у нас нет никаких благочестивых поступков, которые сделали бы нас достойными искупления". Моисей ответил и сказал: "Поскольку Бог желает вашего искупления, Он не обращает внимания на ваших идолов; Он проходит мимо них. Он также не смотрит на ваши злые дела, но только на добрые дела благочестивых среди вас".[204]

Бог действительно не избавил бы Израиль, если бы они не отказались от своего идолопоклонства. С этой целью Он повелел им принести в жертву пасхального агнца. Таким образом, они должны были показать, что отказались от идолопоклонства египтян, заключавшегося в поклонении барану.[205] Ранний закон отличался от практики более поздних времен, поскольку им было приказано выбрать свое жертвенное животное за четыре дня до дня, назначенного для жертвоприношения, и публично обозначить его как таковое, чтобы показать, что они не испытывают благоговения перед египтянами.

С тяжелым сердцем египтяне наблюдали за приготовлениями израильтян к принесению в жертву животных, которым они поклонялись. Тем не менее, они не осмелились возразить, и когда пришло время совершать жертвоприношение, дети Израиля могли совершать церемонии без дрожи, поскольку по многодневному опыту они знали, что египтяне боялись приближаться к ним с враждебными намерениями. Был еще один обычай, связанный с закланием пасхального агнца, который должен был показать египтянам, как мало израильтяне их боялись. Они взяли немного крови животного и открыто нанесли ее на два боковых столба и на перекладину дверей своих домов.[206]

Моисей сообщил старейшинам законы, регулирующие пасхальное жертвоприношение, а они, в свою очередь, ознакомили с ними народ в целом. Старейшинам была дана высокая оценка за то, что они поддерживали вождя при его первом появлении, ибо их вера в Моисея заставила весь народ сразу же последовать за ним. Поэтому Бог заговорил, сказав: "Я вознагражу старейшин за то, что они внушили народу доверие к Моисею. Им выпадет честь освободить Израиль. Они поведут народ к Пасхальной жертве, и через это будет совершено искупление".[207]

Церемонии, связанные с пасхальным жертвоприношением, имели целью дать Израилю наставления как о прошлом, так и о будущем. Кровь, нанесенная на две боковые стойки и на перекладину их дверей, должна была напоминать им об Аврааме, Исааке и Иакове; а пучок иссопа для окропления кровью дверей должен был означать, что, хотя положение Израиля среди народов земли такое же низкое, как положение иссопа среди растений, все же этот маленький народ связан вместе, как пучок иссопа, ибо это особое сокровище Бога.[208]

Пасхальное жертвоприношение дало Моисею возможность склонить детей Израиля к обрезанию, которое многие до тех пор отказывались делать, несмотря на его настоятельные призывы. Но у Бога есть средства убеждения. Он вызвал ветер, который донес сладкие ароматы Рая до пасхального агнца Моисея, и благоухание проникло во все уголки Египта на расстояние сорокадневного путешествия. Народ толпами тянулся к агнцу Моисееву и желал вкусить от него. Но он сказал: "Таково повеление Божье: "Ни один необрезанный не должен есть этого", - и все они решили подвергнуться обрезанию. Когда Господь проходил по земле Египетской, Он благословил каждого израильтянина за исполнение им двух заповедей: заповеди о пасхальной жертве и заповеди об обрезании".

Господь совершил великое чудо для израильтян. Поскольку никакая жертва не может быть съедена за пределами Святой Земли, все сыны Израилевы были перенесены туда на облаках, и после того, как они съели от жертвы, их тем же способом отнесли обратно в Египет.[210]

ИЗБИЕНИЕ ПЕРВОРОЖДЕННОГО

Когда Моисей объявил об умерщвлении первенца, все назначенные жертвы отправились к своим отцам и сказали: "Все, что предсказал Моисей, исполнилось. Отпустите евреев, иначе мы все умрем". Но отцы ответили: "Лучше одному из каждых десяти из нас умереть, чем евреям осуществить свое намерение". Тогда первенец отправился к фараону, чтобы побудить его отпустить сынов Израилевых. Вместо того чтобы удовлетворить их желание, он приказал своим слугам напасть на перворожденных и избить их, чтобы наказать за их самонадеянное требование. Видя, что они не могут достичь своей цели мягкими средствами, они попытались добиться этого силой.[211]

Фараон и все, кто выступал против желаний перворожденных, придерживались мнения, что потеря столь незначительного процента населения была делом незначительного момента. Они ошиблись в своих расчетах, ибо Божественный указ включал в себя не только первородных сыновей, но и первородных дочерей, и не только первенцев от существовавших тогда браков, но и первенцев, происходящих от предыдущих союзов отцов и матерей, а поскольку египтяне вели распутный образ жизни, нередко случалось, что каждый из десяти детей одной женщины был первенцем своего отца. Наконец, Бог постановил, что смерть должна поразить старейшего члена каждой семьи, независимо от того, был он первенцем у своих родителей или нет.[212] То, что решает Бог, исполняется. В точный момент, отмечающий середину ночи, настолько точный, что только Сам Бог мог определить и различить это, Он появился в Египте в сопровождении девяти тысяч мириад Ангелов Разрушения, которые созданы частью из града, частью из пламени, и чьи взгляды вселяют ужас и трепет в сердце смотрящего. Эти ангелы были готовы броситься на дело уничтожения, но Бог удержал их, сказав: "Мой гнев не утихнет, пока Я Сам Не совершу месть врагам Израиля".[213]

Те из египтян, кто верил словам Моисея и пытался оградить своих первенцев от смерти, отправили их к своим еврейским соседям, чтобы они провели с ними роковую ночь, в надежде, что Бог избавит дома детей Израиля от чумы. Но утром, когда израильтяне пробудились ото сна, они обнаружили рядом с собой трупы египетских беглецов.[214] Это была ночь, в которую израильтяне молились перед тем, как лечь спать: "Сделай так, чтобы мы, о Господь, Бог наш, легли с миром, удали сатану от нас и от нас сзади, и охраняй наш выход и наш приход к жизни и миру",[215] ибо именно сатана вызвал ужасное кровопролитие среди египтян.[216]

Среди убитых были, помимо египетских первенцев, также первенцы других национальностей, проживавшие в Египте, а также египетские первенцы, жившие за пределами своей земли.[217] Даже давно умершие первенцы не были пощажены. Собаки вытаскивали их трупы из могил в домах, потому что по египетскому обычаю хоронили мертвых дома. При виде этого ужасающего зрелища египтяне скорбели так, словно тяжелая утрата постигла их совсем недавно. Сами памятники и статуи, воздвигнутые в память о умерших перворожденных, были превращены в пыль, которая рассеялась и улетела с глаз долой. Более того, их рабам пришлось разделить судьбу египтян, и в не меньшей степени первенцу пленника, который был в темнице, ибо никто не был так низок, как он, но он ненавидел евреев и радовался, когда египтяне объявили об их преследовании.[218] Рабыни, которые мололи зерно между жерновами, имели обыкновение говорить: "Мы не сожалеем о нашем рабстве, если только израильтянам тоже заткнут рты".[219]

Наказывая этих пришельцев в земле Египет, Бог показал, что Он был одновременно Хозяином земли и Господом над всеми богами народов, ибо, если бы рабы и военнопленные не были поражены, они сказали бы: "Силен наш бог, который помог нам в этом бедствии".[220] По той же причине все идола египтян были уничтожены в ту ночь. Каменные идола были стерты в пыль, деревянные сгнили, а металлические расплавились[221], и таким образом египтяне не могли приписать свое наказание гневу своих собственных богов. Точно так же Господь Бог умертвил первенца крупного рогатого скота, ибо египтяне поклонялись животным, и они приписали бы им свои несчастья. Всеми этими способами Господь показывал им, что их боги - всего лишь суета.

ИСКУПЛЕНИЕ ИЗРАИЛЯ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО РАБСТВА

Фараон восстал в ночь избиения первенца. Он не ждал третьего часа утра, когда обычно встают цари, и не ждал, пока его разбудят, но он сам пробудил своих рабов ото сна и всех других египтян, и они вместе отправились искать Моисея и Аарона.[222] Он знал, что Моисей никогда не говорил неправды, и поскольку он сказал: "Я больше не увижу твоего лица", он не мог рассчитывать на то, что Моисей придет к нему. Ему ничего не оставалось, как отправиться на поиски израильского вождя.[223] Он не знал, где жил Моисей, и у него возникли большие трудности, и он потерял много времени, разыскивая его дом, потому что еврейские парни, о которых он расспрашивал, когда встречал их на улице, разыгрывали с ним розыгрыши, сбивали с толку и вводили в заблуждение. Так он долго бродил.[224] все это время плача и взывая: "О мой друг Моисей, помолись за меня Богу!"

Тем временем Моисей, Аарон и весь Израиль рядом были на пасхальной трапезе, пили вино, сидя и склонившись набок, и пели песни во славу Бога, Аллилуию, которую они произнесли первыми. Когда фараон, наконец, достиг дверей дома, в котором жил Моисей, он позвал его, и Моисей ответил вопросом: "Кто ты и как тебя зовут?" — "Я фараон, который стоит здесь униженный". — Моисей снова спросил: "Зачем ты сам пришел ко мне? Разве это обычай царей задерживаться у дверей простых людей?" — "Молю тебя, мой господин, — ответил фараон, — выйди и заступись за нас, иначе в Египте не останется ни одного живого существа". - "Я не могу выйти, ибо Бог бат повелел нам: "Никто из вас не должен выходить за дверь своего дома до утра". " -Но фараон продолжал умолять: "Только подойдите к окну и поговорите со мной", и когда Моисей уступил его настойчивости и появился у окна, царь обратился к этим людям: "Никто из вас не должен выходить за дверь своего дома до утра". слова, обращенные к нему: "Ты сказал вчера: "Все первенцы в земле Египетской умрут", но теперь погибло до девяти десятых жителей".[225]

Фараона сопровождала его дочь Бития, приемная мать Моисея. Она упрекнула его в неблагодарности за то, что он навлек зло на нее и ее соотечественников. И ответил Моисей и сказал: "Десять язв навел Господь на Египет. Постигло ли тебя зло от какой-либо из них? Коснулось ли тебя одно из них?" И когда Бития признала, что никакого вреда ей не причинили, Моисей продолжил говорить: "Хотя ты первенец своей матери, ты не умрешь, и никакое зло не постигнет тебя посреди Египта". Но Бития сказал: "Какая мне польза от моей безопасности, когда я вижу царя, моего брата, и весь его дом, и его слуг в этом ужасном положении, и смотрю на их первенцев, погибающих вместе со всеми первенцами Египта?" И Моисей ответил:

"Воистину, твой брат, его семья и другие египтяне не захотели прислушаться к словам Господа, поэтому это зло постигло их.[226]

Повернувшись к фараону, Моисей сказал: "Несмотря на все случившееся, я научу тебя кое-чему, если ты захочешь научиться, и ты будешь спасен и не умрешь. Возвысьте свой голос и скажите: "Вы, дети Израиля, вы сами себе хозяева. Готовьтесь к своему путешествию и покиньте мой народ. До сих пор вы были рабами фараона, но отныне вы находитесь под властью Бога. Служи Господу, Богу твоему!" - Моисей заставил его произнести эти слова трижды, [227] и Бог сделал так, что голос фараона был услышан по всей земле Египет, чтобы все жители, как местные, так и пришельцы, знали, что фараон освободил детей Израиля из рабства, в котором они томились. И весь Израиль пел: "Аллилуйя, хвалите, о вы, рабы Господни, хвалите Имя Господне", ибо они принадлежали Господу и больше не были слугами фараона.[228]

Теперь царь Египта настаивал на том, чтобы они без промедления покинули землю. Но Моисей возразил и сказал: "Разве мы воры, что должны ускользать под покровом ночи? Подожди до утра. Фараон, однако, убеждал и умолял Моисея уйти, признавшись, что он беспокоился о своей собственной персоне, поскольку он был первенцем, и он был в ужасе от того, что смерть поразит и его тоже. Моисей рассеял его тревогу, хотя и заменил ее новым ужасом, сказав: "Не бойся, тебя ждет худшее!" Ужас охватил весь народ; каждый из египтян боялся лишиться жизни, и все они объединили свои молитвы с молитвами фараона и умоляли Моисея забрать израильтян отсюда. И Бог сказал: "Вы все найдете свой конец не здесь, а в Красном море!"[229]

ИСХОД

Фараон и египтяне оставили своих мертвых лежать непогребенными, а сами поспешили помочь израильтянам погрузить их имущество на повозки, чтобы вывезти их из страны с как можно меньшей задержкой. Уходя, они взяли с собой, помимо своего собственного скота, овец и быков, которых фараон приказал своим вельможам преподнести им в подарок. Король также заставил своих вельмож просить прощения у израильтян за все, что они перенесли, зная, что Бог прощает обиду, нанесенную человеком своему ближнему, только после того, как беззаконник восстановит расположение своей жертвы, признавшись в своей вине и раскаявшись в ней.[230] "А теперь уходите!" - сказал фараон израильтянам. "Я ничего не хочу от вас, кроме того, чтобы вы помолились Богу за меня, чтобы я был спасен от смерти".[231]

Ненависть египтян к израильтянам превратилась теперь в свою противоположность. Они прониклись к ним привязанностью и дружбой и буквально заставили их одеться, а также взять с собой в путешествие серебряные и золотые украшения, хотя сыны Израиля еще не вернули вещи, которые они одолжили у своих соседей в более раннее время. Этот поступок частично объясняется тщеславием фараона и его народа. Они хотели притвориться перед миром, что они несметно богаты, как все могли бы заключить, когда это богатство их простых рабов было продемонстрировано наблюдателям. Действительно, израильтяне так много вынесли из Египта, что один из них в одиночку мог бы покрыть расходы на строительство и оснащение Скинии.

Когда они покидали землю, в их руках находилось только личное богатство египтян, но когда они прибыли к Красному морю, они вступили во владение и общественной сокровищницей, поскольку фараон, как и все цари, брал с собой в походы государственные деньги, чтобы быть

готовым нанять группу наемников в случае поражения. Как ни велико было другое сокровище, добыча, захваченная в море, намного превосходила его.[232]

Но если израильтяне нагружали себя товарами, драгоценностями и деньгами, то это было не для удовлетворения любви к богатству или, как сказал бы любой ростовщик, не потому, что они жаждали владений своих соседей. Во-первых, они могли рассматривать свою добычу как плату, причитающуюся им от тех, кому они долго служили, и, во-вторых, они имели право отомстить тем, от рук кого они пострадали. Даже тогда они воздавали им страданиями, гораздо более легкими, чем любое из всех, которые они пережили сами.[233]

Эпидемии не остановили жестокость египетских угнетателей по отношению к евреям. Она не ослабевала до самого конца их пребывания в этой стране. В день исхода Рахиль, дочь Шуцелаха, родила ребенка, когда они с мужем вместе месили глину для кирпичей. Младенец выпал из ее чрева в глину и скрылся из виду. Явился Гавриил, вылепил из глины кирпич, в котором лежало дитя, и отнес его на высочайшее из небес, где сделал из него скамеечку для ног перед Божественным престолом. В ту ночь Бог взирал на страдания Израиля и порастил первенца египтян, [234] и это одна из четырех ночей, которые Бог записал в Памятную Книгу. Первый из четырех - это тот, в котором явился Бог, чтобы сотворить мир; все было опустошено и пустотой, и тьма нависла над бездной, пока не пришел Господь и не распространил свет повсюду Своим словом. Вторая ночь - это та, в которую Бог явился Аврааму по завету частей. На третью ночь Он появился в Египте, убив первенца египтян Своей правой рукой и защитив первенца израильтян левой. Записанная четвертая ночь будет той, в которую свершится конец искупления, когда железное иго нечестивого царства будет сломлено, а злодеи будут уничтожены. Тогда Моисей придет из пустыни, а Мессия из Рима, каждый во главе своей паствы, и слово Божье будет посредником между ними, побуждая обоих единодушно идти в одном направлении.

Искупление Израиля в будущие дни произойдет пятнадцатого числа Нисана, в ночь освобождения Израиля из Египта, ибо так сказал Моисей: "В эту ночь Бог защитил Израиль от Ангелов Разрушения, и в эту ночь Он также искупит будущие поколения".[235]

Хотя фактическое освобождение из Египта произошло в ту ночь, евреи покинули страну только на следующий день.[236]

В ту же ночь Бог воздал египтянам за их злодеяния на глазах у всего народа, ночь была такой же светлой, как день во время летнего солнцестояния. Никто не мог избежать всеобщего наказания, ибо по Божественному устройству никто не отсутствовал дома в то время, так что никто не мог не увидеть наказания.[237]

Ангелы на небесах узнали, что происходит на земле. Когда они собирались начать свою хвалебную песнь Богу, Он заставил их замолчать словами: "Мои дети на земле сейчас поют", и небесному воинству пришлось остановиться и послушать песнь Израиля.[238]

Какой бы великой ни была радость евреев по поводу их освобождения из египетского рабства, она превзошла радость народа фараона при виде ухода своих рабов, ибо вместе с ними ушел страх смерти, который их преследовал. Они были похожи на дородного джентльмена верхом на осле. Всадник чувствует себя неудобно и с нетерпением ждет момента высадки, но его желание не может сравниться по интенсивности с желанием осла, стонущего под непосильной ношей, и

когда их путешествие подходит к концу, осел радуется больше, чем его хозяин. Таким образом, египтяне были более счастливы избавиться от евреев, чем они были свободны.[239]

В целом, израильтяне были не в радостном настроении. Силы людей быстро истощаются, умственно и физически, из-за напряжения, вызванного внезапным переходом от рабства к свободе. К ним не возвращались бодрость и сила, пока они не услышали, как воинство ангелов поет хвалебные песни и радость по поводу искупления Израиля и искупления Шекины, ибо пока избранный народ находится в изгнании, Шекина, обитающая среди Израиля, также, так сказать, находится в изгнании. В то же время Бог заставил землю выдохнуть и послать ввысь целебное благоухание, которое излечило их от всех болезней.[240]

Исход израильтян начался в Рамсесе, и хотя расстояние оттуда до города Мицраим, где жил Моисей, составляло сорок дней пути, все же они слышали голос своего вожда, призывающий их покинуть эту землю. Расстояние от Рамсеса до Суккота, составлявшее трехдневный переход, они преодолели за одно мгновение. В Суккоте Бог окутал их семью облаками славы, четыре из которых парили спереди, сзади и с двух сторон от них, одно висело над ними, чтобы уберечь от дождя, града и лучей солнца, и одно под ними, чтобы защитить их от шипов и змей. Седьмое облако предшествовало им и уготовило им путь, превознося долины и понижая каждую гору и холм.[241] Так они скитались по пустыне сорок лет. Все это время не требовалось искусственного освещения; луч изнебесного облака следовал за ними в самые темные помещения, и если кому-то из людей приходилось выходить за пределы лагеря, даже туда его сопровождала складка облака, прикрывающая и защищающая его.[242] Только для того, чтобы можно было провести различие между днем и ночью, огненный столп вечером заменял облако.[243] Ни на мгновение люди не оставались без того или другого, кто вел бы их: огненный столб сиял перед ними раньше облачного столпа. удалился, и утром облако было там до того, как исчез огонь.[244] Облака славы и огненный столп были посланы для защиты только Израиля, ни для кого другого, ни для язычников, ни для разношерстной толпы, которая поднялась с ними; они должны были выходить за пределы облачного ограждения.[245]

Кавалькада состояла из шестисот тысяч пеших глав семейств, каждого сопровождали пятеро детей верхом на лошадях, и к этому следует добавить смешанную толпу, значительно превосходившую евреев по численности.[246]

Доверие Израиля к Господу было настолько глубоким, что они безропотно последовали за Моисеем в пустыню, не запасаясь провизией.[247] Единственной пищей, которую они взяли, были остатки опресноков и горькие травы, но не для того, чтобы утолить свой голод, а потому, что они не желали расставаться с тем, что с любовью приготовили по повелению Бога. Эти пожитки были им так дороги, что они не доверили бы их вьючным животным, они несли их на своих плечах.[248]